

ГАДЖИФАХРАДДИН САФАРЛИ

**ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
НАХЧЫВАНА**

Нахчыван-2017

Печатается по постановлению Президиума Нахчыванского
Отделения НАНА № 04/07 от 29 марта 2017-го года
(протокол № 04).

Научный редактор: **Мешадиханум Неймаг**
*член корреспондент Национальной
Академии Наук Азербайджана, доктор
исторических наук*

*Гаджифахраддин Сафарли, Эпиграфические памятники
Нахчывана. Нахчыван: Издательское-Полиграфическое Объединение
“Аджеми”, 2017, 200 с.*

В монографии обсуждаются значимость данных ста надписей, зарегистрированных на территории Нахчыванской Автономной Республики, как историко-культурные памятники. В произведение добавлены перевод, фотография и графическое изображение надписей, большинство которых впервые включаются в научный оборот.

Монография рассчитана на историков, учёных, занимающихся вопросами эпиграфики, докторантов, магистров, искусствоведов и широкий круг читателей.

4700000000
053-2017

© “Аджеми” 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА I. СТРОИТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ	15
ГЛАВА II. ЭПИТАФИИ	36
а) Надписи на стелах и сундуках	37
б) Надписи на каменных фигурах баранов	61
ГЛАВА III. ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ ПО ЭПИГРАФИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ НАХЧЫВАНСКОЙ АР	67
а) Вопросы социально-политической истории	67
б) Анализ терминов, имеющих в надписях	83
в) Вопросы общественно-политических организации	94
г) Классификация памятников, оформление надписей, вопросы идеологии и литературы	102
д) Рельефные изображения на мемориальных памятниках и их значение, как исторического источника	119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	130
ЛИТЕРАТУРА	137
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	155
ПРИЛОЖЕНИЕ	156
а) Отзывы	156
б) Фотоальбом	167

ОТ АВТОРА

Территория Нахчыванской Автономной Республики изобилует историческими и культурными памятниками, относящихся к древности и к средним векам. Среди этих памятников особое место занимает эпиграфические памятники – арабо-персоязычные надписи. В основном исследование этих памятников началось с 30-ых годов XIX века. Большая заслуга в исследовании этих памятников принадлежит таким ученым, как Н.В.Ханыков, И.Азимбеков, А.Алескерзаде, С. Керимзаде, М.Нейматовой и другим. Но до 80-ых годов XX-го столетия эти надписи не являлись объектом систематического исследования, о них не были написаны диссертации, книги и монографии. Именно по этой весомой причине и учитывая большую значимость как исторического источника эти памятники впервые стали для нас объектами систематического исследования, в результате которых в 1987-ом году была защищена диссертация на тему «Арабо-персоязычные надписи Нахчыванской Автономной Республики как историко-культурные памятники (XVI-XIX вв.)». Монография «Эпиграфические памятники Нахчывана», представленная широкому кругу читателей и научной общественности написана на основе материалов этой диссертации.

Положительные отзывы во время представления к защите диссертации были даны моими научными консультантами доктором исторических наук, членом-корреспондентом НАНА М.Нейматовой, а также как рецен-

зент академиком Зиёй Буниятовым и доктором исторических наук Микаилом Гейдаровым. Будучи оппонентами отзывы были написаны академиком Зиёй Буниятовым и кандидатом исторических наук Рауфом Мамедовым. Было бы целесообразно включить некоторые отзывы в монографию, так как они содержат чёткое представление об исследовательской работе.

Монография была написана на основе новых данных, включённых в научный оборот. Во время исследовательской работы были изучены ряд политических, экономических и культурных вопросов по средневековой истории Азербайджана и получены существенные выводы.

ВВЕДЕНИЕ

В исследовании исторических событий необходимо пользоваться, – как отмечает В.И. Ленин – “точными и бесспорными фактами” (4, с. 350). С этой точки зрения роль “малых источников”, по словам академика Б.А. Рыбакова, незаменима (161, с. 5). К числу таких источников, играющих важную роль в изучении отдельных вопросов исторического прошлого, относятся и эпиграфические памятники.

Исторические события, изложенные в нарративных и рукописных источниках, зачастую подверглись неоднократному переписыванию, искажались и, как известно, нередко носили тенденциозный характер. Положительной стороной эпиграфических памятников является то, что они были объектами всеобщего обозрения, высекались руками творителей истории и донесли до нас сведения о тех или иных исторических событиях без искажения.

Новыми, ранее неизвестными сведениями, подчас меняющими былые представления, обогащают нас эпиграфические надписи (77, с. 13), существенно дополняющие сведения, донесенные до нас другими источниками. Они дают самые разные сведения, начиная от смерти отдельных граждан до сложных исторических событий, и представляют собой важный источник исторической информации (75, с. 41), анализ которой позволяет нам осветить ряд вопросов социально-экономической и политической жизни, реконструировать ход исторического процесса.

На территории Нахчыванской АР сохранилось значительное количество эпиграфических памятников, большинство из которых выполнены на арабском и персидском языках.

Как известно, в начале VIII в. Азербайджан попал под власть арабского халифата, в результате чего местное население приняло ислам. После халифата правители сельджуков, тимуридов, а также феодальных государств Азербайджана

использовали ислам для укрепления своего господства. Именно это явилось причиной того, что арабский язык стал языком просвещения и культуры в Азербайджане, именно этим объясняется наличие на территории Азербайджана арабоязычных надписей.

“Распространение арабской культуры ... - как отмечает известный востоковед В.А.Крачковская, - усилилось с принятием ислама, выразителем которого явился арабский язык, проникший вместе с Кораном в обиход многих народов не семитического происхождения, а вслед затем у них возникала арабская письменность. Так образовались памятники арабской эпиграфики у народов иранского, тюркского и монгольского происхождения, часть которых жила, живет и поныне на территории СССР” (37, с.127). Основоположник ислама Мухаммад и “праведные” халифы читали свои проповеди на арабском языке. Арабский язык был языком Корана, языком Аллаха. Никакой другой язык не мог сравниться с ним. Мусульманская традиция требовала, чтобы проповедь читалась на арабском языке. Поэтому на всей обширной территории распространения ислама на протяжении многих веков служители культа читали и продолжают читать свои проповеди на арабском языке (33, с. 7).

Среди исследуемых в монографии эпиграфических памятников, собранных нами на территории Нахчыванской АР, преобладают арабоязычные надписи.

Говоря о изучении истории Нахчывани, нельзя не отметить заслуги Р.Мамедова. Его научные статьи и монографии внесли большой вклад в изучение политической и социально-экономической истории города Нахчывани и других центров этого древнего края. Опираясь на нарративные источники, в том числе эпиграфические данные, он в своих трудах исследовал историю Нахчывани, начиная с древнейших времен до конца XVII века (106,107,108,109). Несколько мо-

нографических работ посвящено материальной культуре края. На базе выявленного здесь этнографического и археологического материала защищены кандидатские и докторские диссертации. Вопросы социально-экономической и политической истории исследуемого периода Нахчывани, имеющих большое значение для нашего исследования, нашли свое отражение в трудах целого ряда историков, в том числе И.П.Петрушевского (146, 149), О.А.Эфендиева (198, 201), М.Х.Гейдарова (60, 62), Ф.М.Алиева (23, 24, 25), А.А.Рахмани (155, 156), А.Д.Папазяна (143, 144), Г.Б.Абдуллаева (15), Т.М.Мусеви (120), С.А.Мамедова (110) и др.

Однако, эпиграфические памятники Нахчыванской АР до сих пор не являлись объектами специального исследования. Поэтому вопрос изучения арабо-персоязычных надписей автономной республики указанного периода является весьма актуальным, как с точки зрения ввода их в научный оборот, так и с точки зрения решения на основе их изучения некоторых социально-экономических и политических вопросов истории края.

Средневековые персоязычные источники по истории Нахчывани XVI-XIX вв., как и Азербайджана в целом, изучены недостаточно. “Большая часть этих источников не издана и продолжает сохраняться лишь в рукописях, разбросанных по различным хранилищам мира” (150, с. 300). Имеющиеся источники недостаточны для освещения многочисленных вопросов сложного и богатого историческими событиями исследуемого периода. Для объективного исследования этих исторических событий, наряду с письменными нарративными источниками, а также археологическими, этнографическими, нумизматическими и др. данными, огромную роль играют также эпиграфические данные. Разрушение и уничтожение со временем надписей усиливают актуальность данной проблемы. Надписи подвергаются физическому уни-

чтожению, многие из них увы, не сохранились до наших дней. В.А.Крачковская в этой связи писала: “... необходимо ускорить сбор надписей на местах, потому что время идет, а памятники разрушаются и исчезают” (97, с.134).

В ряде государственных документов изучение, охрана памятников истории и культуры, играющих огромную роль в воспитании подрастающего поколения, выдвигаются как одна из актуальных задач.

Исходя из вышеизложенного, автор задался целью сбора и исследования эпиграфических памятников Нахчыванской АР XVI по XIX вв., избранных объектом исследования.

Настоящая работа ставит своей целью решить следующие конкретные задачи:

1. Обогатить историю Азербайджана новыми историко - культурными фактами, опираясь на данные эпиграфических памятников.
2. Дать классификацию надписей по языку, хронологии, типологии и т.д.
3. Дать точную датировку исторических и архитектурных памятников, определить имена архитекторов, мастеров строителей, каллиграфов, резчиков, художников – орнаменталистов и др.
4. Дать комментарии терминов, содержащихся их значение как первоисточника по изучению социально – экономической и политической истории края.
5. Показать на основе эпиграфических данных расположение общественно – культурных центров, хронологических рамок и их деятельности, общественное положение исторических личностей, государственных и общественных деятелей.
6. При анализе надписей определить объективность изложения исторических фактов, отмеченных в надписях, сопоставляя их с данными синхронных ис-

точников.

7. Показать место и значение рельефов на мемориальных памятниках в изучении истории, культуры, быта, ремесла и др., как исторического источника.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы: при написании многотомной истории Азербайджана, истории архитектуры, прикладного и изобразительного искусства; введены как специальный курс в высших учебных заведениях ; при составлении свода памятников истории и культуры Азербайджана и обобщающих трудов по эпиграфике.

Методологической основой при написании работы послужили труды, а также методологические достижения эпиграфической науки. Для разрешения задач, поставленных нами в монографии мы исходили из основных принципов общей методологии научного исследования общественных наук.

Теоретической основой при разработке темы послужили труды русских, советских и зарубежных историков (38, 44, 45, 68, 98, 103, 104, 105, 114, 123, 124, 132, 134, 135, 191, 192, 210, 211, 212, 21). Работа является первой монографической работой, посвященной исследованию эпиграфических памятников Нахчыванской АР. Основным источником исследования явились впервые обнаруженные и выявленные автором надписи. В основном работа построена на новых эпиграфических материалах, полученных в результате участия в экспедициях 1977-1984 гг., организованных Институтом истории АН Азербайджана (“Нахчыванской”, “Хараба-Гиланской”). Впервые автором вводятся в научный оборот 90 новых, неизвестных надписей, проливающих свет на социально-политическую историю, идеологию и историю культуры Азербайджана XVI-XIX вв., которые до сих пор не являлись объектами исследования.

На основе анализа данных надписей установлено, что

образование Сефевидского государства привело к повышению роли местной феодальной знати в государственном аппарате, и что в последующие периоды на территории Нахчывани способствовало развитию хозяйства, экономики, торговли и культуры. Несмотря на продолжительные и опустошительные войны в этот период расширялись строительные работы, создавались огромные архитектурные комплексы общественного, политического, торгово-культурного, социально-экономического и культового назначения. На базе эпиграфических данных определены центры социальных обществ, орденов, религиозных учреждений. Данные надписи показывают, что в средневековье на территории Нахчывани существовали суфийские ордена, в частности “Бекташийя”, который был создан на территории враждебных Сефевидам государств - Турции и Ширвана.

Выявлены оригинальные факты, выясняющие вопросы политической истории страны, тяжелого положения трудящихся масс. Обнаружены эпиграфические факты о проживании в Нахчывани племени Кенгерлу, активно участвовавшего в политико-экономической и культурной жизни страны. Установлено, что один из вождей племени Кенгерлу генерал-майор русской армии Эхсан-хан и его сын генерал-майор Келбали хан активно участвовали в политической и культурной жизни страны, в деле градостроительства Нахчывани. Впервые уточнены даты строительства некоторых сооружений, средневековых поселений и некрополей. Выявлены неизвестные до сих пор имена многих архитекторов, мастеров, резчиков, каллиграфов, государственных деятелей, должностных лиц. Получен интересный материал по этнографии, ремеслу и др.

Изучение и обследование эпиграфических памятников Нахчыванском АР начато в начале XIX века. Но эти исследования, за исключением нескольких статей, в основном

носили поверхностный, отчетный характер. До 50-х годов XX века не было специальных монографических исследований в области азербайджанской эпиграфики. В.А.Крачковская, сожалея об отсутствии свода в области арабской эпиграфики в СССР, писала, что перед эпиграфистами СССР стоит трудная задача подготовки издания свода арабских надписей, который должен слагаться из нескольких отделов или томов (97, с. 133).

В настоящее время написаны монографические труды на основе эпиграфических памятников Северного Кавказа (103, 104, 105), Кухистана (123.124), Азербайджана (130,132,135), Дагестанской АР (191, 192), Татарии (204), Волжских Булгар (185), защищено несколько диссертаций (13, 74, 186).

Эпиграфические памятники Нахчыванской АР давно привлекали внимание ряда путешественников, востоковедов, историков. После Тюркманчайского договора, когда в 1828 году территория Нахчывани была присоединена к России, возрос интерес к истории архитектуры, в том числе и к эпиграфическим памятникам. На территорию Нахчывани хлынул поток историков, востоковедов, государственных чиновников, путешественников, которые в своих трудах и заметках рассказывали об исторических и культурных памятниках этого края.

В вышедшей в свет в 1833 году книге В.Григорьева, чиновника министерства финансов, командированного в 1828 году на Кавказ, дается короткое сообщение об истории Нахчывани, в частности, и об эпиграфических памятниках (65, с. 194).

Надо особо отметить заслуги выдающегося русского востоковеда-дипломата Н.В.Ханыкова в изучении надписей Азербайджана, в том числе и Нахчывани. С 1845 года, работая в Кавказском наместничестве, Н.В. Ханыков занялся

и физико-географическими и историко-филологическими проблемами. В 1848 году после основательной подготовки он совершил полугодовое путешествие по Кавказу, проверяя на местах точность списка, и открыл лично немало надписей (98, с. 21). В это время он занимался также изучением эпиграфических памятников Нахчывани. Им исследованы и опубликованы надписи на мавзолее Юсуфа б. Кусейира, Мумине-хатун, соборной мечети в селах Вананд, Нуснус, г. Ордубаде, мавзолее Даркенд, эпитафия Абу Саида (55, 208, 209). Значение трудов Н.В.Ханыкова в области эпиграфики особенно велико в связи с тем, что ряд памятников уничтожено и его сообщения о них иногда оказываются единственными свидетельствами (100, с. 136).

Но необходимо отметить, что в тот период исследователи не ставили своей целью регулярный сбор и изучение эпиграфических памятников. Публиковались лишь случайно найденные надписи или же более привлекательные памятники.

В 20-х годах прошлого столетия, после победы советской власти, в Азербайджане при “Обществе обследования и изучения Азербайджана” В.М.Сысоевым и И.Азимбековым также изучались эпиграфические памятники Нахчывани. Во время поездки по Нахчыванской АР И.Азимбеков исследовал некоторые арабо-персоязычные надписи Нахчывани и Ордубада и посвятил этому вопросу специальную статью (16). Он также перевел несколько надписей на русский язык, которые В.М.Сысоев включил в свои отчеты (176, 177).

Особый этап в изучении эпиграфических памятников автономной республики начинается с сороковых годов и связан с именем эпиграфиста А.А.Алескерзаде. Он исследовал надписи на мавзолеях Юсуфа б.Кусейира и Мумине-хатун, на мемориальном комплексе в селении Карабаглар и надписи на ханаке на берегу реки Алинджа-чай. Выводы его иссле-

дований опубликованы на русском языке (19, 20).

В конце 50-х годов начинается более глубокое исследование эпиграфических памятников Нахчыванской АР М.С.Нейматовой, которая исследовала надписи на мечети “Джафарийя”, указ Шаха Аббаса I на соборной мечети Ордубада, надписи на соборных мечетях Вананд, Нуснус и эпитафии на средневековом некрополе “Малик Ибрахим” в г.Ордубаде. Ею была поставлена и решена проблема эпиграфических данных как исторического источника. Выводы и исследования М.С.Нейматовой опубликованы на русском и азербайджанском языках (132,133, 134,135).

Исследование эпиграфических памятников Нахчывани также нашли отражение в статьях и кандидатской диссертации С.Д.Керимзаде (90). В своих публикациях она обращала внимание на неисследованные надписи на мавзолеях Мумине-хатун и Карабаглар (38, 89, 91).

В последние годы автор регулярно занимался изучением этих памятников; результаты исследований нашли отражение в ряде статей, опубликованных им на русском и азербайджанском языках (165, 166, 167, 168, 169, 170 и др.).

ГЛАВА I. СТРОИТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ

Среди исследуемых эпиграфических памятников особое место занимают строительные надписи. Такие надписи определяют цель и назначение архитектурных сооружений, содержат имена правителей, в период правления которых сооружены памятники. Они дают богатую информацию, фиксируя время возведения оборонительных сооружений, общественных и культовых зданий, частных домов (192, с. 318). Значение таких надписей для изучения материальной культуры и истории архитектуры огромно.

Надписи, сохранившиеся на архитектурных памятниках самых различных эпох, имеют важнейшее значение еще и потому, что во многих случаях они являются единственными источниками, дающими сведения как об этих сооружениях, так и о мастерах, воздвигших их (162, с.140; 191, с. 8). Например, о выдающемся азербайджанском архитекторе Аджеми б. Абубекре, чьи работы вошли в сокровищницу мировой культуры, мы черпаем сведения лишь из надписей, сохранившихся на архитектурных сооружениях, созданных им в городе Нахчывани в XII веке (19, 20).

По справедливому замечанию А.Р.Шихсаидова, строительные надписи помогают осмыслить социально-экономическую структуру общества, высветить политические события, установить наличие культурных контактов и взаимствований, определить принадлежность памятника к той или иной архитектурной школе (191, с. 8). Дата сооружения, назначение самого памятника, имя зодчего-строителя - все эти сведения запечатлены на многих сооружениях прошлых веков. Нередки случаи, когда из надписей становятся известны даже исполнители отдельных видов работ: живописцы, расписывавшие внутреннее помещение архитектурных памятников, каллиграфы-гравёры, выполнявшие подчас изумительные по композиционному построению и художественному исполнению

надписи. Они привлекают внимание не только как документальные источники, откуда могут быть почерпнуты сведения, освещающие историю самих памятников, но и как композиционные элементы архитектурного декора (162, с. 140).

Монография включает 20 строительных надписей, на основе которых выявлены новые данные, помогающие определить и уточнить дату, а также период некоторых исторических и архитектурных памятников, имена ряда архитекторов и др. мастеров, неизвестных из других источников, обнаружены новые данные по истории и культуре Азербайджана.

1. Село Даста (Ордубадский район). Надпись, высеченная на камне зеленого оттенка (51x32 см), на арабско - персидском языке в трех строках почерком насх и вмонтирована над входом соборной мечети на западном фасаде (рис. 1). Текст следующий:

“Коран IX-18. Строитель этой мечети и моста [в] селе Дастак в поле Туб-Басар, фахр ал-Хадж Хаджи Мухаммад Наки сын [обретшего] вожделенную обитель Машхади Хусайнали Дастаки. Написана в 1019 году, во время русских”.

1019 г.х. = 26.3.1610 - 15.3.1611 гг.

По сообщению местных жителей надпись найдена внутри мечети под землей. Она первоначально находилась над камином. Во время реставрационных работ ее перенесли наружу и вмонтировали над дверным проемом. Надпись уточняет дату постройки мечети и констатирует, что мост, перекинутый через р.Вананд-чай, развалины которого до сих пор сохранились на восточной части села Даста, был построен в этом году Хаджи Мухаммедом Наки. Мост назван именем его основателя – “Хаджи Наки кёрпюсю” - местные жители так именуют этот мост и в настоящее время.

Данные надписи о том, что она написана во время русских, не соответствует синхронным источникам. В 1019 г.х. (1610 - 1611 гг.) русские не были на территории Нахчывани.

Когда говорится о временах русских, имеется ввиду период после присоединения Нахчыванского ханства и Ордубадского округа (участка) к России с заключением Тюркманчайского договора между Россией и Ираном (10 февраля 1828 г.). На наш взгляд, надпись не является оригиналом. Оригинал надписи по какой-то причине не сохранился, но текст оригинала после присоединения Нахчыванского ханства к России был переписан и к тексту добавлено слово “во время русских”.

2. Там же. На мечети имеется другая арабоязычная надпись, высеченная почерком насх в двух строках на камне серого цвета (48x32 см) и вмонтированная ниже первой надписи. Текст такой (рис. 2):

В надписи дата помечена 19 г.х. Палеографические особенности надписи и датированная 1019 г.х. первая надпись на той же мечети и ряд других исторических фактов дают основание дату надписи отнести к 1019 г.х.

Как известно из других мусульманских эпиграфических памятников, иногда цифры, обозначающие тысячелетия, опускались резчиками (103, с.158).

О мечети в свое время сообщал В.М.Сысоев (177, с. 182). По его описанию мечеть сильно пострадала во время гражданской войны. Однако он о надписях на мечети ничего не говорит. Возможно, при разрушении мечети также упали надписи, поэтому В.М.Сысоев их не видел.

Село Даста, по свидетельству источников, являлось одним из развитых местностей Ордубадского района в политико-административном отношении, так как оно после присоединения Азербайджана к России и установления нового административного деления явилось центром Дагестинского магала (65, с. 196).

3. Город Ордубад. Надпись на голубой глазури, выполненная желтой краской внутри каймой, почерком насталик, над входным проемом здания медресе, расположенной в

центре города. Часть надписи со временем подверглась повреждению и не сохранилась. Текст, сохранившейся третьей строки на арабско-персидском языке, следующий (рис. 3):

“Написал ее Мухамад Исмаил ал-Абд ан-Насири. Постройка этого прекрасного здания закончена при содействии и наблюдении Хаджи Мухаммеда и Хаджи Салиха б. Абида – даватдара” (Даватдар - носитель чернильного прибора владыки (5, т. V, с. 462-Г.С.)

На другой надписи, написанной внутри каймы во второй строке, имеется дата: 1126

1126 г.х. = 1714 г.

Об этой надписи впервые сообщил В.Григорьев (65, с. 194). Он предполагает, что надпись содержит стихи из Корана. Л.И.Вартанесов отмечает, что фасад медресе украшен глазурованными плитками, покрытыми цветной орнаментацией и сложной вязью стихотворных надписей, в которых указываются имя поэта, автора этих стихов, и дата сооружения здания (53, с. 75).

Здание медресе сохранилось в хорошем состоянии. Некоторые архитекторы, в частности, М.А.Усейнов, Л.С. Бретаницкий, А.В. Саламзаде считают это здание почти единственным примером классического медресе, сохранившегося в Азербайджане до наших дней (179, с. 266).

Здание медресе обычно строилось при соборной мечети, гробницах знаменитых ученых. Они выполняли функции высших учебных заведений для Средневекового востока. Финансирование и содержание медресе осуществлялось за счет вакуфных доходов мечетей, гробниц и др. общественно-религиозных объектов (67, с. 1270). Занятия в средневековых медресе носили не только схоластический характер, наряду с теологией там велись курсы общественных и точных наук (29, с. 76). Это подтверждается ярлыком, изданным главным визиром ильханов сахиб диваном Шамс

ад-Дином (1263-1284), об утверждении учебной программы Нахчыванского медресе.

В этом ярлыке даются ценные сведения о средневековых медресе. Выясняется, что кроме богословских дисциплин в медресе преподавались и светские науки (67, с. 1271-1272). Это в полной мере можно отнести и к медресе в Ордубаде.

Лица, закончившие учебу в медресе, не имели права самостоятельно действовать до тех пор, пока не получали специального разрешения. А это разрешение давалось со стороны признанных ученых (улемов). В том случае, когда обучающийся писал специальный комментарий на труды учителей, преподававших в медресе, который он закончил (29, с. 77). Например, известный историк Равенди, живший во второй половине XII в. и начале XIII в., получил разрешение на преподавание религиозных наук (илахиййат) от известных муджтехидов, достигших высшие ступени в толковании религиозных законов (41, с. 24). В разрешениях говорилось об уровне научного мировоззрения студентов, а также отмечалось какие предметы и на каком уровне он имеет право вести.

Медресе по своему уровню разделялись на высшие и средние. Высшие медресе организовывались в крупных городах. Обучение в них было платное (189, с. 323).

До 1828 г., т.е. до присоединения Ордубада к России, в этом медресе обучались 40 человек (193, с. 903). В 1870 г. во всем Азербайджане при шиитских мечетях имелось 206 муллахана - начальных школ. Там 220 мулл обучали 3955 детей (56, с. 17).

Ордубадская медресе при соборной мечети, по мнению исследователей, являлась одним из культурных центров в Азербайджане и считалась одним из важнейших духовных школ своего времени (179, с. 266).

4. Село Ханака (ныне Ханегях, Джулфинский район). Арабоязычная надпись, найденная во время реставрационных

работ в ханаке на реке Алинджа-чай. Трехстрочная надпись высечена на белом мраморе (50x37x12 см) красивым сулсом с элементами насха следующего содержания (рис. 4) :

“Он могуч во всем! Построил это ... сын покойного, прощенного Мухаммада Рашида Маулана Абд ал-Хусайн Ханакахи и архитектор его Имамкули б.Назарали. В 1141 году”.

1141 г.х. = 7. 8. 1728 - 26 . 7. 1729 г.г.

Последняя часть конечного слова на первой строке повреждена и не поддается чтению.

Надпись сохранила имена двух личностей. Один из них Маулана Абд ал-Хусайн Ханакахи. По титулу “маулана” можно сказать, что он был ученым - богословом. Другой - архитектор Имамкули б. Назарали, он был архитектором какого-то сооружения, включенного в комплекс ханака.

5. Село Вананд (Ордубадский район). Арабо-персоязычная надпись в соборной мечети нанесена несмывающейся краской черного цвета на поверхность крепкого дерева (348x26 см), вставленного над аркой, соединяющей колонны в северной части мечети (рис. 5). Первая строка надписи нанесена на доску крупным сулсом с элементами насха. Далее надпись нанесена почерком шикесте в несколько рядов, сверху вниз, ниже - вдоль второй половины первой строки. Надпись гласит:

“Приказал обновить эту превосходную мечеть при содействии Аллаха (малик ал-ма”буд) в священном месяце мухарраме года тысяча сто сорок пятого прилежанием и вниманием счастливого ахия Мухаммада Муллы Захира сына покойного, прощенного, достигшего благословения Аллаха-владыки прощающих, маулана Мухаммада Му”мина - да простит (Аллах) их обоих. В счастливые времена, в годы, когда при содействии помощи повелителя вселенной было предпринято построение этой славной мечети, гос-

подстествовали великий голод и необычайная дороговизна: один ман пшеницы стоил 400 динаров, риса - 600 динаров, масла - 2800 динаров, меда - 3200 динаров, дошаба (виноградная патока) - 2400 динаров, сыра - 1600 динаров, изюма - 2400 динаров, ячменя - 350 динаров, обыкновенная кайса - 800 динаров, лука - 800 динаров, чеснока - 1200 динаров, хлопка - 4000 динаров, дынных семечек - 5000 динаров. Все товары продавались в мере тилани. Был сущий ад по причине голода и дороговизны. Жизнь была до того невыносимой, что в течение одного года селение Вананд и его окрестности были ограблены и опустошены трижды, и много мусульман, мужчин и женщин, были умерщвлены или уведены в плен; иные рабы божьи разбежались, перешли через Аракс и поселились в трех селениях (что на том берегу). В эти омраченные смутами времена двери торговых связей также были закрыты. Мы надеемся, что неодолимая сила всемогущего (Аллаха) будет продолжать опекать правоверных от подобных несчастий и удалит их от всех мусульманских стран. Аминь! Во имя уважения к господину посланников (сейид ал-мурсалин) от нижайшего грешника Мухаммеда Ризы сына покойного Муллы Мухаммеда Му''мина ал-Вананди - да будут они прощены ради пророка-заступника! 1145 год''.

Мухаррам 1145 г.х. = 24. 6. - 23.7.1732 г.

Здание мечети неоднократно восстанавливалось и к ней пристроено большое помещение, построенное, по всей вероятности, в XVIII в. Первоначальное здание мечети занимает лишь северо-западный угол, в который можно попасть через двери, ведущие с западного фасада.

Надпись с прошлого столетия привлекала внимание некоторых исследователей. Н.В.Ханыков с некоторыми ошибками опубликовал текст надписи с французским переводом (208, с. 152-153). В.М.Сысоев включил в свой отчет текст и перевод надписи на русский язык, сделанный И.Азимбековым

на основе чтения Н.В.Ханыкова (177, с. 180-181). Однако они повторили ошибки Н.В.Ханыкова. Никто из указанных лиц не видел надпись. В.М.Сысоев об этом пишет: “У Ханыкова находим еще одну, очень интересную надпись, которой мы не нашли. Она была на стене мечети в Вананде” (177, с. 180).

Последнее исследование надписи принадлежит М.С.Нейматовой. Она, побывавшая через 30 лет после В.М.Сысоева и И.Азимбекова в Вананде, обнаружила и всесторонне изучила эту надпись. Текст ее с поправкой, дополнением и переводом на азербайджанский язык опубликован ею (132, с. 139-141).

При изучении отдельных вопросов истории Азербайджана исследователи широко использовали данные этой надписи (146, с. 301; 25, с. 96; 30, с. 226-227). На основе этой надписи постройку мечети ошибочно относят к XVIII веку. На западной стороне мечети, над дверным проемом имеется стихотворная персидская надпись (рис. 5 а), повествующая о постройке мечети в 725 году хиджры (134, с. 7).

6. Город Ордубад. Над восточным входным проемом мечети “Мингис” вмонтирован серый мрамор с арабской надписью (48x29 см). Четырехстрочная надпись высечена почерком насх с элементами сулса. Текст следующий (рис. 6):

“Коран IX-18. Осмелился обновить эту мечеть Мухаммад Хади б. Абд ал-Хусайн Ордубади в 188 году”.

В дате надписи не указана цифра, означающая тысячелетие. Архитектурные приемы мечети и палеографические особенности надписи дают основание отнести дату восстановления мечети к 1188 г.х.

1188 г.х. = 14.3.1774 – 3.3. 1775 г.г.

7. Там же. Внутри мечети имеется надпись на дощечке (44x12 см) внутри картуши с почерком насталик на персидском языке (рис. 7):

“С помощью обладателя могущества писал на эту дощечку с плачевным вздохом. Наккаш ...”

На второй картуши сохранилось лишь слово “наккаш”. Часть дощечки, на которой написано имя наккаша - резчика, сгорела.

Эту надпись можно отнести к периоду реставрационных работ в мечети. Внутри, на перекрытии мечети, также имелись орнаменты на гаже, которые сгорели во время пожара, другие полубожженные доски внутри мечети также говорят о случившемся пожаре. Но после пожара реставрационные дела в мечети не производились. Уцелела лишь восточная стена мечети.

Надписи на дереве, как правило, не сохраняются и дошли до нас в единичном количестве. Турецкий ученый Хусайн Намик Оркун прав, отметив, что в прошлом многие надписи, написанные на дереве, не дошли до нас, поэтому сегодня в наших руках имеются лишь надписи, высеченные на камне (211, с. XVII).

8. Город Ордубад. Историко-краеведческий музей. Мраморная плита имеет трехстрочную надпись на арабском языке (35x29x12 см), гравированная почерком насх. Текст следующий (рис. 8):

“Дата посадки платана (чинара) в 1230 году”.

1230 г.х. = 1815 г.

Надпись говорит о посадке платана, растущего ныне у здания Дворца культуры в городе Ордубаде. Первоначально у этого гигантского платана стояло здание мечети “Курдатур”. В городе Ордубаде перед зданиями всех мечетей растет платан. Указанная мечеть снесена в 1979 г, и на ее месте построено здание Дворца Культуры. Об этом сообщено на страницах газеты “Эдебийят вэ инджесенет” (25.5.1979 г.) и критикуется подход к историческим памятникам. В том же номере газеты дата посадки платана ошибочно относилась

к 1228 г.х. Сообщение данной надписи опровергает научную необоснованность этого мнения.

9. Село Верхняя Аза (ныне Аза, Ордубадский район). На северной части пятиарочного моста через реку Гиланчай, протекающей в западной части села, имеется арабо-персоязычная надпись, вырезанная на мраморе желтым оттенком (33x28 см) почерком насх (рис. 9): Выясняется из надписи, что в дни [правления] султана, шахиншаха величественного Николая отремонтирован [выстроен] этот мост в 1259 г.х.

1259 г. х. = 1843 г.

Надпись поломана и состоит из 9 кусков. Некоторые мелкие куски выпали и не сохранились, поэтому полностью чтение надписи невозможно.

До сих пор в литературе дата строительства моста была определена неверно. Даже в постановлении Совета Министров Азерб. ССР об охране памятников от 2.4.1968 г. дата строительства моста указана как 1826 г. Как видно из надписей, мост был отремонтирован 1843 году.

10. Город Ордубад. Некрополь “Малик Ибрахим”. Над входным проемом здания, расположенного в северной части некрополя, имеется четырехстрочная арабо - персоязычная надпись (38x30 см), высеченная на мраморе с серым оттенком, почерком насх с элементами сулса (рис. 10):

“От счастья (приобретении) божьей милости. Это благословенный уголок возведенный 2 числа месяца джумада ал-ахира при содействии и старании самого ничтожного из созданий Хаджа Зайн ал-Абидина, сына покойного, [обретшего] вожденную обитель Хаджи Агаджана Ордубади. Завершена в 1264 году”.

2 джумада ал - ахира 1264 г. х. = 6. 5.1848 г.

По сообщению местных жителей, это помещение носило служебный характер, принадлежало для омовения и вре-

менного хранения покойников.

11. Город Ордубад. Арабо - персоязычная четырехстрочная надпись на потолке мечети Верхнего Анбараса, на дереве написана черной краской почерком насх - насталик (рис. 11):

“Дата 1284 год. Сделал ремонт в мечети Ага Мирзы Джафара покойный известный познаниями ... Джафар Кули сын Ага Бабы”.

1284 г.х. = 5. 5.1867 - 23.4.1868 г.г.

В народе мечеть знают как мечеть “Верхнего Анбараса” или же “мечеть Хаджи Мир Джафар-ага”. Как видно, со временем слово “Мирза” подверглось изменению и стало произноситься как “Мир”. Эпитет “Хаджи” говорит о том, что Ага Мирза Джафар совершил хадж (паломничество в Мекку) после написания надписи.

В другой надписи в мечети, датированной 1943 годом, имеются следующие слова: “Мирза Джафар, покойный Анбарас”, которые предполагают, что слово “Анбарас” означает нисбу Мирза Джафара, чьим именем вторично названа мечеть.

12. Там же. Рядом с вышеуказанной надписью имеется другая трехстрочная надпись, выполненная краской почерком насталик (рис. 12):

“О, Али! О, Али! Тот, кто благоустроил в [этом] мире мост, баню, мечеть, минбар 1284”.

1284 г.х. = 5.5.1867 - 23.4.1868 г.г.

Надпись пропагандирует постройки и благоустройство общественных сооружений за счет отдельных зажиточных людей или же населения.

13. Село Кюкю (Шахбузский район). 6-7 км от села Кюкю, в ее северо-восточной части, в предгорье Кечалдага, расположено водохранилище “Ганлыгёл”. На южной стороне этого водохранилища обнаружена арабо-персоязычная над-

пись, вырезанная на камне (120x145x115 см) с черным оттенком (рис. 13):

“...Келбали хан Кенгерлу... Начальник Шан Гирей...”.

Надпись вырезана мелким шрифтом и из-за выветривания камня попорчена, вследствие чего полному чтению не поддается.

На верхнем плане того же камня имеется русский текст надписи: “Иждивением Келбали ханом соорудил уездный начальник Шан Гирей, 1865”, который вырезан глубоким крупным шрифтом. Значение русской надписи в том, что она помогает восстановлению в какой-то степени арабо-персоязычного текста.

Как видно, надпись дает нам сведения и имена реально существовавших личностей, таких как уездный начальник Нахчывана Шан Гирей и Келбали хан Кенгерлу.

14. Город Нахчывань. Арабо-персоязычная надпись вырезанная на красном туфе. Из текста двухстрочной надписи (рис. 14) выясняется, что, “Поводом благоустройства этой совершенной церкви высокопоставленным, высокочтимым Келбали ханом сын Эхсан хана Кенгерлу, был земельный участок, пожалованный в 1285 году во имя Создателя”.

1285 г.х. = 24. 4. 1868 -12.4. 1869 г.г.

Кроме персидской надписи на стене церкви имеются надписи на русском языке.

Несмотря на то, что надпись находится на памятнике, расположенным в центре города, до сих пор она не привлекала внимание исследователей, за исключением русской надписи, опубликованной В.М.Сысоевым (177, с. 124).

15. Село Вананд (Ордубадский район). В соборной мечети, на правой стороне михраба, на гаже, черной краской написана арабская надпись в двух строках (243x53 см). Текст следующий (рис. 15):

“О, Али поддержи! Поддержи, о, Али! Написал ее

Мирза Сулейман Маранди в месяце благословенного рамадана 1307 года”.

Рамадан 1307 г.х. = 21.4. – 20. 5. 1890 г.

На основе надписи можно констатировать, что здание мечети было отремонтировано в 1890 г. Надпись сохранила имя каллиграфа, выходца из Маранда. Первая строка дублирована в зеркальном отражении.

На михрабе мечети имеются орнаменты, произведение также на гаже и покрашены. Наверху михраба написаны, почти в одном стиле, с вышеуказанной надписью, слова: “О, Али, поддержи! Поддержи, о, Али!” (рис. 15 а). Поэтому и эту надпись можно приписать Мирза Сулейману.

16. Город Ордубад. Историко-краеведческий музей. Взятая арабская надпись, исполненная почерком сулс (рис. 16):

“Али, Али, Али, Али! Разделяющий геенну и рай, имам людей и джиннов, душеприказчик избранного [Мухаммада], которого поистине любит рай. Работа устада Абд ал-Каффара Шекави, 1295”.

1295 г.х. = 1878 г.

Надпись доносит до нас имя мастера, выходца из Шеки.

17. Город Нахчыван. Государственный исторический музей. Мраморная плита с желтым оттенком, имеется надпись на арабско-персидском языке (87x57x12 см). Надпись высечена почерком насталик в картушах по среднему полю мраморной плиты, а также в обрамлениях. Первоначально она была над входным дверным проемом мечети “Джафарийа” в городе Нахчывани. Текст надписи следующего содержания (рис. 17):

“Коран IX-18. Поклон творцу вседарящему от сотворения мира до судного дня. А после поклона молитва и привет воссевшему на Рафрафа (имя коня Мухаммада) последнему посланнику [Аллаха] Мухаммаду и его воле - да благословит

его Аллах и да приветствует и следующему вслед за ним Али. Скажи: Али как прозвище (лакаб) Хайдарийа. Его потомство продолжается в одиннадцати коленах, которые поистине являются самими избранными созданиями. В тысяча триста одиннадцатом году была выстроена эта мечеть Джафарийа. Открыл две лавки над рекой, одна для живущих вблизи гробницы святого, другая для расходов (мечети). Господи! Ради Мухаммеда -да благословит Аллах его и его потомков. Прими от меня этот ничтожный дар. Архитектора мечети если после этого будут искать то я зовусь именем после восьмого имама.

По попечению господина, лучшего из хаджиев Хаджи Мухаммада Джафар-ага, наследника нуждающегося в милости Аллаха Хаджи Науруза Нахчывани, была закончена в месяце раджабе 1311. Написал это Мухаммад Таки, высек на мраморе Мухаммад Салих и оба они Хусайни ат-Табризи”.

Раджаб 1311 г.х. = 8.1. - 6.2.1894 г.г.

Чтение надписи с азербайджанским переводом издано М.С.Нейматовой (132, с. 112-113).

Некоторые исследователи дату постройки этой мечети относят к началу XX века. А. А. Алескерзаде, опираясь на устное сообщение нахчыванского мастера, 80-летнего Камбара, сына Сафара, указывает, что в строительстве мечети использован строительный материал из портала и минаретов комплекса Мумины-хатун, которые были разрушены по указанию Джафаркули хана в начале XX в. (19, с. 378). Пожилые жители города также утверждают использование кирпичей из портала и минаретов комплекса Мумины-хатун в строительстве данной мечети.

Секретарь Общества обследования и изучения Нахчывани Мир Багир Мир Хайдаров в своей статье, опубликованной в газете “Шарк капысы” (от 22.12.1927 г.), пишет о том, что портал и минарет в комплексе Мумине-хатун были разрушены

Рагим-ханом в 1882 году.

Как видно из вышеизложенного, сообщения М.Мир Хайдарова и А.А.Алескерзаде о разрушении портала и минаретов обоснованы лишь по памяти, поэтому вполне возможно, что они могли ошибиться на несколько лет, тем более их сообщения опровергают друг друга.

П. П. Надеждин в своей книге, опубликованной в 1901 году, пишет о существовании портала и минаретов (125, с. 35). Следует отметить, что П.П.Надеждин был в Нахчывани в 70-х годах XIX века и лично видел минареты и порталы. В дальнейшем он не был в Нахчывани. При написании книги опирался на архивные данные, точнее - использовал материалы перерегистрации 1897 года (125, с. 264). Поэтому его сообщение о существовании портала и минаретов, можно отнести к периоду пребывания его в Нахчывани.

Исходя из, вышеизложенного нужно отметить, что сообщения М.Мир Хайдарова близки к истине, поскольку мечеть была построена в 1894 году. Данные надписи полностью подтверждают точную дату постройки мечети.

В тексте надписи имеются данные о пожаловании мечети двух лавок в качестве вакфа - неотчуждаемой церковной феодальной собственности на Ближнем и Среднем Востоке, доходы которой поступали в пользу мусульманского духовенства (64, с. 272, 566). Вакф - земельных владений и других недвижимых имуществ (лавки и базары, мельницы, сады, виноградники, оросительные каналы, рудники и т.д.), завещанных падишахами и другими разными лицами мусульманским религиозным учреждениям и фамилиям сейидов, известных мусульманских улемов, суфийско-дервишских шейхов и других уважаемых лиц (145, с. 24).

Вакф или мокуфа,- пишет О.А.Эфендиев, - назывались земли (а также лавки, базары, мельницы, сады, оросительные каналы, рудники и т.п.), переданные государством или заве-

щанные частными лицами мусульманским духовным учреждениям (мечетям, медресе). Вакфная земля и всякое другое имущество не может быть продано, заложено, подарено или передано другому частному лицу (198, с. 29). Вакфные земли и прочие имущества в мусульманских странах разделялись на две категории: вакфы собственно религиозных учреждений, мусульманских и христианских (вакф-и хейри), и вакфы, принадлежавшие определенным фамилиям-сейидам, дервишским шейхам и святым (ахли-вакф) (147, с. 189). Эта форма феодального владения имела место в течение всего периода феодализма (17, с. 69-76) и продолжалась до установления Советской власти в Азербайджане.

Надпись сохранила до нас имена двух мастеров каллиграфии и художественной резьбы по камне и одного архитектора - каллиграфа Мухаммеда Таки, резчика Мухаммеда Салиха. Они оба указаны в надписи как Хусайни ат-Табризи. Значит они являются представителями Тебризской школы художественной резьбы по камню. Архитектор мечети в надписи представлен так: “ Я зовусь именем после восьмого имама”. Следовательно, его имя было Таки.

18. Город Ордубад. Соборная мечеть. В женской половине мечети, на восточной стене нарисовано изображение тюльпана. Внутри тюльпан заполнен краской, надписи на арабско-персидском языке следующего содержания (рис. 18):

“Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Нет могущества и силы кроме как у Аллаха всевышнего и великого. Строитель и реставратор этого благословенного уголка и побельщик всего собора прибежище купцов и строителей Хаджи Мухаммад Кули ага сын покойного Ага Мирза Баба Ордубадского ...1319 год”.

1319 г.х. = 20. 4.1901 – 9. 4. 1902 г.г.

Упомянутый в надписи Хаджи Мухаммад Кули ага, который организовал в мечети реставрационную работу, был

купцом. Он был владельцем одного из двух Ордубадских кустарных заводов. В 1902 году, ввиду распространения местной кустарной шелкоткацкой промышленности, он открыл в городе Ордубаде мастерскую для выделки канауса, платков, одеял и прочего. В этой мастерской было 8 станков и ежедневно производилось около 50 аршин шелковой материи (141, с. 24).

19. Там же. Вокруг михраба имеются надписи религиозного содержания. Аналогичные надписи имеются и над михрабом. В конце надписи отмечено имя каллиграфа (рис. 19):

“Писарь-резчик ал-Хадж Мухаммад Таки сын покойного усердствующего [муджтахид] Ага Али. 1319”.

Дата совпадает с предыдущей.

Исполнителем всех надписей, сделанных во время реставрационных работ в мечети в 1319 г. х. можно считать Мухаммада Таки.

20. Там же. Над входным проемом женского салона мечети имеется трехстрочная арабская надпись, исполненная черной краской (рис. 20):

“Кербалайи Зайн ал-Абидин Наккаш Абдаллахзаде”.

Надпись сообщает нам имя резчика-орнаменталиста (Наккаш), жившего в XIX- начале XX века.

Наккаш Зайн ал-Абидин родился в 1839 году в г. Ордубаде. Являясь одним из видных представителей своей эпохи, Кербалайи Зайн ал-Абидин Абдаллахзаде дружил с известным педагогом М.Сидги и поэтом Х.Факиром, отцом известного писателя М.С.Ордубади, Он был активным членом литературного кружка “Анджомане-шу”ара” (меджлис поэтов), созданного в 1838 г, в городе Ордубаде Шихали Наибом. Этим кружком в 1860-70 гг. руководил Х.Факир, далее М.Сидги. Занятия “Анджомане шу”ара” проходили в доме М.Сидги и Наккаша Зайн ал-Абидина. Наккаш Зайн ал-

Абидин отличался от других членов кружка своим прогрессивным мировоззрением, выступая с точки зрения реализма. Он воспевал в своих стихах прогрессивные идеи.

Наккаш Зайн ал-Абидин обрел высокое мастерство в каллиграфии и живописи. Его работы сохранились в городах Тебриз, Тбилиси, Нахчывани. Он умер в 1904 году в городе Ордубаде. Все узоры, сделанные в стенах соборной мечети во время ремонта, несомненно, выполнены Наккаш Зайн ал-Абидином.

Среди исследуемых нами эпиграфических памятников имеется группа надписей, которая по своему содержанию и назначению не входит в число строительных или же эпитафийных надписей. Эти надписи даются нами и в конце данной главы.

21. Там же. На восточном фасаде мечети, над входным проемом вмонтирована пятистрочная арабско-персидская надпись, высеченная на камне серого цвета (157x52 см). Почерк надписи насх с элементами сулса. Первая строка надписи отделена от остального текста выпуклой линией. Текст следующий-указ Шаха Аббаса I (рис. 21):

“Хвала приносящему дары, благодарение создателю всего живого! А затем, целью написания этих слов является следующее: поистине преданность и самоотверженность всех больших и малых и всех бедных и слабых жителей центрального городка славного Ордубада - да оградит его всевышний Аллах от пороков - по отношению к династии, подобной халифату, шаху, подобному Джамшиду, имеющему ангелоподобное войско, Шаху Аббасу, победоносному бахадур хану - да увековечит всевышний Аллах его царствование - полностью стала очевидной по причине их врожденного шиизма в тот момент, когда область Азербайджана попала под власть врагов, которые подвергли его жителей различным притеснениям и угнетению, убивали их и брали в плен. За

их общую самоотверженность их самих и в особенности потомков достойной фамилии Насирийе Тусийе.

И также из щедрого шахского милосердия с момента, когда означенная область стала под властью наместников победоносного государства, малуджихат и вуджухат упомянутого городка, состоящий из налогов (доходов) с ремесленников, аснафов, садоводства, посевов, мельниц, ихраджата, итлаката, нузул, авариз.

И куналка (шах) приказал соизволил уменьшить, как подаяние ради всевышнего Аллаха и ради снискания его милости и избавить и освободить его и все это повелел исключить из бониче Азербайджана, что должно быть исключено из итлаката дивана. Этот дар считается для них вечным. Никому не должно позволять изменять его положения. Написан в месяце ша’бан тысяча двенадцатого года хиджры”.

Ша’бан 1012 г.х. = январь 1604 г.

Над чтением надписи впервые работал Н.В.Ханыков. Им же впервые опубликован текст надписи с французским переводом, который не может быть признан удачным, т.к. часть слов прочитана Н.В.Ханыковым неверно, а вместо слов, не поддававшихся чтению, им проставлены точки (208). 9 декабря 1873 г. при открытии общества любителей археологии было дано сообщение об этой надписи (42, с. 10). В.А. Крачковская в своем исследовании дала сообщение о чтении Н.В. Ханыкова и ввела некоторые поправки в это чтение (98, с. 31).

В 20-х годах нашего столетия надпись была обследована И. Азимбековым. В.М.Сысоев включил чтение и перевод в свой отчет о научной командировке в Нахчыванскую АР (177, с. 139-140). Однако И. Азимбеков не видел оригинал надписи, он сличал фотографию надписи с чтением Н.В.Ханыкова и перевел текст на русский язык. Поэтому он не смог внести какие-нибудь поправки в чтение Н.В.Ханыкова,

повторил его ошибки и даже некоторые слова, прочитанные верно Н.В.Ханыковым, прочел ошибочно. Те слова, которые не были прочитаны, ему тоже пришлось опустить.

Над чтением, переводом и комментированием текста надписи последней вела работу М.С.Нейматова. Она уточнила дату надписи и прочла все слова, пропущенные своими предшественниками (132, с. 29-37; 133, с. 105-110).

Надпись констатирует наименования налогов и повинностей, от уплаты которых Шах Аббас I освобождал жителей Ордубада.

22. Город Ордубад. Историко-краеведческий музей. Арабская надпись, исполненная на стекле краской (рис. 22):
“О, Хусайн! О, Хусайн! Коран СХII. О, Али! О, Али!”.

Надпись заполняет пространство семиконечной розетки и исполнена в зеркальном отражении. В центре розетки, из соединения концов вертикальных букв образовалась двойная восьмиконечная звезда.

По словам директора музея, панно изготовлено известным наккашом Кербалаи Зайн ал-Абидином в конце XIX века.

23. Село Нус-нус (Ордубадский район). На внутреннем оконном проёме мечети, расположенной в центре села, имеется выполненная на гяжевой штукатурке четырехстрочная персидская стихотворная, надпись, выполненная черной краской почерком насх. Текст следующий (рис. 23):

“Кто такой этот Хусайн, что весь мир без ума от него.

Что за свеча, что все живое, как ночные бабочки (крутятся) вокруг него.

Все таки, что за это бунт, что охватил все народы мира?

Опять что за траур, что за вопль, что по нем горе донесется до небесных сфер?”

Текст надписи взят из элегии, посвященной Хусайну, третьему шиитскому имаму, второму сыну четвертого халифа Али.

Надпись можно датировать XVIII-XIX вв.

24. Город Ордубад. Некрополь “Малик Ибрахим”. Над южным оконным проёмом здания, расположенного в центре некрополя, имеется надпись на персидском языке (рис. 24):

Текст надписи повторяет первое двустишие из вышеуказанной элегии. Здесь вместо слова “душа” во второй строке надписи дано слово “сердце”. Во время реставрационных работ в здании в 1983-84 гг. надпись частично была повреждена.

Надпись можно датировать XVIII-XIX вв.

В результате исследования строительных надписей выяснено, что после образования Азербайджанского государства Сефевидов (XVI в.) и в следующие периоды на территории Нахчывани была восстановлена и развивалась традиционная архитектурная школа, имевшая многовековую историю. Производились значительные строительные работы, создавались огромные архитектурные комплексы, в том числе мосты, медресе, водохранилища, мечети и др. сооружения.

На основе данных надписей выявлены новые факты по социально-экономической и политической истории Азербайджана, в том числе о налоговой политике сефевидских шахов, о масштабах и результатах бедствия, причиненных ирано-турецкими войнами, плацдармом для которых являлась территория Азербайджана, в том числе и Нахчывани.

ГЛАВА II. ЭПИТАФИЙ

Эпитафии занимают особое место среди эпитафических памятников, исследуемых нами в монографии. Данные этой группы надписей весьма разнообразны и богаты. Надгробные надписи - как отмечает Е.В.Федорова - очень интересны по своему содержанию и чрезвычайно разнообразны по строению. Психологический диапазон их необычайно широк: они могут быть печальными и веселыми, пространными и лаконичными, трогательными и сухими (183, с. 105). Эпитафика надгробных памятников выявляет много общественно-исторических факторов, без анализа которых нельзя правильно понять развитие общественно-философской мысли в Азербайджане (135, с. 10).

Эпитафийные надписи распространены по всей территории Нахичевенской АР на средневековых некрополях, которые дают огромный материал для изучения творчества мастеров художественной резьбы по мрамору, камню, скульптуры, каллиграфии и др. Надписи на надгробных памятниках в виде стел, сундуков, каменных изваяний барана и др. дают ценный материал по социально-экономическим, общественно-культурным вопросам истории Азербайджана. По данным этих надписей можно проследить место погребения и жизнедеятельность знаменитых ученых-богословов, общественных деятелей, мастеров искусств и других выдающихся личностей. По их титулам и эпитетам можно определить их место и положение в общественной и политической жизни страны.

Надгробные надписи дают оригинальный материал по разным почеркам каллиграфии: насх, сулс, насталик и др., а также по художественному оформлению мемориальных памятников. Кроме того, на этих памятниках сохраняются различные сюжетные изображения, повествующие о быте, ремесле, этнографии азербайджанского народа. Помимо этого

надгробные памятники донесли до нас различные виды скульптуры, архитектурные элементы, узоры сложной и простой композиции растительных и геометрических орнаментов.

Все это показывает, что территория Нахчывани в средневековый период являлась одним из центров художественной резьбы по камню, архитектуры, скульптуры, каллиграфии и т.п. В научной литературе признаны на территории Азербайджана три школы архитектуры и художественной резьбы по камню, одна из которых является Нахчыванская школа (179, с. 108-109; 206, с. 119; 135, с. 4). Также прослеживается в зоне влияние Тебризской школы каллиграфии и художественной резьбы по мрамору.

О значении надгробных памятников, надписей, изображений и орнаментов на них высказаны ценные мнения специалистов (28, 31, 123, 124, 135, 192).

Исследованные нами надписи на мемориальных памятниках в основном можно разделить на две группы: а) надписи на стелах и сундуках; б) надписи на каменных фигурах баранов.

а) Надписи на стелах и сундуках

25. Город Ордубад. Некрополь “Малик Ибрахим”. Стела, изготовленная из камня с зеленым оттенком (50x42x6 см), имеется надпись на арабском языке в шесть строк почерком насх. Текст надписи следующий (рис. 25):

“Это-сад покойной, прощенной [Аллахом] Ханум Ата Мульк, дочери великого садра Рукн ад-Дина Амид ал-Мулка, да освежит [Аллах] ее ложе. Смерть ее наступила двенадцатого мухаррама восемьсот одиннадцатого года”.

12 мухаррама 811 г. х. = 7.6.1408 г.

Надпись говорит о великом садре Рукн ад-Дине, служившем визиром в средневековом государственном аппарате Азербайджана и имевшем лакаб Амид ал - Мулка (см. гл.

Ш, § б), имя которого неизвестно из других источников.

Некрополь “Малик Ибрахим” расположен в восточной части города. Площадь кладбища охватывает около 3 га земли. Над западным входным проемом здания, находящегося в центре кладбища, имеется надпись черной краской: “Малик б. Ибрахим”. Личность Малик б. Ибрахима еще не уточнена нами.

Кладбище со своими интересными памятниками XIV-XIX вв. привлекало внимание многих исследователей. Здесь самая древняя надпись относится 759/1357 гг. В большинстве на этих памятниках высечены надписи красивыми шрифтами арабской графики - на арабском и персидском языках. В оформлении надписей и на соффитах арок эпитафий, очень искусно высечены узоры геометрического и растительного орнамента простой и сложной композиции. На некоторых памятниках имеются рельефы, связанные с профессией погребенного, которые представляют немаловажный интерес для изучения этнографии нашего народа.

Стелы в основном изготовлены из мрамора. Встречаются также стелы, изготовленные из камня разных оттенков: красного, зеленого, серого, жёлтоватого и др.

26. Село Ханака (ныне Ханегях, Джулфинский район). Надгробный памятник в виде сундука, изготовлен из белого мрамора. Над верхней гранью сундука, со стороны головной части памятника, изображен прямоугольник, внутри которого высечена двухстрочная надпись на арабском языке почерком сулс с элементами насха (рис. 26):

“Это - сад покойной Хавва Бадр Бике, дочери казия Маджд ад-Дина в обрамлении верхней грани памятника гравирована лентообразная надпись:

“Коран II-255”.

Памятник найден во время реставрационных работ в Ханакахе на реке Алинджа-чай. Хавва Бадр Бике упомянутая

в надписи, была супругой одного из наставников ханаки - Хаджи Лала Мелика. Она построила мавзолей в честь своего мужа после его смерти, в комплексе архитектурных сооружений ханаки, в 1496 году (см. главу III, § в).

В эпитафии не указана дата смерти покойницы. Можно предположить, что она умерла через несколько лет после постройки мавзолея.

Отец Хавва Бадр Бике - Маджд ад-Дин был духовным деятелем и занимал должность казия.

27. Село Котам (Ордубадский район). Стела, изготовленная из камня серого оттенка (95x35x4 см). На ней выгравированная арабская надпись в шести строках почерком пасх с элементами сулса следующего содержания (рис. 27):

“Аллах вечен! Представилась покойная, прощенная [Аллахом] Пари ханум дочь благочестивого мастера Кахсадана (?). Дата девятьсот девятнадцатый год. Да простит Аллах их обоих”.

919 г.х. - 9.3.1513 - 25.2. 1514 гг.

Надпись повествует об усте Кахсадане (?), имя которого неизвестно из других источников. В средние века “уста” являлся высоким профессиональным титулом. Академик А.А. Ализаде, говоря о структуре средневековых ремесленных цехов, писал: “В каждой отрасли ремесленного производства существовали цехи, во главе которых стояли главные мастера, называвшиеся “уста” или “устан” (26, с. 73). Мастер являлся центральной фигурой, образно говоря, производственным костяком эснафа, по числу которых распределялись и налоги. Вместе со своими учениками или же один, он занимал в торгово-ремесленных рядах строго определенную лавку - мастерскую (58, с. 38; 60, с. 125).

На основе термина “уста”, показывающего профессиональное звание Кахсадана (?) можно сказать, что он овладел высоким мастерством в определенном ремесле или же про-

фессии.

В начале эпитафии, по обеим сторонам словосочетания “Аллах вечен!” изображено по два круга, символизирующих солнце.

Кладбище, где обнаружена указанная стела, расположено в трех километрах к северо-востоку от села Котам, на левом берегу Котам-чая. На правом берегу реки сохранились руины старого села Котама. Кроме надгробного памятника Пари ханум зафиксировано еще несколько надгробных памятников, имеющих надписи. Данные этих надписей позволяют датировать период существования села и некрополя XV-XVII вв.

28. Город Ордубад. Некрополь “Малик Ибрахим”. Мраморный сундук с желтым оттенком. Поверхность памятника орнаментирована сложной композицией растительного орнамента. В прямоугольнике, на верхней грани сундука, у изголовья, высечена (рис. 28): “Коран LV – 26”.

По краям поверхности памятника следуют стихи из Корана: “Коран II - 255”.

По боковым обрамлениям сундука высечено:

“Господи, благослови ал-Мустафу и ал-Муртаду, и ал-Фатиму и внуков [пророка], и ал-Абида и ал-Бакира и ас-Садика и ал-Казима и ар-Риду и ат-Таки и ан - Наки и ал-Аскари и ал-Махди, ведущего по прямому пути Владыку времени. Да будет благословение Аллаха над ними всеми”.

На верхней грани, со стороны головы памятника, гравирована надпись следующего содержания (рис. 28 а):

“Этот сад покойного прощённого Мухаммад бека б. Фаррухзад бека. В 962”.

962 г.х. = 26. 11. 1554 - 15.11.1555 гг.

29. Там же. Стела, изготовленная из зеленого камня (58x26x7 см), имеется надпись на арабском языке, почерком насх с элементами сулса, следующего содержания (рис. 29):

“О всемилостивый из милосердных! Это-сад покойной,

прощённой, известной своей праведной жизнью Ханбики дочери Султана Шади бека. Девятьсот восемьдесят первый год”.

981 г.х. = 3.5.1573 – 22.4.1574 гг.

30. Село Нижняя Аза (ныне Азадкенд, Ордубадского района). Сундукообразный надмогильный памятник (190x37x45 см), изготовленный из серого камня, на головной части и на боковых обрамлениях имеется арабская надпись. На головной части, в прямоугольнике, высечена (рис. 30):

Коран LV - 26, 27

Начиная с правого бока памятника, высечены стихи из Корана: II-255. В конце стиха, на левом боку памятника, гравировано имя покойницы:

“Это ... покойной Зарифы дочери Дарвиш бека ал-Азади. Год 992”.

992 г. х. = 1584 г.

Нисба “ал-Азади” свидетельствует, что отец покойной Зарифы Дарвиш бек родом был из упомянутого села Аза (Азадкенд).

31. Город Нахчывань. Государственный исторический музей. Сундукообразный надгробный памятник из белого мрамора (81x27x11 см), на боковых гранях имеется рельефно-гравированная надпись на арабском языке, почерком насх с элементами сулса. Текст гласит так (рис. 31):

“Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Коран СХII. Амир-заде Газанфар. Десятого джумада ас-сани, тысяча”.

10 джумада ас-сани 1000 г.х. = 24.3.1592 г.

На верхней грани сундука имеется геометрический орнамент. В центре верхней части имеется рисунок, стилизованный восьмилепестковый цветок.

32. Село Ханака (ныне Ханегях, Джулфинский район). Сундукообразный надмогильный памятник, обнаруженный

на кладбище, расположенном на юго-западной части села; изготовлен из камня серого оттенка (156x39x32 см), содержит трехстрочную арабскую надпись (рис. 32):

“Смерть покойного Мухаммеда б. Хваджа хана [наступила] в тысяча первом году”.

1001 г.х. = 8.10.1592 - 26.9.1593 гг.

33. Кладбище “Кочари” (Ордубадский район). Сундук, изготовленный из камня зеленого оттенка (132x35x25 см). Надпись на верхней части сундука выгравирована в трех строках на арабском языке, почерком насх с элементами сулса (рис. 33):

“Это, покойный Иман б. Ханмухаммад. Дата: 1003 год”.

1003 г. х. = 16.9.1594 - 5.9.1595 гг.

На основе этого памятника можно установить примерную датировку кладбища - XV - XVII вв.

34. Там же. Сундук, изготовленный из камня зеленого оттенка (83x20x22 см), имеется трехстрочная арабская надпись (рис. 34):

“Это, покойный Мухаммад б. Мухиб Кочари”.

Эпитафия не датирована. Ее можно датировать по схожести с ней рядом стоящим памятником Иману - XVI-XVII вв.

В центральной части сундука даны изображения двух розеток - символа солнца.

Кладбище “Кочари” расположено в 7-8 км к северо-востоку от села Уступи. Площадь его охватывает, приблизительно 1,5 га. На кладбище имеются надгробные памятники в виде каменной фигуры барана и сундука. Со временем эти памятники поломались и надписи стерлись.

По словам 80-летнего жителя села Уступи Мусейба Бабаева, название кладбища связано с тем, что оно принадлежало племени из рода “Кочари”. А некоторые жители это связывают с кочевничеством. Около села находятся развалины

поселения, указывающие на постоянное жительство.

М.Исмаилов пишет об одном признаке хозяйства кочевников: “У кочевника должно быть жильё, которое можно было бы перенести из одного места в другое. У них не должно быть постоянного жилья и хозяйственных помещений” (84, с. 2).

Можно предположить, что здесь жило полукочевое племя, занимающееся отгонным скотоводством. Но оно, по словам местных жителей, в начале XIX века покинуло эти места.

35. Город Ордубад. Некрополь “Малик Ибрахим”. Стела из камня серого оттенка (90x43x7 см) завершается сверху стрельчатой аркой. На лицевой стороне имеется восьми-строчная арабоязычная надпись, почерком насх с элементами сулса. Текст надписи следующий (рис. 35):

“О друг чужеземцев и всех одиноких! Господи, благослови Мухаммада ал-Мустафу и Али ал-Муртаду и Фатиму аз-Захру и внуков пророка и поклоняющихся и ал-Бакира и ас-Садика и ал-Казима и ар-Риду и ат-Таки и ан-Наки и ал-Аскарари и ал-Махди-да благословит Аллах их всех. Это, ложе благочестивого раба Маулана Мухаммада Риды б. ал-Хатиб. Дата смерти - мухаррам запретный тысяча девятого хиджры”.

Мухаррам 1009 г.х. = 13.7. - 11.8.1600 г.

36. Там же. Мраморная стела с желтым оттенком (27x24x6 см), на лицевой стороне имеется двухстрочная арабская надпись, почерком насх с элементами сулса (рис. 36):

“Покойный Мухаммад Рида. Год 1010”.

1010 г. х.=2.7.1601-20.6.1602 гг.

Соффит арки эпитафии заполнен надписью, на вершине имеется изображение тюльпана.

37. Там же. Стела, изготовленная из мрамора желтовато-серого оттенка (45x29x5 см), имеется арабская надпись

почерком сулс (рис. 37):

“Покойный Зайн Али”.

Ниже надписи имеется изображение двух ткацких инструментов - колотушек, использующихся для уплотнения ниток в ковроделии. Памятник не датирован. По форме, размеру, материалу, технике высечения, по палеографическим особенностям надписи, по художественному оформлению других датированных памятников, расположенных вокруг его, можно датировать XVII в.

Для датировки памятников используется вся совокупность данных языка, палеографии, орнаментики, содержания текста (115, с. 18). Во многих исследуемых памятниках, особенно на стелах, дата не сохранилась. Обычно, в большинстве случаев, дата высекалась в конце повествовательной части текста эпитафии. Нижняя часть эпитафии постепенно опускалась под землю и в результате сырости надпись на этой части памятника испортилась. Такие памятники всегда датируются вышеуказанным способом, потому что ценность эпиграфических памятников во многом зависит от точной датировки (124, с. 12).

Иногда о затронутых вопросах в тексте надписи имеются данные в других синхронных источниках, которые помогают дать точную датировку памятника и дополняют более или менее краткое сообщение лапидарных надписей.

38. Там же. Стела, изготовленная из белого мрамора с жёлтым оттенком (40x23x4 см), имеет на лицевой стороне двухстрочную арабскую надпись почерком насх (рис. 38):

“Покойный Маулана Мухаммад Бакир”.

По сравнению с другими памятниками, стелу можно датировать XVII в.

Надпись констатирует об одном учёном-богослове Мухаммаде Бакире, имя которого неизвестно по другим источникам. Термин “Маулана” показывает, что он был видным

общественным деятелем своего времени.

39. Там же. Стела, изготовленная: из камня с зелёным оттенком (60x47x7 см). Надпись на лицевой стороне попорчена и не поддаётся полному чтению (рис. 39):

“Коран LV -26, 27. Это сад покойного, прощённого [Аллахом] устада Юсуфа б. Хасанали...”.

Надпись относится к XVI-XVII вв.

40. Село Дуйлун (Ордубадский район). Памятник из камня с зелёным оттенком (77x44x7 см), найден во время земляных работ во дворе жителем села Али Алиевым. Надпись на лицевой стороне арабская, высечена рельефно в четырёх строках почерком сулс. Слова выступают над строками (рис. 40):

“Коран LV -26, 27. XXVIII-88. Кончина Говхар ханум произошла в тысяча десятом году”.

1010 г.х. = 2.7.1601 - 20.6.1602 гг.

Последний слог слова «ханум» выгравирован неясно. Ввиду того, что это слово следует за именем покойной, вероятнее всего оно означало слово “ханум” в соответствии с тюркской традицией.

41. Там же. Стела, изготовленная из камня с зеленым оттенком, на лицевой стороне имеется арабская надпись. На нижней части стелы надпись попорчена, полностью не читывается (рис. 41):

“Надпись содержит стихи из Корана – II-255”.

Рамка, отведённая для надписи, сверху завершается стрельчатой аркой. На тимпанах арки изображён стилизованный лиственный орнамент. В обрамлении имеется геометрический орнамент – “Сельджукская цепь”.

Отождествляя памятник с предыдущим, его можно отнести к XVII в.

Наличие богато орнаментированных стел и каменных фигур баранов на кладбище, а также остатки старой бани

показывают, что раньше здесь был один из культурно-развитых населенных пунктов.

42. Село Даркенд (Ордубадский район). Надгробный памятник в виде сундука изготовлен из красного камня (80x25x19 см). На поверхности сундука, внутри прямоугольника, высеченного у изголовья покойного, имеется двухстрочная арабская надпись, почерком сулс (рис. 42):

“Дата кончины Лала Хусайн бека сына покойного Чираг бека. 1011 год”.

1011 г. х. = 21.6.1602 - 10.6.1603 гг.

Надпись сильно стёрта, с трудом поддается чтению.

43. Там же. Надгробный памятник в виде сундука изготовлен из камня с красным оттенком (64x21x17 см). На верхней грани сундука, у изголовья покойного, высечена арабская надпись, почерком сулс (рис. 43):

“Дата кончины Надул бека(?) сына покойного Чираг бека. 1011 год”.

Дата совпадает с предыдущей. Надпись из-за плохой сохранности, читается трудно.

Как видно из вышеуказанной эпитафии, два сына Чираг бека скончались в 1011(1602-1603 гг. Вряд ли они умерли своей смертью. Оба брата могли умереть в один год в результате какого-либо общественного бедствия, эпидемии, войны, уносивших тысячи жизней, на могилы которых даже не успели поставить надгробный памятник.

С.В.Тер-Аветисян отмечает, что через инженера И.Г.Захарова в 1927 г. я получил копию надгробной надписи, на которой значится 1011 г.хиджры, вывезенной, по словам местных жителей, из Хараба Гилана в сел. Даркенд. Из названного же селения я, в первую мою поездку в этот район, вывез в Тифлис надгробные камни с надписями-изречениями из Корана (178, с. 167-168). Значит, в этом селе раньше были многие надписи. А копия, которую И.Г.Захаров передал

С.Б.Тер-Аветисяну, вероятно принадлежит одной из выше-указанных надписей, посвященных сыновьям Чираг бека.

44. Город Ордубад. Некрополь “Малик Ибрахим”. Стела из белого мрамора (74x36 см), на лицевой стороне имеется арабоязычная трехстрочная надпись, почерком насх с элементами сулс (рис. 44):

“Это усыпальница покойного Хваджи Алихана б. Хаджи Кадима Ордубади, в 1055 году”.

1055 г.х. = 27.2.1645 - 16.2.1646 гг.

45. Там же. Мраморная стела с серым оттенком (40x44x7 см). На лицевой стороне имеет четырехстрочную арабскую надпись, выполненную почерком сулс. Слова выступают над строками (рис. 45):

“Коран LV-26, 27. Это усыпальница покойного, прощённого [Аллахом] Хайдара, сына покойного Асада Ордубади. Дата: 1073 год”.

1073 г.х. = 16.8.1662 - 4.8.1663 гг.

Над центральной линией прямоугольника, отведенной для надписи, высечен растительный мотив - изображение тюльпана.

46. Там же. Мраморная стела с серым оттенком (37x26x8 см). Семистрочная арабская надпись высечена на лицевой стороне стелы. Почерк насх (рис. 46):

“Коран LV-26,27. Дата смерти покойного, прощённого [нуждающегося] в милости Аллаха владыки прощающего Мухаммад Хашима сына покойного Хаджи Мухаммада Бакира в месяце ша’бане славного, года 1098”.

Ша’бан 1098 г.х. = 12.6. - 10.7.1687 г.

47. Там же. Стела из белого мрамора (36x29x4 см). На лицевой стороне высечена трехстрочная арабская надпись почерком сулс (рис. 47):

“Покойный, прощенный [Аллахом] Мир Абу-л-Касим сын Мир Адила ал-Хусайни. Год 1111”.

1111 г.х. = 29.6.1699 - 17.6.1700 гг.

48. Там же. Мраморная стела с желтым оттенком (43x24x8 см). На лицевой стороне имеется трехстрочная арабская надпись, выполненная почерком насх с элементами сулс (рис. 48):

“Покойный Мухаммад Захир таиб. Год 1112”.

1112 г.х. = 18.6.1700 - 7.6.1701 гг.

Надпись сохранила для нас имя врача, жившего в XVII в.

49. Город Ордубад. Историко-краеведческий музей. На мраморной стеле с желтым оттенком (24x19x4 см) имеется арабская надпись почерком сулс (рис. 49):

“Покойная мать Хаджи Ибрахима. 1113”.

1113 г.х. = 8.6.1701 - 27.5.1702 гг.

50. Село Джамалдин (Джулфинский район). Сундукообразный надгробный памятник из красноватого камня (170x30x10 см). У изголовья высечена арабо-персоязычная надпись следующего содержания (рис. 50):

“Кончина ищущего милости у Аллаха [занятого] промыслом божьим, Бакира наступила в месяце зи-л-хиджа. Соединился с милосердием Господа, в 1114 году”.

Зи-л-хиджа 1114 г.х. = 18.4.-16.5.1703 г.

На поверхности сундука, в среднем и нижнем плане, имеется изображение сабли, щита, розетки - символа солнца.

51. Город Ордубад. Некрополь “Малик Ибрахим”. Стела из белого мрамора с жёлтым оттенком. На лицевой стороне арабская надпись почерком сулс (рис. 51):

“Покойный Теймур хан. Год 1120”.

1120 г.х. = 23.3.1708 - 12.3.1709 гг.

52. Там же. Каменная стела с жёлтым оттенком (80x41x8 см), имеется прямоугольная форма. Верх расширяется и завершается пятилопастной аркой. В обрамлении геометрический орнамент, состоящий из чередующихся восьмиконечных звезд.

нечных звездочек. Надпись высечена почерком сулс на арабско-персидским языке в восьми строках (рис. 52):

“Он могущественный! Коран LV- 26,27. Мухаммад Мехти сын покойного Мухаммад бека Ордубади. Дата: 14 джумада ал-ахира 1125 год”.

14 джумада ал-ахира 1125 г.х. = 8.7.1713 г.

53. Там же. Мраморная стела (38x22x5 см). На лицевой стороне арабская надпись почерком насх (рис. 53):

“Покойный Хаджи Айнали. 1128 год”.

1128 г.х. = 1716 г.

54. Там же. Стела, изготовленная из белого мрамора (30x25x7 см), завершается стрельчатой аркой. Надпись арабоязычная, почерк сулс (рис. 54):

“Покойная жена Муллы Сами. 1130 год”.

1130 г.х. = 1718 г.

55. Там же. Мраморная стела, изготовленная из белого мрамора с желтым оттенком (40x29x8 см). Почерк надписи - сулс (рис. 55):

“Мир Мухаммад Хашим Хусайни 1130”.

Дата совпадает с предыдущей.

56. Там же. Мраморная стела (25x24x7 см), сверху завершается стрельчатой аркой. Двухстрочная надпись арабская, высечена рельефно на лицевой стороне стелы (рис. 56):

“Покойный Исмаил сын Мурад хана. 1132 год”.

1132 г.х. = 14.11.1719 - 1.11.1720 гг.

57. Село Дырныс (Ордубадский район). Стела, изготовленная из камня с зелёным оттенком (62x50x8 см). Надпись на лицевой стороне арабо-персоязычная, почерк сулс (рис. 57):

“Коран LV-26, 27. Сахиба ханум, да будет [она] благословенной. 1140 год”.

1140 г.х. = 19.8.1727 - 6.8.1728 гг.

В надписи цифра, означавшая тысячу, резчиком не вы-

сечена.

58. Город Ордубад. Некрополь “Малик Ибрахим”. Мраморная стела завершается сверху стрельчатой аркой. Арабская надпись высечена рельефно на лицевой стороне стелы, почерк сулс (рис. 58):

“Коран LV-26, 27. Покойный, прощенный [Аллахом] Мир Абд ал-Вадуд б. Мир Абд ас-Салих. Седьмого месяца раби ал-аввала 1150 года”.

7 раби ал-аввала 1150 г.х. = 5.7.1737 г.

Стела поломана на две части.

59. Там же. Стела из серого мрамора (47x30x8 см) завершается стрельчатой аркой. На лицевой стороне имеется шестистрочная надпись на арабском языке, почерком сулс (рис. 59):

“Коран LV-26,27. Это усыпальница покойного Кербалайи Абд ал-Ваххаба. В месяце раби ас-сани, тысяча сто пятидесятого года”.

Раби ас-сани 1150 г.х. = 29.7. - 26.8.1737 г.г.

60. Там же. Стела из мрамора с жёлтым оттенком (35x21x6 см) завершается стрельчатой аркой. Почерк надписи сулс. Слова выступают над строками (рис. 60):

“Коран LV - 26,27. Покойный, прощённый [Аллахом] Мухаммад Али б. Мухаммад Рида. 1150 год”.

1150 г.х. = 1.5.1737 - 20.4.1738 г.г.

61. Там же. Стела из белого мрамора (29x28x5 см). Арабская трехстрочная надпись высечена почерком сулс (рис.61):

“Коран LV -26. Покойный, прощённый [Аллахом] Ибрахим Аразинли. 1151”.

1151 г.х. - 21.4.1738 - 9.4.1739 г.г.

Аразин - название села в Джулфинском районе.

62. Город Ордубад. Некрополь “Точ” Стела, изготовленная из желтоватого камня (52x20x7 см), зафиксирована на клад-

бище, расположенном в западной части города Ордубада. С правой стороны поломана и кусок потерян. На лицевой стороне арабская надпись следующего содержания (рис. 62):

“Коран LV-26,27. ... б. Имамкули”.

В обрамлении высечены имена 14 непорочных (Мухаммад. Фатима и 12 шиитских имамов). Сохранность надписи плохая, читаются лишь некоторые слова (Полный текст в другом варианте, см. надпись № 28, 35).

На боковой грани стелы высечена надпись в трёх картушах (рис. 62 а):

“Надир шах уехал в Индию, 1151 год ... 1151 год, резчик Абу-л-Касим...”

1151 г.х. = 21.4.1738 - 9.4.1739 гг.

Начало надписи во второй картуше потёрто, не поддаётся полному чтению. Надпись говорит о резчике Абу-л-Касиме, имя которого не отмечено в других источниках.

63. Город Ордубад. Некрополь “Малик Ибрахим”. Стела, изготовленная из мрамора с желтым оттенком, сверху завершается стрельчатой аркой. Арабоязычная надпись на лицевой стороне высечена рельефно, почерк насх (рис. 63):

“Коран LV -26. Покойный Хаджи Мухаммад Али б. Садик. 1166 год”.

1166 г.х. = 8.11.1752 - 28.10.1753 гг.

64. Город Нахчыван. Государственный Исторический Музей. Мраморная стела с желтым оттенком, завершается стрельчатой аркой (72x38x8 см). На лицевой стороне высечена надпись на арабском языке почерком сулс. Текст шестистрочной надписи гласит (рис. 64):

“Коран LV -26. Дата кончины покойной, прощенной Изз Шараф ханум дочери покойного, благочестивого Мирза Инайат ан-Насири ат-Туси, среда в начале месяце почитаемого раджаба, 1169”.

Начало раджаба, среда 1169 г.х. = 7.4.1756 г.

Стела найдена в 1967 г. во время реставрационных работ вокруг соборной мечети в городе Ордубаде. О ней сообщил М.Н. Насирли (127, с. 15).

Эпитафия посвящена женщинам из рода великого астронома Насир ад-Дина Туси. Это вторая надпись после указа Шаха Аббаса I на Ордубадской соборной мечети, где говорится о людях, происходящих из рода Насир ад-Дина Туси.

65. Там же. Стела из камня зеленоватого цвета (54x46x7 см), на лицевой стороне памятника изображена ниша, завершающаяся стрельчатой аркой, на плоскости которой рельефно высечена арабская надпись красивым почерком сулс. На тимпанах арки имеется по одной розетке, изображающих символ солнца. Над аркой однострочная надпись религиозного содержания (рис. 65):

“Сказал пророк - мир над ними ... Переселился из мира бренного в мир вечности великий шейх, имам почтенный, отшельник...”.

Памятник перенесён в музей, из села Ханака (ныне Ханегях), Джулфинского района. Из-за поломки камня в нижней части стелы не сохранилось имя имама. По эпитетам захид, почтенный имам, великий шейх можно сказать, что он занимал один из важных постов и был видным ученым-богословом.

66. Город Ордубад. Некрополь “Малик Ибрахим”. Мраморная стела (42x24x10 см) завершается стрельчатой аркой. Надпись арабская, высечена на лицевой стороне стелы, почерк насх (рис. 66):

“Он [вечный!] Коран LV - 26. Покойный, прощённый, [достигший] милости Аллаха всевышнего Абд ал-Мумин. В 1174 году”.

1174 г.х. = 13.8.1760 - 1.8.1761 гг.

67. Город Ордубад. Некрополь “Пир Айваз”. Мраморная

стела, на лицевой стороне которой имеется пятистрочная надпись на арабском языке, выполненная почерком насх (рис. 67):

“Он [вечный!] О, прощающий грешников! Кончина покойной, прощённой Фатимы, дочери Мурада наступила в месяце благословенном рамадане, 1179 года”.

Рамадан 1179 г.х. = 2.2-12.3.1766 г.

Эпитафия Фатимы дает возможность определить даты недатированных памятников на кладбище и период возникновения самого кладбища. Время захоронения на этом кладбище приблизительно соответствует последнему периоду некрополя “Малик Ибрахима”. Ввиду того, что численность городского населения и территория города были большими, часть жителей хоронили своих покойников на данном кладбище. Кладбище расположено в западной части города и именуется в народе кладбищем “Пир Айваза”. По народному преданию, место, где расположено кладбище, принадлежало Пиру Айвазу, у которого не было наследников. После кончины, по его завещанию, его похоронили там, затем это место стало кладбищем, названным его именем.

На кладбище имеются надгробные памятники XVII-XVIII вв. в виде стел, красиво орнаментированные и содержащие надписи с различными видами почерков арабской графики. Стелы в основном изготовлены из белого мрамора с желтым оттенком.

В центре кладбища имеется небольшое помещение, внутри которого расположена могила. На могиле имеется стела, реставрированная позднее. Надпись на нем стерта временем так, что ничего невозможно прочесть.

Фиксация указанных эпиграфических памятников была произведена 1980 году, а в 1981 году, в результате строительства дороги, кладбище было снесено и отмеченные надгробные памятники уничтожены.

68. Город Ордубад. Некрополь “Малик Мбрахим”. Стела, изготовлена из мрамора (56x49x4 см) и имеет стрельчатое завершение. В обрамлении внутри ромбиков изображены розетки - стилизованные восьмилепестковые цветки. Сверху, на вершине внутренней арки, изображен тюльпан и лиственный орнамент. На соффите арки и по среднему полу стелы, в картушах, пятистрочная надпись на арабском языке, высеченная почерком сулс. Слова выступают над строками (рис. 68):

“Он всепрошающий! Он всемилостив! Коран LV - 26,27. Дата кончины соответствует месяцам 1180 года. Это обиталище покойного, прощённого Машхади Мухаммада Вели сына покойного Хаджи Мухаммада Расула”.

1180 г.х. = 9.6.1766 - 29.5.1767 г.г.

69. Там же. Мраморная стела (70x33x8 см), на лицевой стороне имеется рельефно высеченная пятистрочная арабская надпись, выполненная почерком насх (рис. 69):

“Он прощающий! Коран LV - 26. Дата смерти покойной Хайр ан-Нисы дочери покойного Мухаммад бека Андамиджи в месяце джумада ас-сани, 1181 года”.

Джумада ас-сани 1181 г.х. = 25.10 - 22.11.1767 г.г.

В обрамлении стелы в ромбиках изображены стилизованные восьмилепестковые цветки.

Андамидж - село, расположенное вблизи города Ордубада. Жители данного села и сегодня, как и два столетия назад, производят погребальные обряды на этом кладбище.

70. Там же. Стела из белого мрамора (58x27x7 см), на лицевой стороне имеется арабская надпись, выполненная почерком насх. В обрамлении стилизованный растительный орнамент. Текст надписи, высеченный в семи строках, следующего содержания (рис. 70):

“Он [вечный]! Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Смерть - чаша, и каждый из людей выпьет из неё.

Дата смерти покойного Мухаммада Рахима сына Сафи-бека Аклиси. В месяце мухарраме 1183 года”.

Мухаррам 1183 г.х. = 7.5.-5.6.1769 г.

Памятник, как и предыдущие, обрамлён растительным и геометрическим орнаментом.

71. Там же. Стела из белого мрамора, содержит шестистрочную арабскую надпись, выполненную почерком насх. Слова выступают над строками (рис. 71):

“Он [вечный!] 1186. Коран LV-26. Это усыпальница покойного, прощённого, покровителя сеййидов Мир Абд ал-Азима сына покойного Мир Мухаммада Казима Ордубади в месяце раби ас-сани”.

Раби ас-сани 1186 г.х. = июль 1772 г.

72. Там же. Стела, изготовленная из белого мрамора (45x32x11 см), в форме стрельчатой арки. Надпись арабская, почерк насх с элементами насталик (рис. 72):

“[Он] вечный! Смерть покойного, прощённого, покровителя сеййидов и благородных Сеййида Хусайна ал-Хусайни. 1186 год”.

1186 г.х. = 4.4.1772 - 24.3.1773 гг.

Указанные слова “покровителя сеййидов и благородных” в последних двух эпитафиях свидетельствуют, что покойники были знатными, занимавшими важное положение лицами своей эпохи.

73. Там же. Мраморная стела с жёлтым оттенком, содержит пятистрочную надпись на арабском языке, выполненную почерком насх с элементами сулса. Памятник имеет форму прямоугольника, завершающегося стрельчатой аркой. В обрамлении простой геометрический орнамент в виде сетки. На вершине арки изображен тюльпан. Надпись гласит (рис. 73):

“Коран LV-26. Это усыпальница и ложе покойного, прощённого, самого любимого юноши Ага Расула б. Мухаммада

Наки. Начало рамадана, 1187”.

Начало рамадана 1187 г.х. = 16.11.1773 г.

74. Там же. Мраморная стела (39х32х9 см) имеет прямоугольную форму. Надпись на лицевой стороне на арабско-персидском языке, почерк насталик (рис. 74):

“Он вечный! Смерть ищущей милосердия Машхади Раджабали б. Мухаммад Али, 1198”.

1198 г.х. = 26.2.1783 - 13.2.1784 гг.

По боковым обрамлениям в картушах высечена: “Перед “Ихлас”ом прочти “ал-Хамд”.

“Ихлас” и “ал-Хамд” - суры из Корана: СХII и I.

75. Там же. Стела из белого мрамора с жёлтым оттенком, имеется рельефно-высеченная арабо-персоязычная надпись по среднему полу, почерком насх с элементами сулса, и по боковым обрамлениям в картушах - почерком насталик. По среднему полу (рис. 75):

“Он вечный! Кто родился, тот вынужден пить яд из чаши смерти. Коран LV -26. Дата смерти достигшего милости Господа всепрощающего, покойного, прощённого Абд ал-Джаббара, 1199 год”.

1199 г.х. = 14.11.1784 - 3.11.1785 гг.

По крайним обрамлениям:

“Я прибыл к Господу без добродетелей и с добрым сердцем. Приношение добродетелей, во время прибытия к господу, наихудшее дело. Первый сын Хаджи Мухаммада Сами”.

Надпись издана М.С.Нейматовой (132, с. 106-107; 135, с. 26). Каллиграф-резчик при написании эпитафии пользовался двумя видами арабского шрифта - насх с элементами сулса и насталик. Изготовлен сыном Мухаммада Сами.

76. Там же. Стела из мрамора с жёлтым оттенком (41х33х8 см) в форме стрельчатой арки. В обрамлении растительный орнамент. По среднему полу стелы в картушах

рельефно высечена арабская надпись почерком насх с элементами сулса (рис. 76):

“Коран LV -26,27. Покойная Шахрабану. 1202 год”.

1202 г.х. = 13.10.1787-1.10.1788 гг.

77. Там же. Стела из белого мрамора с жёлтым оттенком (72x 27x7 см), на лицевой стороне имеется шестистрочная арабская надпись почерком насталик (рис. 77):

“Эта светлая усыпальница и ложе отдохновения набожного учёного, муджтахиды эпохи и времени Мирза Хашима б. Мирза Мумина, 12 зу-л-ка”да 1202 года. Написал и высек её на камне Мухаммад Салих ал-Хусайни ал-Казвини”.

12 зу-л-ка “да 1202 г.х. =14.8.1788 г.

Надпись опубликована М.С.Нейматовой (135, с. 26).

Памятник говорит о каллиграфе-резчике Мухаммаде Салихе ал-Хусайни ал-Казвини, имя которого неизвестно из других источников.

Слово в надписи “написал и высек” говорит о том, что Мухаммад Салих работал над созданием памятников самостоятельно, то есть сам составлял тексты надписей и сам высекал их. Одновременно данный памятник характеризует мастера как художника - орнаменталиста. Между строками надписи он украшал памятники растительным орнаментом по схеме, напоминающей латинскую букву “S”.

78. Там же. Мраморная стела с желтым оттенком (40x33x4 см) завершается стрельчатой аркой. Надпись арабская, выполненная почерком сулс (рис. 78):

“Коран LV-26,27. Покойный, благочестивый Кербалайи Зайн ал-Абидин. 1219”.

1219 г.х. = 12.4.1804 - 31.3.1805 гг.

79. Там же. Стела из белого мрамора с желтым оттенком (35x28x5 см), на лицевой стороне имеется трехстрочная арабская надпись, выполненная почерком сулс (рис. 79):

“Это светлая усыпальница цветка, покойной, благоче-

стивой Париджахан ханум, 1221”.

1221 г.х. = 21.3.1806 – 10.3.1807 гг.

В конце надписи имеется изображение куска материи и ножниц, что сообщает о профессии покойницы.

80. Там же. Мраморная стела, имеющая прямоугольную форму (26x19x4 см). Арабоязычная надпись высечена на лицевой стороне почерком насх (рис. 80):

“Он вечный! Покойный Ханмухаммад сын покойного Хаджи, джумада ас-сани, 1222”.

Джумада ас-сани 1222 г.х. = 6.8.-3.9.1808 г.

81. Село Валавер (Ордубадский район). Стела из белого камня (60x36x11 см) завершается пятилопастной аркой. На лицевой стороне стелы высечена надпись на арабском языке. Почерк сулс, слова выступают над строками (рис. 81):

“Он [вечный!] Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Коран LV -26,27. Владелец [могилы] покойный Мухаммад Али бек сын покойного Султана. Месяц раби ал-аввал, 1225 год”.

Раби ал-аввал 1225 г.х. = 6.4.-5.5.1810 г.

На оборотной стороне стелы врезано изображение вазы с букетом.

82. Город Ордубад. Некрополь “Малик Ибрахим”. Мраморная стела (45x54x7 см), на лицевой стороне имеет надпись на арабском языке, почерк сулс (рис. 82):

“Коран LV -26,27. Покойный Хаджи Мухаммад Рахим, 1228”.

1228 г.х. = 1813 г.

83. Город Ордубад. Историко-краеведческий музей. Мраморная стела (48x46x6 см). На лицевой стороне высечена надпись на арабско-персидском языке (рис. 83):

“Коран LV-26, Сошла луна моей судьбы со своего места, а жаль! Шагнула в землю небытия, жаль! После того, как ушла та луна, ушел и Нури Джахан, из этого караван-сарая

ушло небесное светило жаль! У разумного старца спросил дату [смерти], с воплем и криком сказал: О, жаль! Дата смерти покойной в запретном месяце мухаррам, в 1230 году”

Мухаррам 1230 г.х. = 14.12.1814 - 12.1.1815 г.г.

Надпись издана М.С. Нейматовой (132, с. 107-108; 135, с. 26). Надпись в основном выполнена почерком насталик. Часть надписи, заполняющая соффит арки и нижнее обрамление, высечена почерком сулс. Тимпаны, арки и боковые обрамления стелы украшены лиственным орнаментом.

84. Город Ордубад. Некрополь “Малик Ибрахим”. Стела из белого мрамора, на лицевой стороне имеется арабская надпись, выполненная почерком насх с элементами сулса (рис. 84):

“Переселилась из мира обольщения [в] 1233, Баджиханум дочь Шейха Мухаммада”.

1233 г.х. = 11.11.1817 - 30.10.1818 г.г.

На стеле высечено изображение ножниц и куска материи, указывающих на профессию покойницы.

В надписи отец Баджиханум представляется с титулом “шейх”. Как известно, этот титул носили ученые и другие выдающиеся личности.

85. Там же. Мраморная стела (35x24x9 см), на лицевой стороне имеется арабская надпись почерком насх следующего содержания (рис. 85):

“Переселился из мира обольщения покойный Али, 1237”.

1237 г.х. = 28.9.1821 - 17.9.1822 г.г.

86. Там же. Мраморная стела с арабской надписью (35x24x9см), выполненная почерком сулс (рис. 86) :

“Переселилась из мира обольщения Балаханум, 1237 год”.

Дата соответствует предыдущей.

87. Город Нахчыван. Государственный исторический музей. Стела из белого мрамора (33x20x5 см), на лицевой

стороне имеется арабоязычная надпись, высеченная рельефно почерком насх. Содержание следующее (рис. 87):

“Коран LV -26. Сона ханум жена Кербалайи Хусайна в [день] двадцатый месяца победоносного сафара 1238 года”.

20 сафар 1238 г.х. – 6.11.1822 г.

Это вторая эпитафия, в которой покойная представлена именем мужа.

88. Город Ордубад. Некрополь “Малик Ибрахим”. Стела из желтоватого мрамора, надпись арабоязычная, на лицевой стороне, почерк насталик (рис. 88):

“Переселился из мира обольщения в мир радости, 1242 год”.

1242 г.х. = 5.8.1826 - 24.7.1827 гг.

Имя покойного не упомянуто в надписи. На стеле изображены ножницы и кусок материи.

Еще три других надгробных памятника (№ 84, 85, 86) по своей форме, содержанию и палеографическим особенностям надписей - аналогичны. Хронологическая рамка их охватывает десятилетний период (1233-1242 гг.) деятельности, очень возможно, одного и того же мастера художественной резьбы по камню и каллиграфии.

89. Там же. Мраморная стела (27x22x6 см) содержит арабскую надпись в три строки, высеченную почерком сулс (рис. 89):

“Смерть покойного Муллы Хасанали из Алинджи, 1243”.

1243 г.х. = 25.7.1827 - 13.7.1828 гг.

90. Город Нахчыван. Государственный исторический музей. Мраморная стела. На плоскости мрамора высечена ниша, завершающаяся сверху пятилопастной аркой. Соффит арки заполнен надписью, продолжение которой проходит вниз в пяти строках. Строки надписи разъединены рельефными линиями. Почерк надписи насталик (рис. 90):

“Он вечный! Коран XXIX-57. Действительно мир брен-

ный. Мир не вечный дом. Действительно мир подобен паутине. Дата смерти Великули бека б. Джафаркули бека Кенгерлу седьмой день прославленного ша"бана из месяцев, 1260 года".

7 ша"бан 1260 г.х. = 22.8.1844 г.

У Абаскули хана, одного из основателей Нахчыванского ханства, являющегося одним из вождей племени Кенгерлу, был двоюродной брат по имени Джафаркули бек (70, с. 56). Возможно, именно он и упомянут в этой надписи.

91. Село Нижний Кишлак (Шахбузский район). Стела из белого камня, завершается стрельчатой аркой. На лицевой стороне врезная арабская надпись, почерк - не каллиграфичный насх (рис. 91):

“Нет Бога кроме Аллаха. Мухаммад посланник Аллаха. Али друг Аллаха, Коран LV-26,27. ...”.

Впервые среди исследуемых памятников встречается словосочетание - означающее символ шиизма.

По другим памятникам, расположенных вокруг него, памятник можно датировать XIX в.

92. Там же. Стела из белого камня, имеет прямоугольную форму. Надпись на лицевой стороне арабоязычная, врезная, почерк некаллиграфичный насх (рис. 92):

“Владычество принадлежит Аллаху, единому, всемогущему. Коран II-151. Это могила Кербалайи ...”.

Впервые встречается стих из Корана “Возвращение”.

Надпись можно датировать XIX в.

б) Надписи на каменных фигурах баранов

Большую часть надгробных мемориальных памятников, сохранившихся на территории Нахчыванской АР, составляют каменные фигуры барана. Если проследить ареал распространения этих фигур на территории автономной республики по районам, то выясняется, что такие фигуры в малом или большем количестве имелись почти по всей территории На-

хчывани.

Нами зафиксировано более 150 надгробных памятников в виде каменного изваяния барана. Из них, в селах: Билав - 12, Нижняя - Аза (Азадкенд) - 3, Дуйлун - 2, Дырныс - 2, Баш Диза - 2 (Ордубадский район); Тюркеш - 6, Мазра - 6, Бадамлы - 5, Нурсу - 2, пос.Шахбуз-2 (Шахбузский район); Джакри - 9, Неграм - 1 (Бабекский район); Кирна - 21, Гойдере - 18, Бананияр - 1 (Джулфинский район); в городах Нахчывань - 14, Шарур -1 и др. На некоторых из них имеются надписи.

93. Село Дуйлун (Ордубадский район). Памятник в виде каменного изваяния барана размером 105x86x32 см., изготовлен из красноватого камня. На обоих боках барана имеется плохо сохранившаяся арабоязычная надпись. На левом боку (рис. 93):

“Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Хвала Аллаху и слава!”

На правом боку высечено (рис. 93 а): “Коран LV -26,27. В 970 году”.

970 г.х. = 31.8.1562-20.8.1563 г.г.

Задние ноги барана обломаны. О ней впервые сообщил В.М.Сысоев (177, с. 165-166). Однако он не прочёл дату памятника.

94. Там же. Памятник в виде каменного изваяния барана (100x73x27 см), изготовлен из красноватого камня. На левом боку имеется рельефно-высеченная надпись на арабском языке (рис. 94):

“Смерть этого Хасана б. Хусайн Али”.

На правом боку фигуры курдючного барана имеется изображение народного музыкального инструмента - саза и сабли. Рога у фигуры закрученные, морда чуть поломана.

На основании других датированных памятников, расположенных рядом с данным, последним, можно датировать

XVI-XVII вв.

95. Посёлок (ныне город) Шахбуз. Историко-краеведческий музей. Каменные фигуры барана из серого цвета камня (140х63х38 см). На правом боку фигуры вырезана арабоязычная надпись (рис. 95):

“Владелец Мелик Шахназар..., 992 год”.

992 г.х. = 1584 г.

Титул “мелик” показывает, что покойный был местный владетельный феодал.

96. Там же. Каменное изваяние барана изготовлено из цельного камня серого цвета (130х72х35 см). Рога слегка закручены. На правом боку имеется надпись (рис. 96):

“Владелец его Марджан б. Рашид бек ...”.

На спине фигуры высечена дата смерти покойника: 1066 год.

1066 г.х. = 31.10.1655 - 19.10.1656 г.г.

Эти фигуры барана, поставленные у входа в музей (№ 95,96), перенесены сюда с кладбища, расположенного в так называемом “Эвлер дереси”, находящегося на западной стороне села Кенд Шахбуз (Шахбузкенд). Недалеко от кладбища имеется замок, названный в народе “Шапурским замком”. Вокруг замка сохранились остатки поселений, который констатируют, что жители этого жилого массива пользовались замком как убежищем, и на кладбище производили погребальные обряды.

На указанных кладбищах имеются надгробные памятники в виде сундука, на которых имелись надписи и изображения различных предметов. Но в результате воздействия природных явлений они стёрлись и не поддаются чтению.

97. Село Билав (Ордубадский район). Памятник в виде каменного изваяния барана (90х35х27 см) изготовлен из красноватого камня. Рога закручены, задние и передние ноги, морда в носовой части поломаны. На левом боку вы-

резана надпись на арабском языке почерком насх (рис. 97):
“Владелец его Эвлия Кули, 1075 год”.

1075 г.х. = 25.7.1664 - 13.7.1665 г.г.

Село Билав, где зафиксирован данный памятник, расположено в горной части района. По мнению местного населения, село получило свое название от слова “мин эв” (“тысячи домов”), которым оно раньше называлось. Постепенно, искажаясь, превратилось в Билав.

По некоторым версиям село получило свое название от того, что поблизости от села были точительные камни – “булов”. Эта версия, по нашему мнению, близка к истине.

98. Там же. Фигура курдючного барана изготовлена из камня красного оттенка (105x60x20 см). Задние и передние ноги у фигуры поломаны. Рога закручены. На левом боку имеется арабская надпись выполненная почерком насх (рис. 98):

“Владелец его Зейнал Бакири, 1078 год”.

1078 г.х. = 23.6.1667 – 10.6.1668 г.г.

Дата повторяется дважды.

99. Там же. Каменное изваяние курдючного барана (74x22x37см) из красного камня. На боку вырезанная арабская надпись почерком насх (рис. 99):

“Владелец его Наджаф б. Нияз Али, 1080 год”.

1080 г.х. = 1.6.1669 - 20.5.1670 г.г.

Памятник был вмонтирован в стену мечети. Об этом сообщено в 1978 г. на сессии, посвященной итогам археологических и этнографических изысканий Сектора Археологии и Этнографии Института истории АН Азерб.ССР (166, с. 53). Затем разрушилась верхняя часть стены и фигура упала. Памятник по форме и технике изготовления, материалу, по стилю текстологического оформления и палеографии надписи идентичен с другими фигурами, зафиксированными нами на кладбище того же села (№ 97,98), Хронологические

рамки всех этих памятников охватывают пятилетний период, то есть 1075-1080 гг. По указанным данным все эти памятники можно считать творением одного мастера-ваятеля.

В селе имеются пять средневековых кладбищ, где сохранилось немалое количество надгробных памятников в виде сундука и каменной фигуры барана. Большинство этих памятников в результате воздействия природы подверглись разрушению и надписи на них стерлись.

Изобилие исторических памятников в селе Билав еще раз показывает, что село в средневековье являлось одним из крупных населенных пунктов и играло заметную роль в экономической, политической и культурной жизни края. Село было центром Билавского магала - одного из пяти магалов Ордубадского округа в первой половине XIX в. (65, с. 193) и соединял в себе 14 сел (65, с. 196).

100. Село Дырныс (Ордубадский район). Каменное изваяние барана (112x72x22 см), на боку имеется надпись (рис. 100):

“Покойный Амирхан. Год 1090”.

Фигура барана вместе с постаментом изготовлена из цельного камня-известняка. Ввиду непрочности известняка надпись со временем стерлась. Из даты надписи уцелели лишь цифры “девятка” и “единица”. На основании исследованных нами других датированных фигур барана, дату на данной фигуре можно восстановить следующим образом: 1090 г.х.

1090 г.х. = 12.2.1679 - 1.2.1680 гг.

Исследованные нами надгробные мемориальные памятники содержат оригинальные данные по истории и культуре средневекового Нахчыванского края. На основании эпитафий выявлены имена некоторых ученых-богословов, должностных лиц, мастеров архитектуры, каллиграфии и художественной резьбы по камню, в том числе великий

садр Рукн ад-Дин, казий Маджд ад-Дин, Маулана Мухаммад Рза, Маулана Мухаммад Бакир, Шейх Мухаммад, врача Мухаммада Захира, уstad Юсуф, уста Кахсадан, Мухаммад Салих, Абу-л-Касим и др., ранее неизвестные нам личности.

Выявлены некоторые данные о племенах и родословных (племя и род Кенгерлу, потомство Насир ад-Дина Туси, фамилия ал-Хусайни), живших на территории средневекового Нахчывани.

Эпитафии дают интересные данные о форме собственных имён. Следует отметить, что ислам вытеснял у азербайджанцев древние имена. Исследование показывает, что при выборе собственных имён исходили из убеждений людей. К собственным именам добавлялось имя пророка и получались двойные имена. Например, Мухаммад Салих, Мухаммад Бакир, Мухаммад Хашим и др. Также пользовались именами 14 непорочных, мусульманских лунных месяцев года хиджры и т.д.

ГЛАВА III. ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ, ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ ПО ЭПИГРАФИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ НАХЧЫВАНСКОЙ АР

Обследованные надписи дают ценные материалы для освещения ряда вопросов истории Азербайджана XVI-XIX вв., в том числе вопроса о налоговой и религиозной политике Сефевидов, ирано-турецкой войне и ее влиянии на социально-экономическую историю края. Немало интересных данных они содержат и об общественно-политической организации, существовавшей на территории Нахчывани, о племенах и личностях, играющих важную роль в политической и общественной жизни Нахчывани, о топонимике Азербайджана, об общественном положении женщин и др.

Анализ терминов, зафиксированных в надписях, позволил осветить различные вопросы эпохи и проливает свет на социально-экономические, общественные и идеологические вопросы исследуемого периода. Эти термины помогают осветить те или иные исторические вопросы, показывают роль и положение ряда исторических личностей в государственном аппарате.

Рельефные изображения, орнаменты, надписи, высеченные на памятниках различными почерками арабской графики, дают некоторые представления о быте, ремесле, об уровне развития культуры, каллиграфии, этапах развития художественной резьбы по камню и др.

а) Вопросы социально-политической истории

Исследуемые памятники эпиграфики служат ценным материалом для изучения истории и культуры азербайджанского народа. Исследование этих памятников, являющихся свидетелями более или менее важных исторических событий,

дополняют сведения, донесенные до нас письменными памятниками, ранее неизвестными историко-культурными фактами.

Из надписи № 21 выясняется, что сефевидский шах Аббас I в 1012/1604 г. освободил жителей Ордубада от ряда налогов и повинностей. Период издания указа был одним из самых тяжелых периодов в истории Азербайджана. В этот период продолжались кровопролитные и опустошительные войны между Сефевидами и Турцией. Во время этих войн территория Нахчывана, в том числе и Ордубада неоднократно переходила из рук в руки, в результате чего была сильно разорена. В сефевидско-турецких войнах жители Ордубада сражались на стороне Шаха Аббаса I. В сражениях с турками особенно отличились потомки Насир ад-Дина Туси, живущих в Ордубаде. В награду за это шах освободил всех жителей Ордубада от податей, взимаемых пользу казны (6, с. 506). Этим актом шах хотел завоевать авторитет не только жителей Ордубада, но и всего населения Азербайджана, демонстрируя этим, что все, кто будет добросовестно служить Сефевидам, будут удостоены награды. В этом же году были освобождены от всех податей и жители Дербента, расположенного на северной границе Сефевидского государства (6, с. 516; 133, с. 110).

Издавая этот указ Шах Аббас I имел, по-видимому, и другие цели. Как известно, территория Азербайджана, в том числе Нахчывани, будучи ареной кровопролитных, ожесточенных и продолжительных войн, между Сефевидским государством с Османской Турцией, была разорена. Эти войны отрицательно сказались на развитии экономики, политики, торговли, культуры Азербайджана. Они сопровождались безудержным грабежом населения и варварскими разрушениями. А территория Азербайджана была одной из стран, которая приносила казне большой доход. Именно это поло-

жение вынудило Сефевидское государство принять некоторые меры, способствующие возрождению и развитию экономики, торговли и т.п. Заинтересованность шахской власти, по мнению И.П.Петрушевского, в доходах от караванной торговли побуждали Аббаса I дать ряду азербайджанских городов привилегию налогового иммунитета маафи (149, с. 281).

Одновременно, Ордубадская касаба находилась на границе с Османской Турцией и шах Аббас I, с целью укрепления границы, хотел завоевать уважение и доверие жителей Ордубада и особенно влиятельной феодальной фамилии Насир ад-Дина Туси, и создать доверенную опору в будущей войне с Османской империей.

По всей вероятности, немалую роль в издании этого указа сыграл главный визирь шаха Хатим бек Ордубади. Согласно И.П.Петрушевскому, эта льгота была дана по просьбе шахского великого визира, “итимад ад-доулэ” (доверие государства) Хатим бека Ордубади, происходившего из фамилии Насирийе, потомков знаменитого ученого XIII в, Насир ад-Дина Туси. Со времен шаха Исмаила I члены фамилии Насирийе - Тусийе и сам Хатим-бек были наследственными калантарами (городскими старшинами) города Ордубада (146, с. 181).

Первоисточники тоже свидетельствуют о том, что Хатим бек до того, как стал великим визиром, был калантаром в городе Ордубаде (6, с. 228, 231; 133, с. 109; 154, с. 185). После назначения Хатим бека на важный пост великого визира, он отменил штрафы, которые были узаконены другими визирами. Он участвовал во многих военных походах шаха Аббаса I (146, с.181; 154, с. 185).

При изучении отдельных вопросов истории Азербайджана исследователи широко использовали данные этого указа и сделали соответствующие выводы (149, с. 281-282; 59, с. 85-86; 60, с. 161-162).

Текст указа высечен на камнях и вставлен в стене соборной мечети, ибо здание мечети является местом общественного сбора (134, с. 32). При этих мечетях имелись медресе-высшие учебные заведения. Государственные и общественные документы, предавались гласности с трибуны (минбар) соборных мечетей. В соборных мечетях - отмечает В.В.Бартольд-хранилась государственная казна, производился суд, решались общественные дела, читались лекции преподавателей и т.п. (37, с. 205). Иногда копии документов высекались на мраморных или каменных плитах, и вставляли над дверными проёмами соборных мечетей. В Баку, Тебризе, Шуше и других городах на стенах соборных мечетей имеются такие плиты с надписями текстов - указов дарственных актов, как указы Олджайту Мухаммада Худабанде (1304-1316), шаха Тахмаспа I (1524-1576), шаха Аббаса I (134, с. 22).

На основе данных надписей можно было проследить ход ирано-турецких войн и влияние их на развитие Нахчывани, которая во время этих войн превращалась в арену основных сражений. В этом отношении большой интерес представляет надпись № 5.

Надпись сообщает об очень тяжёлом политическом и экономическом положении села Вананд и всей территории Ордубада.

В первой половине XVIII века, в результате указанных войн, население Вананда и всего Ордубадского округа подвергалось насилию и опустошению. Положение, как говорится в надписи, было очень тяжелое: “Был сущий ад по причине голода и дороговизны. Жизнь была до того невыносимой, что в течение одного года селение Вананд и его окрестности были ограблены и опустошены трижды, и многие мусульмане мужчины и женщины были умерщвлены или уведены в плен”.

В 30-х годах XVIII в., в результате опустошительных войн, голод и разруха имели место по всему Азербайджану. Неурожаи и голод стали обычным явлением благодаря разорению крестьян и невозможности для них из-за военных действий осуществлять сельскохозяйственные работы (146, с. 302). Особенно сильный голод наблюдался в 1736 г., когда Надир шах короновался на Мугани. Очевидец процесса коронации Надир шаха и современник всех этих событий католикос Авраам Кретацци показывает, что в 1736 г. почти все районы и северного и южного Азербайджана голодали. Возвращаясь весной 1736 г. с курултая на Мугани (на котором Надир шах был провозглашен шахин шахом Ирана) в Иран, Авраам Кретацци, чтобы запастись продовольствием на дорогу для себя и своих спутников, должен был посылать за продуктами в Шемаху и в Нагорный Карабах, т.к. на Мугани ни за какие деньги нельзя было купить ни хлеба, ни зерна. Недостаток хлеба ощущался также в округе Тебриза, в Дизаке, Карабахе, Гяндже, Казахе, на берегах “моря Гегамского” (озеро Гокча) в Лори, Иберии (восточная Грузия), в Капане, Нахчыване и Иране (146, с. 302; 85, с. 345; 25, с. 13).

В конце 30-х годов, в результате захватнической и грабительской политики Надир шаха, опустошительные набеги его на Азербайджан совсем разорили страну. Налоговая политика Ибрахим хана, брата Надир шаха, назначенного последним правителем Азербайджана, была разорительной для населения. В эти годы налоги превышали свою норму. Сборщики налогов притесняли и угнетали население. После написания текста Ванандской надписи, по свидетельству Авраама Кретацци, экономическое положение в стране было хуже того, что указано в надписи. Если в Ванандской надписи цена одного мана зерна была 400 динаров, а после была 900 динаров (85, с. 345). Общее положение еще более ухудшилось

недородами и засухами 1744 и 1746 годов. Цены на продукты питания неимоверно росли. Если в Нахчыванском крае в 1732/33 гг. ман пшеницы стоил 400 динаров то в 1742 г. тебризский ман муки стоил 2 тыс. динаров. Однако, тебризский ман весил около 3 кг., а Нахчыванский - почти 13 кг. Следовательно, в 1732/33 гг. 1 кг. пшеницы стоил примерно 30 динаров, а в 1742 г. - 1 кг. пшеничной муки - 666 динаров (30, с. 241). В результате непрерывных войн Надир шаха положение в подвластных странах становилось все хуже и хуже. Экономический кризис также охватил Иранское государство. Воины опустошили государственную казну Ирана.

Безусловно в результате непрерывных военных походов Иранской армии, сопровождавшихся ограблением деревень и разорением посевов, сильно пострадало сельское хозяйство Азербайджана. Во многих деревнях и округах оставались заброшенные земли, сократилась урожайность, царила дороговизна. Положение с продовольствием к весне (1739 г.) ещё более ухудшилось, когда и без того немногочисленные запасы оказались на исходе. К тому же, связь между отдельными областями страны и торговыми центрами почти прекратилась (25, с. 140-141). Все это было причиной ослабления государства и ускоряло его гибель.

В надписи № 62, обнаруженной в городе Ордубаде, выгравировано имя Надир шаха, Индии и дважды дата: 1151 г.х.(1737-1738 гг). Дата надписи соответствует году похода Надир шаха Афшара в Индию. Как известно, Надир шах начал свой поход против среднеазиатских ханств и Индию в 1737 г. и в 1739 г. захватил столицу Индии – Дели, Во время этого похода он мобилизовал все основные ресурсы государства - военные и материальные. Из всех областей, подвластных ему, были взяты для возглавляемого им войска многочисленные воинские отряды (25, с. 137). Ф.М.Алиев, опираясь на нарративные источники, показывает, что во

всём Азербайджане, то есть от Иравана до самого Дербента нигде войска не было, ибо Надир шах из всех тех городов военных людей взял с собой (25, с. 137). Можно предположить, что человек, в память о котором воздвигнута стела, был участником этого исторического похода или скончался в том же году. К сожалению, надпись подверглась сильному разрушению и не поддается полному чтению.

Исследованные надписи содержат имена и характер деятельности некоторых исторических личностей, игравших важную роль в политической истории и общественной жизни страны.

В надписи № 13 содержатся сведения о государственных деятелях, которые были организаторами строительства водохранилища “Ганлы гёл”а. Надпись свидетельствует, что плотина, стоящая перед “Ганлы гёл”а, “иждивением Келбали ханом сооружена Шан Гиреем (Шахин Гиреем)”.

После присоединения Нахчывани к России, Шан Гирей (Шахин Гирей) некоторое время работал в Нахчывани уездным начальником. В это время он проводил активную работу по развитию оросительной системы на территории Нахчывани, где царила засуха. Еще до строительства плотины на “Ганлы гёл”е в 1863 и 1864 гг. по его инициативе создано озеро между городом Нахчываню и селом Шыхмахмуд, площадью до 12 дес., наполняющееся весенними водами из Нахчыван-чая (142, с. 72; 171, с. 39). Это озеро названо в его честь “Шангиреевское озеро” и признано в народе как “Начальник гёлу”.

На территории Нахчывани, для орошения безводных земель Шан Гирей (Шахин Гирей) провел три канала. Самый верхний из них проводит в Арпа-чай воду из верховьев Базар-чая, а остальные два приводят воду Арпа-чая на засушливые (такыр) земли современного Шарурского района Нахчыванской АР. Один из них именуется Шан Гирей архи.

Он начинается в 2 в. ниже с. Даваоланью, имеет в длину 35 в. и проходит через 10 тоннелей, общей длиною до 600 сажен. Таким образом, вода, выведенная из Базар-чая до указанных засушливых такырных земель, проходит около 120 в, спускаясь, при этом, с высоты 8000 на 3000 ф. На устройство всех сооружений затрачено до 120.000 руб.; обработка уже орошаемых земель началась в 1884 году (142, с. 70-71; 171, с. 54-55).

Шан Гирей в 1865 году соорудил на “Ганлы гёле” плотины. Указанное водохранилище расположено на высоте 2424 м.над уровнем моря, у юго-западного подножия известной своей красотой горы Кечалдаг. На месте водохранилища существовало небольшое естественное озеро, питающееся родниками, дождевой и снеговой водой. В конце XVI века, по предложению одного из видных людей своего времени - Хайдар хана, вода из этого озера использовалась для орошения земель. Он построил на озере каменную плотину, собрав дождевую воду и снег в водохранилище. Но ввиду того, что плотина была непрочная, она часто разрушалась, затопля многие села Нахчывани (78, с. 7).

Позднее были предприняты попытки восстановить дамбу у этого озера. Восстановление этого водохранилища хотя и было признано, безусловно, полезным, но исполнение работ было отложено, вследствие того, что жители отказались внести полагающуюся по смете сумму денег, ссылаясь на свою бедность. Впоследствии, в 1859 и 1860 годах, с разрешения Ираванского губернатора, местным помещиком Келбали ханом Нахчыванским, посредством наряда жителей, с денежным пособием со стороны казны и местных мюлкадаров, водохранилище отремонтировалось, но каменная плотина, устраиваемая для удержания в нём воды, разрушалась каждый раз вскоре после произведённых работ (171, с. 12). После этого, как констатирует надпись, здесь, по инициативе

Келбали хана, в 1865 году сооружена каменная плотина. За годы Советской власти на плотине были произведены укрепительные работы. В настоящее время площадь озера 10,2 га, длина 460, максимальная ширина - 222, береговая окружность - 1430 м., объем 1,2 млн.м³. Водами озера пользуются для орошения посевных земель ряд сел Шахбузского района и как водоёмом.

Будучи инженером-строителем по профессии, Шан Гирей спроектировал и другие работы по развитию оросительной системы Нахчыванского края, и в частности, по проведению воды из Арпа-чая посредством канала до села Шахтахты. Он первым предложил использовать залежи серы, имеющиеся на земельном участке, принадлежащем Новруз аги сыну Лутфали Султана, около села Гомур Шахбузского района. Но его проекты не были осуществлены.

В той же надписи упоминается имя Келбали хана. Он был попечителем строительных работ в плотине. Его имя встречается и в надписи №14, вместе с именем отца Эхсан хана Кенгерлу. Из этого текста выясняется, что Эхсан хан и его сын Келбали хан служили в русской армии и имели высокие воинские чины - генерал-майора и гвардии полковника.

Эхсан хан, будучи одним из вождей племени Кенгерлу, был Нахчыванским ханом. Он во время Русско-Иранской войны 1826-1828 гг. был одним из военачальников Аббасбадского гарнизона, перешел на сторону русских и сдал им крепость (80, с. 201-202; 128, с. 10). После присоединения Азербайджана к России управление Нахчываном было поручено Эхсан хану и он был назначен наибом. В его обязанности входило: управление населением вверенного ему округа, оказание помощи и содействие сбору податей, охрана казенных имений и осуществление мер по улучшению благосостояния края (65, с. 63). Через несколько лет он отказался

от должности наиба и стал командующим конницей, сформированной из кенгерлинцев.

После смерти Эхсан хана, его имениями владели сыновья. Келбали хан среди своих братьев был более авторитетной личностью и играл важную роль в общественно-политической и культурной жизни Нахчывани. Указанная надпись является вторым эпиграфическим данным, где говорится о его влиянии и роли в благоустройстве края.

Келбали хан был просвещённым человеком своей эпохи. Образование своих детей он поручил педагогу Стасюлевичу. Будучи довольным успехами своих детей Келбали хан предложил Стасюлевичу переехать в Ираван или в Нахчыван и открыть учебное заведение для воспитания детей мусульман, обещая при этом ему свое содействие. Стасюлевич согласился с этим предложением и в 1877 году переехал в Ираван, где вскоре открыл пансионат (79, с. 52-53).

Надписи дают ценный материал о племенах и родах, живущих на территории Нахчывани. Особый интерес представляет племя Кенгерлу и потомство Насир ад-Дина Туси.

В трех надписях отмечается название племени Кенгерлу (№ 13, 14, 90). Слово Кенгерлу, указанное после имени Эхсан хана, Келбали хана и Джафаркули бека, показывает их принадлежность к этому племени.

И.Шопен показывает, что когда-то, во время голода, одно из тюркских племён питалось артишоком - по турецки хангар. От этого слова происходит название этого племени (193, с. 537). М.Велиев (Бахарлу) подтверждает это мнение (54, с. 34). Представители этого племени активно участвовали в политической жизни Азербайджана и занимали высокие государственные посты в период правления Сефевидов. Еще в XVI в. Нахчыванский край был наследственным уделом племени кенгерлу, ветви кызылбашского племени устаджлу. При шахе Аббасе I главою племени и хакимом Нахчевана

был Максуд Султан Кенгерлю-устаджлу. Часть племени кенгерлю еще при шахе Исмаиле I была переселена в Хорасан, в округ Несы, для охраны края от набегов туркмен. Как видно из списка эмиров 1628 г., у Искендера Мунши, Максуд Султан был главою всех кенгерлю, не только Нахчыванских, но и Хорасанских, поэтому и числился одновременно и хакимом Несы Хорасанской и хакимом Нахчевана (146, с. 132; 120, с. 40). Во времена шаха Исмаила в государстве племя устаджлу было после шамлу самым могущественным (201, с. 216).

Высокие воинские качества кенгерлинцев служили причиной создания из их числа специальных отрядов, выполнявших наиболее ответственные, важные операции, и как правило, эти отряды всегда героически сражались. Сведения о действиях конницы, составленной из кенгерлинцев, встречаются и в анналах русско-иранских войн, где она фигурирует под названием Нахчыванской конницы (128, с. 10). В первой четверти XIX в. во время русско-иранских (1826-1828 гг) и русско-турецких войн (1828-1829 гг) русское командование, чтобы облегчить положение русской армии, сформировало в Закавказье пехотное ополчение и конные полки из местного населения (83, с. 15; 175, с. 87). Из организованных нескольких полков, четвертый полк составлен из Ираванских мусульман и конница Кенгерли из особого воинственного племени, обитавшего в Нахчыванской области. Все эти полки сохраняли национальный костюм и отличались друг от друга суконными звёздами, нашитыми на высоких остроконечных папахах. У конницы кенгерли она была зелёная. Такого же цвета были и полковые знамёна, богато украшенные гербами Российской империи (180, с. 270).

Эта конница прославилась в боях своим мужеством, воинским умением. В путеводительной книге Кавказского военного музея отмечено, что кенгерлинская конница муже-

ством и героизмом прославилась на всем Востоке. Они во время атаки, чтобы создать у врага страх, на шею своих коней завязывали красные капоры (175, с. 90).

После Тюркманчайского договора кенгерлинцы были освобождены от всех податей, кроме взноса хлебной подати, но они должны были постоянно содержать на службе 200 всадников (93, с. 155; 139, с. 326).

Во время феодальной раздробленности (XVIII в.) в Азербайджане часть кенгерлинцев переселилась в Карабаг. В настоящее время название ряда сёл, расположенных в Азербайджане, связаны с именем этого племени. Ряд видных полководцев прошлого были выходцами из племени кенгерли. Среди них: генерал-майор Эхсан хан, генерал-майор Келбали хан, генерал-лейтенант Хусайн хан Нахчыванский и др.

В двух надписях отмечены имена потомков Насир ад-Дина Туси (№ 21,64). Как известно, у Насир ад-Дина Туси было три сына: Садр ад-Дин Али, Асил ад-Дин Хасан, Фахр ад-Дин Ахмад и одна дочь (49, с. 74). Внуки, правнуки и люди из его рода живут в Хамадане, Нахчывани, Ордубаде, Мараге и других городах Азербайджана (126, с. 10).

Несколько эпитафий посвящены сейидам (№ 47,55,71,72). Сеййиды в мусульманских странах, в том числе и в Азербайджане, у шиитов почитались. Представители власти считались с ними и они имели огромные привилегии у народа и правителей. Они считали себя потомками пророка, носили чалму (головной убор) зелёного цвета, который предпочитал пророк Мухаммад (195, с. 315). По мусульманскому законодательству они получали “хумс” (повинность) и участвовали в разделении – “закат”, взимаемого из годового дохода. Они могли заниматься любым видом деятельности (не рекомендовалось заниматься лишь торговлей), но по традиции они становились богословами, улемами, муджтахидами и муллами (76, с. 26). По А.Д.Папазяну, этот титул

давался валиям и визирам (144, с. 501).

Сеййиды в надписях №№ 47,55,72 представлены как ал-Хусейни. По И.Д.Петрушевскому, “фамилия сеййидов Хусейни, то есть предполагаемых потомков третьего шиитского имама Хусайна (сына Али, внука Мухаммеда по матери), являлись крупными феодалами, владевшими селениями в окрестностях Тебриза и вакфами в самом городе, пользовались здесь огромным влиянием” (148, с. 219). Можно предполагать, что указанные сеййиды в наших надписях происходили из потомков Тебризских сеййидов и имели определенное влияние в Ордубаде.

В эпитафии №№ 71,72 сеййиды отмечены как “покровители сеййидов и благородных”. Эти слова еще раз подтверждают, что они были неординарными лицами в своем государстве.

Надписи дают интересный материал по топонимике Азербайджана. В надписи мечети села Даста (№ 1) название села фигурирует как Дастак. До сих пор в исторической литературе село принято называть “Даста” и происхождение его объяснено от персидского слова “место, сторона” (57, с. 93). В этой надписи отмечено название одного поля как “Туб-Басар”. В настоящее время эта территория называется “Топасар”.

Надпись, обнаруженная на кладбище села Нижняя Аза (ныне Азадкенд) (№ 30), отражает в себе название средневекового Азербайджанского города - Азад. В надписи отца покойного Зарифа Дарвиш бек представлено с нисбой “ал-Азади”, что констатирует о том, что Дарвиш бек был родом из города Азад.

Из первоисточников известно, что в средневековый период около Нахчывана был небольшой город под названием Азад и входил в состав Нахчыванского тумана. Этот город славился большими урожаями зерновых, хлопка и винограда.

Здесь вина пользовались большой известностью. Воду получали с гор Кабана, а остальная стекала в реку Аракс. Люди здесь белолицы, грубого нрава. Налоги составляли 18300 динаров (86, с. 51; 120, с. 46). Город играл важную роль в международной торговле; город и его окрестности были крупнейшими в мире поставщиками марены. О большом торговом значении города свидетельствует и то, что в этом небольшом городе имелись четыре каравансарая. После монгольского нашествия этот город превратился в небольшой населённый пункт сельского типа и, по-видимому, в таком состоянии просуществовал весь XIV век, а возможно, и в XV в. В XVI веке, особенно в XVII в., создались благоприятные условия для превращения его в город (62, с. 123-124).

До сих пор не выявлено местоположение этого города. М.Х. Гейдаров, опираясь на нарративные письменные источники, показывает, что месторасположение города Азада на левобережье Аракса, в долине небольшой речки, между Джулфой и Ордубадом (62, с. 123-124). В настоящее время между Джулфой и Ордубадом находятся развалины средневекового города Хараба-Гилана. Около этого памятника, на левом берегу реки Гилан-чай находятся сёла Верхняя и Нижняя Аза (ныне Аза и Азадкенд), где обнаружен надгробный памятник с нисбом “ал-Азади”. Можно предположить, что город Азад был расположен где-то около села Нижняя Аза (Азадкенд) или же в самом селе и в период средневековья вместе с Кираном (Хараба-Гилан) служил основой для названия одной из областей - Азад-Джираном (81, с. 6). Вероятно, после разрушения города Азада возникло два села - Верхняя и Нижняя Аза (Аза и Азадкенд), которые существуют и в настоящее время.

Изучение надписей показывает, что в исследованном периоде в Нахчывани велись мирские строительные работы, возводились мосты, культовые, общественные, торгово-ре-

месленные и другие комплексы.

Две из исследованных надписей (№ 1, 9) сообщают о постройке мостов на реках Вананд-чай и Гилан-чай, сыгравших важную роль в жизни Ордубада. Мосты, расположенные на важном торговом пути, проходящие через Ордубад, в своё время имели существенное торгово-транспортное значение. В средневековый период они обычно строились из тёсанного камня, в узких местах реки (23, с. 88) и играли важную роль в развитии и в расширении как внешней, так и внутренней торговли. Поэтому, как только утихали феодальные войны, правители проявляли особую заботу о благоустройстве таких сооружений. Потому что мосты заменяли карту, компас и топографические знаки, помогая неграмотному купцу ездить в незнакомые страны (21, с. 352-353).

Как известно, Нахчыван, Ордубад и Аклис, которые расположены на исследованной территории, в средневековье имели важное торговое значение (201, с. 237). Территория лежала на кратчайшем пути из Тебриза к Чёрному морю (128, с. 10). Дорога из Тебриза в Европу проходила через Нахчыван и Чёрное море (109, с. 110). Ордубад во второй половине XVII века имел широкие торговые и иные связи с зарубежными странами (156, с. 169). Товары, экспортируемые из Ордубада, отправлялись далеко за пределы Закавказья. Из Ордубада в Москву вывозился сырцовый и окрашенный шолк (23, с. 96). Ордубад получал товары из Тебриза и других городов (139, с. 359). Многие источники сообщают о широких торговых связях Ордубада с другими странами. Развитию этой торговли и служили возводимые мосты, в том числе и на реках Вананд-чай и Гилан-чай.

Данные обследованных надписей проливают некоторый свет и на общественное положение женщин в средневековье. Несколько из использованных нами в монографии мемориальных памятников посвящены женщинам (№№ 26, 25, 27,

29, 30, 40, 49, 54, 57, 64, 67, 69, 76, 79, 83, 84, 86, 87). На Востоке обычно имя женщин не указывалось в эпитафиях. По мнению исследователей написание на эпитафиях имени женщины связано с её общественным положением или же общественным положением ее предков в различные эпохи (123, с. 64). А.Р.Шихсаидов, опираясь на эпиграфические памятники Дагестана, подтверждает, что упоминание имени женщины в надписях связано с их аристократическим происхождением (192, с. 328).

Среди привлеченных нами эпитафий, в трёх не упоминается имя покойных женщин. Двое из них представлены именами своих мужей (№ 54, 87). Это редкое явление в мусульманской эпиграфике. Исследуя среднеазиатские намогильные кайраки М.Е.Массон отмечает, что очень редко указывается, что покойница была женою такого-то лица, причем в таком случае её имя не приводится (113, с.13). А в одной эпитафии резчик ограничился словами “мать Хаджи Ибрахима”(№ 49).

В шести эпитафиях (№ 40, 57, 76, 79, 83, 86) указывается только имя женщин без упоминания отца, матери или мужа. Лишь в девяти эпитафиях женщины представлены по отчеству (№ 25, 26, 27, 29, 30, 64, 67, 69, 84). Исследование этих памятников показывает, что эти женщины или сами были известными или были дочерьми должностных лиц, видных ученых, государственных деятелей, представителями высшей феодальной знати. Об этом свидетельствуют также данные самих эпитафий и более тонкая, красиво выполненная работа по художественному оформлению памятников. Например, ханум Ата Мульк была дочерью великого садра, Пари ханум дочь усты, Хавва Бадр Бика дочь казия, Баджиханум дочь шейха и др.

На основе общего анализа кайраков на могилах женщин из разных мест Средней Азии, А.М.Мухтаров сделал вывод,

что кайраки устанавливались на могилах жен, или матерей зажиточных людей, или крупных должностных лиц (122, с. 74-75; 123, с. 64).

Ещё в 1956 году М.Е.Массон указывал, что встречающиеся в среднеазиатских кайраках надписи в форме мать такого-то эмира, или дочь такого-то садра, или дочь такой-то матери без упоминания отца, очевидно, связано с тем, что последняя при жизни сама пользовалась достаточной известностью (113, с. 13).

В период феодализма мусульманские идеологи всячески пытались оградить женщину от влияния прогрессивных идей, препятствовали вовлечению её в общественную жизнь, в том числе в общественное производство, ограничивали сферу её интересов личной жизнью, семейным очагом, воспитанием детей (47, с. 231). Такое положение женщин на Востоке в средневековье, когда господствовал ислам, еще раз подтверждает, что женщины, имена которых отмечали на памятниках, или сами, или же их отцы были знатными и влиятельными людьми своего времени.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что после образования в начале XVI века Азербайджанского государства Сефевидов и повышения роли местной феодальной знати в государственном аппарате, на территории Нахчывани быстро развивалось хозяйство, экономика, торговля, культура и т.д. Одновременно, во время продолжительной войны Сефевидов с Османской Турцией, территория края неоднократно становилась ареной ожесточенных битв и переходила из рук в руки, и как уже отмечалось, подвергалась сильному разрушению.

б) Анализ терминов, имеющих в надписях

В исследованных надписях очень часто встречаются различные термины, которые помогают изучению ряда вопросов социально-политической истории края. В строительных

надписях и эпитафиях, наряду с упоминанием имени, указывались и титулы, эпитеты, должности. Кроме этого, в надписях встречаются средневековые названия местностей, а также термины, характерные для эпохи средневековья и имеющие существенное значение для объективного понимания структуры, государственного строя управления, налоговой политики и других вопросов феодального общества Азербайджана. Благодаря этим терминам выявлены имена и места погребения ряда государственных деятелей и выдающихся личностей, живших на территории средневекового Нахчывана.

Строительные надписи документируют периоды, когда, в связи с экономическим развитием и политической стабильностью страны, велись значительные строительные работы. В надписях этого рода указывались имена, титулы, эпитеты правителей азербайджанских феодальных государств. По их титулам можно определить насколько они отражают политический статус своих государств (134, с. 27).

Исследованием средневековых терминов в определённые времена занимались ряд историков: В.В.Бартольд (37), А.А.Ализаде (27), З.М.Буниятов (48), И.П.Петрушевский (146, 147), О.А.Эфендиев (198, 201), С.Б.Ашурбейли (35), М.Х.Гейдаров (60, 62), А.М.Мухтаров (121, 124), А.Р.Шихсаидов (192), А.Д.Папазян (143, 144), С.М.Онуллахи (140), А.А.Рахмани (156), М.А.Сейфеддини (172), Т.М.Мусеви (119, 120), Г.А.Далили (69), Ш.Ф.Фарзалиев (182), Р.А.Мамедов (109), Ш.К.Мамедова (111) и др.

Анализу терминов, встречающихся в эпитафических памятниках, и их значению как исторического источника, в изучении социально-экономических и политических вопросов - административного деления, государственного строя, бюрократического аппарата, иерархии классов феодалов, налоговой политики, культурно-идеологической жизни и т.п.

Азербайджана посвящена докторская диссертация, книги и ряд статей М.С.Нейматовой (134, 136), по материалам Ширвана XI-XVI вв. - кандидатская диссертация А.С.Аббасова (13). В указанных работах эпиграфические памятники Нахчыванской АР практически не использованы.

Термины, встречающиеся в надписях, можно сгруппировать следующим образом: 1) религиозные, 2) административные, 3) гражданские, 4) профессиональные.

1) Религиозные

1. Кази. Зафиксировано в Джулфинском районе (№ 26). Означает - судья, казий. Должность кази важнейшая из религиозных должностей. Им поручались самые сложные религиозные и судебно-гражданские дела (118, с. 70). В эпоху средневековья в округах светскими судьями являлись раисы, но поддерживали согласие с духовными судьями - казиями в соответствии с шариатом (48, с. 186). При атабеках должность казиев в семьях представителей знати была, по существу, наследственной (48, с. 187).

Вероятно, кази Маджд ад-Дин, указанный в надписи № 26, был видной личностью и государственным деятелем своего времени. Поэтому на пост казия назначались люди, хорошо знающие Коран, обычаи и традиции общества, а также учёные, факихи, делающие правильный вывод из разных известий. По традиции, кази - это умный, спокойный, выдержанный, стойкий, терпеливый и бдительный, отличающийся своей справедливостью, беспорочностью, речью, мудростью, решительностью, гордостью, аккуратностью и другими хорошими качествами. Они должны были быть совершеннолетними, здоровыми, духовно, зрительно и обладать хорошим слухом. Малолетние, сумашедшие, женщины, гермофродиты, гяуры, слепые, глухонемые, несправедливые и виновные, простонародье, неумеющие писать не назначались казиями (151, с. 62).

В средние века круг деятельности казиев был очень широк. Они иногда представляли государства в других странах (9, ч. 2, с. 1305). В источниках XV-XVI вв. имеются данные о том, что кази занимались делопроизводством - газа (10, с. 257).

Постепенно круг обязанностей кази расширился. В указе шаха Сефи II (шах Сулейман I - 1666-1694 гг.), изданном в джумада ас-сани 1083 г.х. (сентябрь 1672 г.) “О казийстве Тебриза”, прекрасно характеризуются задачи казиев. Там показано, что судьи должны были выполнять следующие работы: выносить приговоры и писать документы, заниматься богослужением, бракосочетанием, решать споры среди мусульманских мужчин и женщин путем примирения, привлекать людей к выполнению обязанностей богослужения, разделять завещанное имущество, взимать хумс, закят, разделять между людьми, имеющими на это право, восстанавливать здания мечетей и медресе, изымать вино и другие спиртные напитки, мешать недостойным в их недозволенных делах и наказывать их. Регистрировать имущество сирот, безвести пропавших, глухих, сумасшедших, лишенных свободы людей при участии справедливых и правозащитных (120, с. 55, 101-103). Как видно, большие права религиозные и гражданские судьи были узаконены со стороны государства.

По мнению А.М.Мухтарова, кази, помимо своих судебных обязанностей, одновременно выполняли и другие функции, вмешиваясь в хозяйственную жизнь отдельных областей (124, с. 74).

Судьи злоупотребляли своим положением и использовали свои привилегии в защиту господствующего класса. Об этом имеются достаточные данные в синхронных источниках.

2. Захид. Зафиксирован в городе Нахчывани (№ 65). Так называли людей, отказавшихся от мирских благ и посвятивших себя служению бога. Членов суфийского тариката

также называли захидом - отшельником.

3. Имам. Зафиксирован в предыдущей надписи (№ 65). На раннем этапе средневековья должность имама занимали крупные ученые - философы, содержатели ханаки - шейхи. Впоследствии имамом называли предстоящего при совершении намаза.

4. Мулла. Зафиксирован в надписях № 5, 54, 89. Мусульманские религиозные деятели, а также преподаватели начальных школ (муллаханы) назывались муллами. Муллами становились лица, получившие средние или неполные высшие теологические образования в медресе. Мулла должен был уметь читать по-арабски, знать Коран, основные предания о пророке и шиитских имамах, отрывки из средневековой шиитской литературы, поэтические произведения на арабском и персидском языках, и уметь постоянно пользоваться ими в своих проповедях (76, с. 27).

5. Муджтахид. Зафиксирован в надписи № 19, 77. Наиболее авторитетный законовед (факих), имеющий право выносить самостоятельное суждение (иджтихад) по религиозным и правовым вопросам (82, с. 81). Муджтахиды составляли высший привилегированный слой шиитских улемов. Но далеко не все улемы могли стать муджтахидами, так как, помимо глубоких знаний Корана, хадисов, муджтахиды должны были обладать особыми личными качествами, которые придавали бы им ореол святости (76, с. 18). Они имели решающий голос при интерпретации мусульманских законов и установлений (76, с. 19).

6. Маулана. Встречаются в надписях № 4, 5, 35, 38. Этот титул носили ученые - богословы, поэты и другие видные неординарные личности. Иногда он употреблялся при обращении к представителям светских властей (султанам, эмирам) и к крупнейшим религиозным авторитетам, особенно к суфийским шейхам. В Коране Аллах называется Маулана

(82, с. 78). Этот термин сохранился на ряде эпитафических памятников Азербайджана, его носили главы государства. На надписи Гянджинских ворот правитель Шавир б. Фазл отмечен как маулана (20, с. 369).

7. Шейх. Зафиксирован в надписях. № 65, 84. Этот титул носили представители религиозной знати, главы обществ (5, ч. 4, с. 18; 7, с. 364). Шейхи в источниках отмечены как главы Ханаки. В средние века иногда к этим эпитетам прибавлялись ряд определяющих терминов: ал им, салих, фазил, камил и др.

А.М.Мухтаров, опираясь на исследования С.Айни, отмечает, что шейхи имели и своих мюридов, которые могли дать “хатти-иршод” – документ, дававший мюридам право, в свою очередь, брать себе мюридов и руководить ими (124, с. 84).

М.Х.Гейдаров, опираясь на нарративные источники, показывает, что в средневековом Азербайджане встречается “шейх-и-топчу”. Азербайджанским вариантом “шеих-и топчу” является термин “топчи баши”, то есть “глава пушкарей” (60, с. 137).

Эпитет “шейх”, указанный в надписи № 65, представлен как “шейх ал-а“зам” - великий шейх. Это связано с большим занимаемым постом.

8. Кербалайи. Зафиксирован в надписях № 20, 59, 78, 92. Кербалайи называли людей, посетившие могилу третьего шиитского имама Хусайна, убитого 10 октября 680 года в городе Кербела, расположенного в 100 км юго-западнее Багдада (82, с. 72).

9. Мешади. Зафиксирован в надписях. № 1, 68, 84. Так называли людей, совершивших паломничество в город Мешхед, расположенный в центре Хорасана, на могилу восьмого шиитского имама Ризы, убитого по повелению халифа Мамуна в сентябре 816 года.

10. Хаджи. Зафиксирован в надписях № 1, 10, 17, 18, 49, 53, 68, 82. Этот титул присваивался людям, совершившим паломничество в Мекку и на могилу пророка, в Медину. По законам ислама, каждый мусульманин был обязан хотя бы один раз в жизни совершить паломничество в Мекку. Эта идея была узаконена в Коране (XI-192). Хаджи носили зеленую чалму (82, с. 112). Эпитет произносился перед именем.

Совершение хаджа в Мекку требовало больших расходов, так как город был расположен далеко от Нахчывани. По свидетельствам И. Шопена, эти расхода составляли 600 серебрянных монет (193, с. 704).

2) Административные

1. Амид ал-Мульк. Опора царства, зафиксирован в городе Ордубаде (№ 25). Говоря об этом титуле, А.М.Мухтаров пишет, что “амид” титул высокопоставленных лиц и давался через “мульк” – “царства”, например: “шараф ал-Мульк” – “честь царства”, “амид ал-Мульк” – “опора царства” и др. (124, с. 83).

Опираясь на нарративные источники, академик З.М.Бунятов указывает, что в XII-XIII вв. “амид ал-Мульк был титулом визира в средневековом государственном аппарате. В государствах Атабеков Азербайджана и Хорезмшахов Ануштегинидов визирь был вторым лицом в администрации, который считался главой всего бюрократического аппарата и был первым советником главы государства (48, с. 177; 50 а, с. 93). Он нес ответственность только перед правителем. Визирь мог представлять владыку на официальных церемониях, в межгосударственных отношениях, в переговорах с вассалами. Он был посредником между подданными и главой государства, следил за всеобщим порядком. Визиру подчинялись все сановники государства, включая заместников, а

также военачальники. Визирь являлся главой чиновников дивана, назначал и смещал их, устанавливал пенсии, содержания (маваджиб) и контролировал налоговое управление и казну. Он постоянно находился при повелителе, сопровождая его в поездках и походах, мог сам посылать войска и возглавлять их (48, с. 177-178; 50 а, с. 93).

Но влияние визиров не во все времена было таким высоким. Следует отметить, что должность визира была известна еще при Сасанидах. В первый период Халифата визирь управлял канцелярией халифа, а в последующие периоды возглавлял государственный совет. После распада Халифата должность визира была постоянной при правителях в мусульманских феодальных государствах.

О.А.Эфендиев показывает, что при шахе Исмаиле I визирь не пользовался влиянием, так как векил и эмир алумара занимали господствующее положение в делах государственного управления. До правления шаха Аббаса I функции визиря ограничивались финансовыми операциями. Визирь контролировал дохода и расходы государственной казны и дворцовых ведомств (200, с. 48).

В средневековье визиры имели также титулы - садр, да-стур, ходжа-йи бузург (48, с.178; 50 а, с. 93). В данной надписи титул “амид ал-Мульк” представлен вместе с титулом великий садр (ас-садр ал-кабир), о котором имеется много сведений в средневековых источниках (8, 11).

Эпитафия Ата Мулька, где зафиксирован титул “амид ал-Мульк”, датирована 1408 г. Исходя из этого можно предположить, что период жизни и деятельности амид ал-Мулька, великого садра Рукн ад-Дина относится к XV веку. Возможно он занимал должность визиря при государстве Каракоюнлу.

2. Мелик. Зафиксирован в надписи № 95. Владелец, господин, правитель, старшина. В Коране “Мелик” употребляется в значении царя, а также как один, из эпитетов Аллаха

(173, с. 974). В государстве Хорезмшахов Ануштегинидов этот титул присваивался командующим отрядами (50 а, с. 90).

При Сефевидах и в период полунезависимых ханств термин “мелик” чаще всего встречается в двойном значении: 1) мелкого владетельного феодала, потомка старинных местных владетелей, подчинившихся шахской власти; 2) в ряде случаев “мелик” - старшина селения или группы селений. Термин “мелик” в последнем значении обычно упоминается рядом с термином “кендхуда” (146, с. 112). При персидском, владычестве, в некоторых местах Закавказья (в Нахчыванской провинции) меликами называли сельских старшин (194, с. 26). Представители дореволюционной историографии, - пишет И.П.Петрушевский, - видели в меликах исключительно представителей армянской знати. Эта точка зрения ошибочна. Владетельные мелики - мусульмане, в прикаспийских странах были известны и в период XIII-XV вв. и при Сефевидах, и в период полунезависимых ханств (146, с. 111).

3. Мирза. Зафиксирован в надписях № 15, 64, 77. Титул образовался из словосочетания “мир” или “амир”, то есть “господин” и слова “заде” – “сын”. Если титул “мирза” шел после имени, то он показывал принадлежность личности к поколению шахов. Когда титул писался перед именем, то он определял степень образованности личности. С. Эсадзе определял наличие в Закавказье второй формы (196, с. 612).

Титул прибавлялся к именам должностных лиц при дворах (69, с. 30). В Азербайджане, в период ханств, мирзы, наряду с руководством личным хозяйством ханов, вели учёт в специальных книгах приходов и расходов. Они также писали фирманы ханов, адресованные бекам округов (магалов) или же отдельным лицам. В том числе в обязанность мирзы входила читка и составление ответов на письма и фирманы, пришедшие из зарубежных стран или из соседних ханств (71, с. 32).

Указанный в надписи № 64 Мирза Инайат принадлежал к роду Насир ад-Дина Туси. Исходя из того, что люди из рода Насир ад-Дина Туси, как правило, занимали ответственные посты в государстве, можно заключить, что Мирза Инайат занимал высокую должность при дворе местных правителей (XVIII в.).

4. Хан. Зафиксирован в надписях №№ 13, 14, 51, 56. Титул писался обычно после имени. Будучи тюркским и монгольским титулом в орхонских надписях он встречается в форме “канн”. В начальный период этот титул давался главам племени, а в последующем - высшим правителям (174, с. 509). В период Сефевидов титул был не наследственным, но пожизненным. И после отца не передавался шахом сыну. В начальный период правления Сефевидов, между титулом “хан” и “султан” не было разницы. В начале правления шах Тахмасиба I титул “хан” ставился выше “султана” (109, с. 113-114). После присоединения Азербайджана к России, царским правительством все Закавказские ханы были признаны привилегированным сословием.

В XIX веке титул хана очень многим присваивался без всякого основания, просто в силу обычая (128, с. 20).

3) Гражданские

1. Ага. Зафиксирован в надписях №№ 11, 17, 18. В Иране и Азербайджане так обращались к уважаемым лицам. В этом смысле титул «ага» использовался в начале собственного имени. Иногда же титул использовался после имени. В этом случае титул показывал принадлежность личности к ханскому роду (94, с. 426).

2. Бек. Зафиксирован в надписях №№ 28, 29, 30, 42, 43, 52, 70, 81, 90. Титул писался после имени и лица, носившие его разделялись на две группы: 1) наследственный. В этом случае титул передавался от отца к сыну по наследству; 2) личный. Не передававшийся по наследству (196, с. 612). В

конце собственного имени привилегированных лиц этот титул в Азербайджане существовал до победы Апрельской революции.

3. Хваджа. Зафиксирован в надписях №№ 9, 32, 44. На Ближнем и Среднем Востоке присуждался ученым и поэтам. Этот титул носили и главы персидского купечества (5, т. 6, с. 13; 143, с. 246). Известному учёному Насир ад-Дина Туси обращались титулом “Хваджа”. Иногда титул присуждался шейхам и судьям (205, с. 198). В средневековых Азербайджане, Иране и в других странах Востока “ходжами” обычно называли крупных купцов-оптовиков (62, с. 260).

4) Профессиональные

1. Мимар. Встречается в надписях № 4, 17. “Мимар” означал профессиональное звание строителя, проектирующего архитектурные сооружения и достигшего наивысшей степени мастерства в своей профессии. Этот термин в надписях XII-XV вв. встречается чаще. Эти звания присваивались зодчим, архитекторам, занимавшим главное место среди мастеров и по своему положению находившимся в лучших условиях в социальном отношении, чем остальная масса этой категории ремесленников. Зодчий с таким званием являлся ответственным лицом среди строителей-ремесленников, участвующих в постройке здания (35, с. 208).

2. Наккаш. Зафиксирован в надписях № 7, 20. Резчик, гравёр, орнаменталист. Так назывались мастера - живописцы и орнаменталисты, которые выполняли акварелью и масляной краской росписи на стенах, потолках и др. (35, с. 208).

3. Устад. Зафиксирован в надписях № 16, 27, 39. Устад - как профессиональное звание строителя - часто встречается в надписях XI-XIX вв. в Азербайджане (46, с. 25). Он означал “мастер высокой квалификации” и присваивалось ремесленникам различных профессий (35, с. 208).

Часто встречающееся в научной и религиозной литературе

это профессиональное звание присваивалось людям, обучающим своих подручных искусству и ремеслу, а иногда даже давался авторитетным советчикам, правителей (37, с. 224). В средние века людей, возглавлявших ремесленные цеха, называли уstad (26, с. 72). Термин “уста-баши” являлся характерным для Закавказских амкарств XVIII-XIX вв. Несомненно, этот термин был в употреблении и в ремесленных организациях Азербайджана XVII в. (60, с. 137).

В период феодализма этим титулом обращались к людям, принадлежавшим различным иерархиям. Например, Евнух Кафур в Египте из скромности приказывал именовать себя уstad (116, с. 26). По мнению известного швейцарского востоковеда А.Меца, на Востоке уstad был титулом визиров (116, с. 26). В источниках XVII в., а также предыдущего XVI в. и последующего XVIII в., мы почти не находим непосредственных указаний на обязанности и права мастера. Однако, почти все нормы производственно-бытовых порядков и религиозно-моральных требований в первую очередь касались мастеров, которые представляли основную производственную единицу (58, с. 38; 60, с. 125).

Во второй половине XVIII в. обязанности уста-баши были широкими. Кроме хозяйственных вопросов он занимался судебным и административным делом, утверждая договора между амкарствами, принимал участие в заключении контактов об обучении, регулировал сроки обучения ученика, следил за поведением ремесленника в быту и надзирал над мастерами и подмастерьями (22, с. 134,141).

в) Вопросы общественно-политических организаций

На основе данных эпиграфических памятников можно проследить деятельность социально-экономических центров, обществ, существовавших на территории Нахчыванской АР.

В Ханаке на Алинджа-чае, найден сундукообразный

надмогильный памятник (№ 26), который принадлежит дочери кази Маджд ад-Дина – Хавва Бадр Бике. Её имя встречается и в другой надписи ханакаха, которая вмонтирована над михрабом. Из надписи следует, что она была женой Хаджи Лала Мелика, одного из наставников ханаки. Двухстрочная надпись следующего содержания (рис. 101):

“Это-усыпальница шейха, учёного, добродетельного, совершенного, славы паломников и обоих святылец [Мекки и Медины] руководителя [наставника] общин среди народов, шейха познающих бога (ариф-биллах) Хаджи Лала Мелика. Завершена заботами возвеличенной, почитаемой Хавва Бадр Бике хатун. Да увеличится её добродетель. Год первый и девятисотый”.

901 г.х.- 21.9.1495 - 8.9.1496 гг.

Надпись впервые прочитана и издана А.А.Алескерзаде. Однако он имя Хавва Бадр Бике не прочел (19, с.163; 20, с. 381).

Слово “Ариф-биллах” употреблённое перед именем Хаджи Лала Мелика, показывает, что он принадлежал к какой-то суфийской организации. Термин *arif* - как полагает известный американский востоковед Ф.Роузенталь - употребляется мистиками для указания на познающего единую сущности (160, с. 124). По мнению А.А.Алескерзаде, “Ариф-биллах” суфийский термин, характеризующий человека, достигшего высшей степени совершенства и познания истины (19, с. 163; 20, с. 381).

Слово “муршид” перед именем Хаджи Лала Мелика подтверждает, что он был наставником суфийской организации, существовавшей в ханаке. Наставники, обладающие огромным авторитетом среди своих мюридов, имели ханаку. Например, Шах Касум Анвар, являвшийся талантливым мюридом шейха Садр ад-Дина Ардебилли и получивший от него разрешение на наставничество, за короткий период времени открыл так

называемую “Новую ханаку” (164, с. 173).

Хаджи Лала Мелик, будучи шейхом и муршидом ханаки Алинджа-чай, жил в ней со своей семьей и мюридами, а после смерти был похоронен там же. Над его могилой, как выясняется из надписи, по инициативе его жены Хавва Бадр Бике построен мавзолей. В последствии она также была погребена в комплексе ханаки. Многие исследователи в своих работах отмечали, что шейхи со своими семьями проживали в ханаках. По мнению академика В.В.Бартольда, “шейхи” могли останавливаться и жить в кельях таких обитателей со своими женами” (37, с. 236). Л.И.Лавров характеризует ханаки как “общежитие суфиев” (103, с. 176). Ханака, - как отмечает Е.А.Дорошенко, - являлись местом собраний суфиев, а иногда местом их жительства. Пройдя стадию мюрида, большинство дервишей продолжало жить в дервишской ханаке, следовать своему наставнику (пиру), всю жизнь слушаться его беспрекословно, записывать рассказы и составлять книги о государственных способностях пиров (76, с. 31-32).

Как известно, ханаки в странах Ближнего и Среднего Востока были местом сборища шейхов, философов и большей частью строились на торговых путях, где легко могли распространять свои идеи и привлекать к себе большое количество мюридов.

Некоторые исследователи также разделяют мнение о том, что в ханаке на Алинджа-чай существовала суфийская организация (18, с. 246; 19, с. 163; 20, с. 381). Говоря о крупных суфийских ханаках на Востоке, академик З.М.Бунятов отмечает, что среди них следует назвать также ханаку в Нахчыване (50, с. 67).

По местному преданию, основоположник хуруфизма в Азербайджане, наставник и учитель великого поэта Имад ад-Дина Насими Фазлаллах Наими похоронен в ханаке. Являвшийся последователем видного суфийского шейха Шибли

Фазлаллах Наими, с целью создания хуруфийской организации, долго странствовал по странам Востока (85, с. 219). По всей вероятности, и в Нахчывани в то время был организован хуруфийский орден.

Ханака названа местными жителями “Шейх Хорасан”. Об этом писали в своих исследованиях А.А.Алескерзаде (19, с. 169; 20, с. 381). С.Д.Керимзаде (90, с. 15). Некоторые исследователи слово “Шейх Хорасан” принимают за “Шейх Хураса”, то есть “солнцеподобный” или же “шейх озаренный святостью” (73). Это был один из эпитетов Ф.Наими. Можно предположить, что место захоронения Ф.Наими было названо эпитетом “Шейх Хураса”, а в последующем, искажаясь, оно приняло форму “Шейх Хорасан”.

Местом рождения Ф. Наими нередко называют города Тебриз, Шираз, Астабад, Мешхед. В случае, если он родился и жил в магале Хорасан, который в XI-XII вв. превратился в центр суфизма (76, с. 31), то после его прибытия в Азербайджан, он мог бы, что вполне логично, именоваться Хорасанским шейхом. Не исключено, что после смерти его могила могла получить название “Шейх Хорасан” и мюриды, не покидая эту местность, могли превратить его в место паломничества. Можно предположить, в порядке рабочей гипотезы, что ханака на Алинджа-чай образовалась после смерти Ф.Наими, Архитекторы также относят некоторые сооружения, входящие в комплекс ханака, к XV веку (163, с. 50). Внутри мавзолея, входящего в комплекс, есть могила, но так как на ней отсутствует надпись, определить кому она принадлежит не представляется возможным.

Продолжительность деятельности суфийской организации в ханаке показывают другие надписи - отмеченные там имена последующих учёных, носивших эпитеты “маулана”. Например, Маулана Абд ал-Хусайн Ханакахи (№ 4). Название расположенного возле ханака одноимённого села также

можно связывать с ним. Ханака на Алинджа-чай суждено было сыграть большую роль в политической и культурной жизни Азербайджана.

Территория Нахчывани была издревле местом жительства суфиев. Это доказывают как сообщения источников, так и материалы эпиграфических памятников. Стела, обнаруженная на кладбище “Малик Ибрахим” (г.Ордубад), датированная 1357 годом - памятник одному из последователей учения суфиев, являвшимся седьмым коленом в поколении основателя суфизма в Передней Азии Шейха Абу Саида Абу-л Хайра ал-Хорасани - Шейху Абу Саиду (134, с. 41). По мнению М.С.Нейматовой, Шейх Абу Саид имел свой ханака и возглавлял дервишский орден в Ордубаде, сыгравший заметную роль в жизни ремесленников (134, с. 42). Он жил и проповедовал на этой территории и после смерти похоронен в Ордубаде.

Роль дервишских общин в жизни средневековых городов была велика, и связь с дервишами облегчала ремесленнику борьбу с крупными предпринимателями и купечеством (101, с. 119). В мусульманских странах мистические движения известны под общим названием “суфизма”. Это особое религиозное мировоззрение, допускающее возможность непосредственного личного и интимного общения (или даже соединения) человека с божеством и любовь к нему посредством так называемого озарения внутреннего опыта, экстаза (36, с. 32). Суфийские организации в определённые периоды играли важную роль в жизни общества. Иногда они поднимались на уровень государственной политики. Например, связь между шиизмом и суфизмом установилась впоследствии и проявилась особенно в XVI веке при возникновении шиитской державы (40, с. 255).

Создание Азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в., организовали суфиев именно азербайджанские

дервиши (39, с. 118). Кызылбаши в процесс создания Сефевидского государства и в последующие периоды на территории враждебных государств создавали суфийские организации. Одним из этих организаций был тарикат (орден) “Бекташийе” который долгое время действовал на территории Турции. В Азербайджане - на территории Ширвана также были созданы дервишские организации, такие как “Бекташийе”, “Баба Самит”. Существование этих организаций подтверждают и эпиграфические данные.

Есть факты, которые подтверждают деятельность “Бекташийе” на территории Нахчывани. Доказательством этому является красиво изготовленные два кешкула (чашка из скорлупы кокосового ореха, носимая дервишами), сохранившиеся в Нахчыванском Государственном Историческом музее. На кешкулах красивым почерком насх и насталик написана молитва “Взывай к Али”. На стене Имамзаде в селе Неграм Бабекского района и соборной мечети в городе Ордубаде (рис. 102) также написана эта молитва.

По мнению Басима Аталая, исследовавшего в течение десяти лет деятельность ордена Бекташийе в Анатолии, существует молитва, присущая всем ответвлениям ордена – “Взывай к Али” (214, с. 25; 134, с. 40).

На территории Нахчывани в настоящее время сохранилась большая группа населения которая носит фамилию Бекташи. По-видимому, они являются остатками когда-то живших здесь бекташиев. Все эти данные доказывают, что в период средневековья на территории Нахчывани существовали люди, которые принадлежали ордену “Бекташийе”.

На нескольких мемориальных памятниках на территории Нахчыванской АР высечены 26-27 стихи 55-ой суры Корана. Выдающийся исследователь суфизма Б.Э.Бертельс отмечал, что согласно суфизму человек исчезает (фанийя), остается только божество. К этому состоянию он прилагает название

фана (небытие), вероятно руководствуясь словами Корана (LV -26,27) – “Все, что на ней бренно, и вечно существует лишь лик господя твоего, обладающего могуществом и почётом”.

Это название с конца IX века становится техническим термином суфизма и приобретает огромное значение, ибо именно “фана” в большей части суфийских школ начинает признаваться конечной целью путника тариката (суфийского пути) (43, с. 32). На основании этого можно сказать, что те погребенные, на эпитафиях которым написан указанный стих из Корана, в жизни были последователями суфиев.

Один, красиво, тонко обработанный мраморный сундукообразный надмогильный памятник, обнаруженный в Алинджа-чайской ханаке, посвящён памяти Амира Шахмансура б. Амир Халифа (165, с. 57-58). Как видно, отец покойника представлялся титулом “халифа”. Многие представители Кызылбашской знати носили суфийско-дервишский титул “халифа” (халиф) в значении заместителя главного шейха ордена. Одной из самых почетных должностей в государстве считалась должность “халифат ал-хулафа” (халиф халифов), носитель которой обычно один из знатнейших кызылбашских эмиров был первым заместителем шаха по управлению делами ордена “Сефевийе”. Согласно “Тазкират ал-мулук”, должность “халифат ал-хулафа” была учреждена при шейхе Сафи ад-Дине и существовала еще в первой четверти XVIII века (146, с. 94). М.Х.Гейдаров, также подтверждая этот факт, отмечает, что тот же самый термин употреблялся как титул многих представителей суфийско-дервишского ордена (58, с. 43). По нашему мнению, лица, указанные в эпитафиях, принадлежали суфийскому ордену, существовавшему в Ханакхе. Они жили и после смерти были похоронены здесь. Термин “халифе” указывает, что отец покойника Амира Шахмансура являлся одним из руководителей суфийской

организации. Главу дервишского ордена “Баба Самит” в Ширване, о котором сообщают эпиграфические данные, также называли халифой (134, с. 40-41).

Надо отметить что здесь слова “Амир” можно принять как титул, и “Халифа”, как личное имя. Но личное имя Халифа не характерно для Нахчыванского региона и не встречается на этой территории, поэтому мы его принимаем как титул.

Термины имам, захид, великий шейх, указанные в надписи № 65, свидетельствуют, что покойник принадлежал к суфийскому ордену.

Наличие ханака в г. Нахчывани подтверждает сообщение средневекового Азербайджанского историка ал-Бакуви (14, с. 99).

На основании вышеизложенного можно сказать, что в Нахчывани существовали различные суфийские ордена, которые действовали продолжительное время, играли важную роль в жизни населения, имея огромное общественно-политическое влияние. Эти ордена иногда возглавляли на местах народные волнения, возникавшие против местных властей. Члены этого общества, руководимые и поддерживаемые центральным сефевидским государством, при походах указанных шахов создавали социально-политическую базу для их нашествия (137, с. 33-34). По-видимому, ханака “Шейх Хорасан” на Алинджа-чай также служила сефевидам и играла важную роль в распространении шиизма в Азербайджане.

Объединяющие в себе различные слои общества, суфийские организации для народных восстаний неоднократно служили формой выражения социального протеста против господствовавшей государственной системы и официальной религии (181, с. 79). Ф.Энгельс показывает, что революционная оппозиция феодализму проходит через всё средневековье.

Она выступает соответственно условиям времени то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооружённого восстания (1, с. 361). Это в полной мере относится и к суфизму как религиозно-мистическому направлению в исламской религии.

г) Классификация памятников, оформление надписей. Вопросы идеологии и литературы

Исследуемые нами памятники можно разделить, в основном, на две группы: 1) строительные, 2) эпитафии.

Строительные надписи высечены, в основном, в прямоугольной форме. Внешний вид этих надписей очень прост. Они высечены разными шрифтами арабской графики в несколько строк и имеют несложное простое обрамление. Встречаются надписи, высеченные на мраморе и других породах камня. Содержание этих надписей, в основном, относится к имени заказчика, строителя и даты сооружения.

Эпитафии, обнаруженные на территории автономной республики, отличаются от строительных по содержанию и художественному оформлению. Обследовавшие надгробные памятники Апшерона И.М.Джафарзаде и С.К.Джафарзаде пришли к выводу о том, что “намогильные камни в большинстве случаев состоят из двух частей: стелы и сундука” (72, с. 104). На территории Нахчыванской АР нами не обнаружены такие памятники. Стелы с сундуком - характерные для Ширвано-Апшеронской школы художественной резьбы по камню для территории Нахчывани нехарактерны. Здесь широко распространены: стела без сундука, сундук без стелы и каменные изваяния барана.

Надгробные памятники в виде стелы изготовлены в разных формах и до нас сохранили ряд архитектурных форм. Среди исследуемых памятников - стрельчатые, полукруглые, пятилопастные арки занимают основное место. Имеется также и прямоугольное завершение стел.

Эпитафии имеют различные обрамления. Превалируют выделенные узкими рельефными линиями рамки. В узорах обрамлений эпитафий использовался растительный и геометрический орнамент: ромбики, стилизованные восьмилепестковые цветы, селджукская цепь и др. В завершении арок часто изображен тюльпан, в тимпанах арок листовенные орнаменты и розетки, изображающие символ солнца. Соффит арок заполнен надписями различных почерков.

Анализ надписей и орнаментов показывает, что в начале исследуемого периода (XVI- первая половина XVII вв.) памятники изготовлены в простой форме. Надписи высекались, в основном, почерком насх с элементами сулса, поясняющие почерк, придающие ему эластичность и развивающие в надписях практическую значимость. В редких случаях использовалась орнаментация.

Начиная с конца XVII - начала XVIII вв. особое внимание стали обращать художественному оформлению памятников и вместо надписей широко использовались растительные и геометрические орнаменты. В этом периоде, при написании надписей иногда использовали одновременно два почерка арабской графики. Начиная с начала XVIII века в строительных надписях и эпитафиях применяется более свободная манера написания шрифта - насталик. Созданный в XV веке в Тебризской школе каллиграфии, почерк - насталик стал в странах Востока одним из самых популярных (135, с. 4). На основе исследованных нами надписей, XVII-XVIII вв. можно считать самым высокоразвитым в художественном смысле периодом для эпиграфических надписей.

Начиная со второй половины XIX века начинается упрощение памятников - как в смысле художественного оформления, так и в смысле высекания надписей. Памятники этого периода напоминают работы неопытных мастеров.

Надгробные памятники наглядно демонстрируют ма-

стерство каллиграфов - резчиков средневекового Азербайджана. Они работали не только на грубых камнях местной породы, но и на мраморе, и с тем же успехом высекали эпиграфы и орнаменты, которые требовали от резчика большого внимания и мастерства.

Среди исследуемых мемориальных памятников особую группу составляют сундукообразные. Большинство этих памятников изготовлено в параллелопипедной форме. Изготавливали эти памятники из мрамора и разных пород камня. Мраморные памятники отличаются богатыми украшениями с растительным и геометрическим орнаментом, надписями. Исследователи относят богатоукрашенные и тонко выполненные надгробные памятники лицам знатного происхождения (203, с.16).

Среди мемориальных памятников особое место занимают надгробья в виде каменного изваяния барана. Многие из них под воздействием природных явлений попортились. В недалеком прошлом эти памятники уничтожались, и поэтому, неслучайно, что до наших дней они сохранились в небольшом количестве. В 20-х годах XX века В.М. Сысоев писал, что в селе Карабаглар имеется 2-3 памятника (176, с. 119), в селении Вананд - 2 (177, с. 180), в селении Нижняя Аза (ныне Азадкенд) - 10 (177, с. 196). В настоящее время в селах Карабаглар и Вананд этих памятников нет, а в селении Нижняя Аза (ныне Азадкенд) имеется всего 3 памятника. В последнее время эти памятники перевозят с одной территории в другую или в музей, при этом не ведется паспортизация памятников. И это затрудняет определение их локализации.

Памятники в виде изваяния барана изготовлены из цельного камня. У большинства фигур задние и передние ноги высечены отдельно друг от друга. У фигур рога закручены в круг, морда или голова у некоторых поломана. По бокам

имеются рельефные изображения лошади, сабли, боя быка с леопардом, фигуры людей, сцены охоты, всадника, каравана верблюдов, кувшин, сцены пиршества и др.

Нами зафиксировано и исследовано восемь фигур с надписью. Встречаются на кладбищах и такие памятники, на которых надписи высечены позднее в связи с перенесением их на новую могилу. Об этом факте упоминает и В.М.Сысоев (177, с. 177). По мнению С.Ашурбейли, каменные фигуры баранов и лошадей относятся к более ранней эпохе, а арабские надписи сделаны на них позднее, в период средневековья (34, с. 105).

По распространению каменных изваяний баранов Нахчыванская АР занимает одно из ведущих мест в Азербайджане. Особенно богаты этими фигурами Шахбузский, Ордубадский и Джулфинский районы. Распространение этих памятников на территории автономной республики свидетельствует о развитии скотоводства на этой территории. Баран издревле считался у тюркских народов символом силы, могущества и обилия, а его вкусное мясо было основным продуктом питания.

О существовании таких фигур в Азербайджане впервые говорится в XIX веке. Побывавший в 1834 г. в Азербайджане французский путешественник Дюбуа де-Монпере говорил о наличии большого количества фигур животных и об уважительном отношении местного населения к этим памятникам (202, с. 69). О каменных фигурах барана интересные сообщения дает В.М.Сысоев. В своих отчетах он пишет о том, что в Нахчывани им показали каменную фигуру барана из красноватого камня, длиной 1,5 м, высотой 62 см, шириной 40 см, курдюк плоским, ноги сильно отбиты, рога завитком. Первоначальное месторасположение памятника неизвестно, но здешние жители к нему относятся с особенным почтением: существует поверье, что если бесплодная женщина проползет

под этим бараном, то у нее непременно будут дети (177, с. 125). В некоторых местах эти фигуры использовались с целью гадания (66, с. 59).

Каменные фигуры баранов, найденные на территории Центральной Азии (Казахстан, Хакасия), в восточных областях Турции, исследователи относят ко II тысячелетию до н.э. (203, с. 23). В первом тысячелетии до н.э. в Южном Азербайджане на кладбище Гейтепе были обнаружены фигуры баранов (157, с. 68). В четырехстах километрах западнее г. Улан-батора, в Монголии, на памятнике известного тюркского хагана Кюль-Текина, жившего в VIII веке, во время работы совместной Чехословацко-Монгольской экспедиции в 1957-1958 гг., возглавленной д-ром Йислом и Н.Сер-Оджава, обнаружены у входа две мраморные фигуры барана, обращенных головами друг к другу (190, с. 18; 138, с. 207, 211). Исследователи связывают установление над могилой каменных фигур с похоронным обрядом древнетюркских племен и считают, что впервые этими памятниками пользовались огузские племена (158, с.188). Е.А.Шер показывает, что областью распространения древнетюркских каменных изваяний можно назвать весь азиатский пояс степей от Южного Приуралья до Восточной Монголии (190, с. 20).

Некоторые исследователи связывают эти фигуры с сильным влиянием традиций тотемизма (157, с. 67-68).

В ранний период распространения ислама в Азербайджане было запрещено ставить на могилы подобного рода фигуры. Поэтому на могилах этого периода на территории Азербайджана не встречаются эти фигуры. Начиная с XIII-XIV веках, особенно с XV века, в период правления династии Караююнулу и Акююнулу, начинает возрождаться обычай воздвижения над могилами каменных изваяний барана.

В одном источнике, относящемся к 1836 году, показано, что на границе с Ордубадским округом жители селения

Джулфы выделывают из твердого камня красного цвета, доставляемого с горы Дарьдаг, жернова и надгробные памятники (139, с. 313). В этом отношении можно предполагать, что большинство указанных фигур изготовлено здесь руками местных мастеров.

Исследованные надгробные памятники в виде стел, сундуков и каменных изваяний барана, являются не только важным источником в изучении истории и культуры нашего края, но показывают и высокий уровень художественной резьбы по камню и скульптуры в исследуемый период. Эти памятники, являющиеся произведениями прикладного искусства и резьбы по камню, рассказывают нам о многогранном творчестве и высокохудожественном мастерстве азербайджанских резчиков и каллиграфов. Они свидетельствуют о том, что территория Нахчывани была одним из центров искусства резьбы по камню в Азербайджане.

Все вышесказанное говорит о существовании Нахчыванской местной школы по каллиграфии и художественной резьбе по камню.

Оформление надписей. При составлении надписей мастера, в основном пользовались существующими шаблонами. Тексты строительных надписей начинались со стихов из Корана, соответствующими назначению и характеру сооружения. Затем высекали цель, имя и титулы заказчика, дату постройки и др. данные. Эту специфичность ярко отражают эпитафии. Исследованные эпитафии показывают, что надгробные надписи, в основном, составлялись по следующему плану:

а) тексты начинались стихами из Корана, словами пророка и др. религиозными изречениями;

б) после вышесказанного следовали нижеуказанные шаблоны: «Это сад», «Это покойный», «Это усыпальница», «Это могила».

Слова “Это сад” употреблялись в XV веке. В последующих веках широко использовались слова, “Это покойный”, “Это могила”.

в) сведения о покойном: имя, отчество, титулы, год смерти;

г) благожелательные слова. С подобного рода словами, характерными, в основном, для эпитафий Ширвано-Апшеронской зоны, Северного Кавказа и Кухистан, на территории Нахчыванской АР встречены только две надписи.

Такой порядок прослеживается во всех мусульманских эпитафиях (74, 103, 104, 105, 123, 124, 132, 135, 192).

В начале эпитафии высекались следующие стихи из Корана: LV -26,27; XXVIII-88; XXIX-57. Встречаются такие эпитафии, в которых 3-4 (№52), даже 5 строк (№81), составляют стихи из Корана или другие религиозные тексты. Имеется эпитафия, на которой написаны сразу три стиха из Корана (№ 40).

На сундукообразных памятниках, в основном, высекался 255-й стих из второй суры, а в одном случае CXII сура Корана (№ 31).

В одной группе эпитафий дается краткое сообщение о покойном и после слова “покойный” дается только имя. А в некоторых эпитафиях даётся сравнительно больше сведения о покойном.

Среди исследуемых надписей, наряду с текстами религиозного характера, встречаются стихотворные тексты. Такие надписи еще раз свидетельствуют о том, что мастера и каллиграфы обращали внимание на богатство содержания высекаемых ими надписей. Мастера высекали на могильных камнях такие надписи-стихи, что по их содержанию можно определить - старым или молодым был погребенный (134, с. 58). Эта традиция сохраняется у азербайджанцев и по сей день.

Надписи в религиозном и стихотворном характере дают важный материал для изучения вопросов идеологии и литературы.

Религиозные тексты. В исследованных надписях, особенно в эпитафиях, как уже сказано, широко встречаются религиозные тексты. Психологическое и эмоциональное влияние стихов из Корана на надгробьях были гораздо сильнее, чем на каком-нибудь другом сооружении. Эти материалы имеют большое и серьезное значение для исследовании методов распространения ислама в Азербайджане. На основании этих данных можно правильно раскрыть реальное влияние носителей идей ислама, методы распространения этих идей, хронологические рамки этого процесса, роль ислама в усилении феодальной эксплуатации (135, с. 9) и духовного порабощения широких слоев населения.

Эти тексты, в основном, проповедывали брэнность этого мира, вечность и всемогущество Аллаха. Ислам, как идеология феодализма, в основном выражал интересы господствующего класса и был в его руках орудием эксплуатации. По мнению В.И.Ленина, “все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса” (3, с. 416). По словам классиков Марксизма-Ленинизма, религия является идеологией господствующего класса, одурманивает трудящиеся массы, ослабляет их классовую борьбу за свободу, оправдывает эксплуатацию человека человеком, обещая взамен счастье в потустороннем мире. В.И.Ленин показывает, что “того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешёвое оправдание для всего их эксплуататорского

существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие” (2, с. 142-143).

Религиозные тексты, часто встречающиеся в надписях, являются доказательством вышеизложенного. Эти тексты, в частности, проповедовали веру в бога, надежду на его милость, веру в потусторонний мир с его раем и адом, таким образом воспитывали в народных массах покорность и отделили их от классовой борьбы. Ислам, владеющий сознанием народных масс, держал их в покорности перед господствующим классом и заставлял работать на них (87, с. 100). Религиозные тексты надписей служили господствующему классу и законам феодального общества.

Стихами из Корана и хадисами в надписях пользовались для пропаганды идей ислама. С этой целью стихи из Корана помещались не только на эпитафиях, а также на строительных надписях, архитектурных памятниках. Например, на мавзолее Мумине-хатун в гор. Нахчывани, наряду с надписями строительного характера, написана и сура из Корана - Ясин и другие религиозные слова.

Стихи из Корана помещали на памятниках архитектуры также с целью предохранения их от дурного глаза. Выдающийся архитектор Азербайджана Аджеми ибн Абубекр высек на мавзолее Мумине-хатун следующие слова: “О боже! Дурной глаз держи далеко” (20, с. 373).

Кроме того архитекторы пользовались разнообразностью и эластичностью арабского шрифта в декоре сооружений. Надписи компоновались с геометрическими и растительными мотивами в обрамлениях граней, дверных, оконных проемов, фризах, на тимпанах и др. частях архитектурного сооружения. Иногда из одного или же неоднократно повторяющихся религиозных слов пользовались для облицовки куполов, минаретов и т.п. частей сооружений.

Местные жители, увидев стих из Корана и другие рели-

гиозные тексты на сооружениях и надгробиях, исходя из религиозных убеждений, оберегали памятники от всяких разрушений и природных воздействий. В настоящее время некоторые верующие почитают даже фрагмент надгробного памятника с арабским письмом, как знак благополучия, счастья. В некрополе “Малик Ибрахим” в городе Ордубаде наблюдаются факты перестановки старых стел с надписями из стихов Корана или просто с арабской графикой из разрушенных могил на новые.

Религиозные тексты должны были соответствовать назначению и социальному характеру памятника. Каждый приведенный факт или сообщение в надписях подкреплялись стихами из Корана или словами пророка. Эти тексты, высеченные в эпитафиях, внушали мысль о неизбежности смерти, как бы утешали родственников умершего и облегчали их переживание и горе.

Во многих исследуемых памятниках мемориального характера встречаются стихи из Корана LV-26, 27 (№№ 28, 40, 45, 46, 52, 57-64, 66, 68, 69, 71, 73, 76, 78, 81-83, 87): “Всякий, кто на ней, исчезнет и остается лик твоего Господа со славой и достоинством” (95, с. 427).

Стих, внушающий людям вечность Аллаха и неизбежность смерти, являющийся характерным для надгробных памятников, сохранившихся на территории Нахчыванской АР, высекался в начале эпитафии (№ 40, 45, 46, 57-64, 73, 76, 78, 82, 83, 87). В некоторых случаях, когда эпитафии начинаются другими словами, характеризующими вечность Аллаха, его могущество, всемилость, всепрощение, указанный стих отводится на вторую строку (№№ 52, 66, 68, 69, 71, 81).

Другой стих из Корана, высеченный в эпитафиях XXIX - 57 (№ 90): “Всякая душа вкусит смерть” (95, с. 319).

Этот стих высечен на одном надгробии в городе Нахчы-

вани. В эпитафиях Азербайджана этот стих редкое явление, а в Кухистанских памятниках, по А.М.Мухтарову, становится обязательным элементом почти всех эпитафий (124, с. 9).

На одной эпитафии (№40) дан стих из Корана XXVIII-88: “Всякая вещь гибнет, кроме его лика” (95, с. 315).

В надписи № 92 встречается 151-й стих из II суры: “Мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся” (95, с. 31). Этот стих в народе называется “Возвращение” и агитирует идею о том, что люди созданы Аллахом и после смерти возвращаются к нему.

Одним из широко распространенных текстов, высеченных на надгробных памятниках, является стих II-255 (№№ 26, 28, 30, 41): “Аллах - нет божества, кроме его, живого, сущего; не овладевает им не дремота, ни сон; Ему принадлежит то, что в небесах и на земле, кто заступится перед ним, иначе как с его позволения? Он знает то, что было до них, и то, что будет после них, они не постигают ничего из его знания, кроме того, что он пожелает. Трон его объемлет небеса и землю, и не тяготит Его охрана их – поистине, Он высокий, великий” (95, с. 44).

Какую цель преследовали написав данные стихи Корана на надгробных памятниках? По законам шариата после завершения погребального обряда, как только верующие отошли от могилы, начинаются мучения погребенного. Наиболее тяжёлым для погребённого считается первая ночь. Поэтому, чтобы облегчать ему страдания, в этот день должна щедро раздаваться милостыня. Чтобы, возможно, облегчить его положение, надо совершить два раката нафл в молитве. После Фатихи в каждом ракате верующий должен читать стих Корана II-255. Этот стих читается трижды. После него одиннадцать раз читается сура СII-я и три раза сура СХII-я (187, с. 186). Якобы, после чтения этого стиха освящается могила покойного и он ограждается от страха. В настоящее

время верующие также завершают для умершего намаз “от страха” (“вахшат”), в котором, наряду с другими стихами Корана, входит также стих II-255. Вероятно, указанный стих высекался на надгробных памятниках с целью развеяния страха.

Верующие предпочитают этот стих, входящий в суру “Корова”. По наблюдениям В.А.Гордлевского, “как только у женщины начинаются родовые схватки, родственники отправляются к какому-нибудь уважаемому ходже, который пишет на бумажке стих Корана – “аятал-Кюрси”, пока чернила еще не высохли бумажку опускают в стеклянную чашу и наливают немного воды, начинают толочь бумагу. Ходжа трижды читает молитву над водой, тогда воду дают выпить больной и роды проходят легко” (63, с. 128).

Выдающийся азербайджанский поэт из Мараги Авхади (1274 -1338 гг.) характеризует “аятал-Кюрси” как “небесного царя” (112, с. 59).

В текстах некоторых исследованных нами строительных надписей также имеются стихи из Корана. Во всех мусульманских странах, в том числе и на территории Азербайджана, на мечетях чаще всего высекались следующие стихи из Корана: X-26; IX-28; II-139, 144; LXI-13; LXII-9 (134, с. 49).

В трех строительных надписях на мечети встречается стих из Корана IX-18 (№№ 1, 6, 17): “Оживляет мечети Аллаха тот, кто уверовал в Аллаха и в последний день” (95, с. 150). Этим религиозные деятели пропагандировали строительство и ремонт мечетей. Как сообщают данные эпиграфических памятников, мечети строились и реставрировались за счет отдельных лиц или же жителей целого квартала или села (129, с. 307, 313).

В одной надписи высечен LXXII-18 стих из Корана (№ 2) “Место поклонения - для Аллаха, поэтому не призывайте с Аллахом никого!” (95, с. 464).

В двух надписях (№№ 22, 31) содержится СХII-я сура из Корана: “Скажи: Он - Аллах един, Аллах вечный, не родил и не был рожден, и не был ему равным ни один!” (95, с. 498).

Стих - кратчайшее изложение в Коране, главное догмата ислама: ла илаха иллаллах - нет бога кроме Аллаха (82, с. 5), Стих известен среди верующих как “Гул хуваллаху”, который говорит о вечности, единности и величественности Аллаха, включен в состав намаза. По Авхади Марагинца, “если прочтешь сура “Гулеуз”, вызубришь также “Гул хуваллаху” сердце твоё получит силу от тайного мира, приобретёшь быстро то, что захочешь” (112, с. 154). Очевидно, с этой точки зрения сура высечена в надписях.

Кроме изречений из Корана, в надписях встречаются также религиозные формулы, пропагандирующие идеи о вечности, милосердии Аллаха. Эпитафии в некоторых случаях начинаются формулами “Он”, “Он вечный!”, “Аллах вечный!”, “Он всепрощающий!”, “О милосердный!, О милостивый!, О всепрощающий!, О прощающий грешников!” и др. (№ 27, 66-72, 75, 80, 81, 90).

Правители Азербайджанского Сефевидского государства, основанного шахом Исмаилом I, для укрепления своего государства пользовались идеологией шиизма, одной из ветвей ислама. Важнейшим мероприятием шаха Исмаила I было проведение религиозной реформы. Шиитский толк ислама с первых дней существования государства был объявлен Сефевидами официальной государственной религией, так как шиизм имел популярность и острое политическое значение в тот период (197, с. 155). Сефевиды использовали шиизм как идеологическое оружие для создания крупного государства (198, с. 96). В средневековье под знаменем шиизма произошло большое число народных движений (40, с. 255).

С фактами, подтверждающими вышеизложенное, мы встречаемся и в эпиграфических памятниках. Начиная с XVI века, в связи шиитской политики Сефевидов, в текстах эпиграфики, помимо Коранических текстов, нашли отражение также формулы, догмы шиитских идей, имена 14 непорочных.

В одной надписи (№ 91) встречается формула шиизма: “Нет бога кроме Аллаха, Мухаммед посланник Аллаха, Али близкий Аллаха!”

На некоторых памятниках (№№ 28, 35, 62) высечены имена 14 непорочных. В надписи № 15 дважды написано: “О, Али, поддержи”. Аналогичный текст встречается и в эпиграфических памятниках Памира (159, с. 92).

В одной надписи (№74) призывается прочесть для покойника “Фатиха” и показывается правило его чтения: “Перед “Ихлас”ом (Коран СХII) прочти “ал-Хамд” (Коран I)”. Надписи подобного содержания иногда встречаются в эпитафиях Азербайджана (132, с. 66-67, 86).

В некоторых надписях тексты начинаются словами. “Во имя Аллаха милостивого, милосердного!”, которыми начинаются все суры Корана, исключая IX и XII суры (№№ 31, 70, 81, 93).

Религиозные тексты, содержащиеся в надписях, показывают, что хотя по форме все надписи различны, по содержанию они почти одинаковы и дополняют друг друга. Смысл один, все они пропагандируют силу господствующего класса феодального общества, проповедуют покорность и послушание.

Стихотворные тексты. Кроме религиозных текстов в надписях встречаются также стихотворные тексты, в которых чувствуется сильное влияние идей ислама.

В строительных надписях дата постройки, имя заказчика и зодчего давались в стихотворной форме. В эпитафиях со-

общение о смерти, общественное положение умершего, о его жизни, деятельности и т.п. фактов оформлялись в стихах. В надписях намогильных памятников приводились поэтические отрывки, элегии в честь покойного из образцов азербайджанского народного творчества (90, с. 34).

Стихотворные тексты встречаются на арабском и персидском языках. На персидском языке больше высекались, чем на арабском. Это объясняется тем, что персидский язык был языком поэзии на Ближнем и Среднем Востоке. В Азербайджане также хорошо знали персидский язык и сочиняли стихи на этом языке. Также это связано с традициями.

Как известно, ранняя смерть шаха Исмаила (1524 г.) застала его старшего сына Тахмасиба 11-летним ребенком. Несовершеннолетний шах стал игрушкой в руках могущественных эмиров кызылбашских племён. Предводители племён вели друг с другом жестокую борьбу за высокие и прибыльные посты в государстве (199, с. 66). Но Тахмасиб I сумел вскоре укрепить центральную власть и подавить сопротивление феодалов. Накануне и после смерти Тахмасиба I опять начались раскол и кровавые столкновения в среде придворной знати (200, с. 33-34). Со смертью шаха Тахмасиба I (1524-1576), при его преемниках - шахе Исмаиле II (1576-1577) и шахе Мухаммеде Худабенде (1578-1587) начались сильные феодальные междоусобицы, которые поставили государство Сефевидов перед угрозой политического распада (60, с. 17).

Шах Аббас I, воссевший на престол в 1587 году, всячески старался восстановить силу и бывший авторитет государства. Со времени реформ шаха Аббаса I Кызылбашское государство вступило в новый период своего развития. Государство стало более централизованным, велась борьба с феодальной раздробленностью, впрочем давшая лишь частичные результаты. В интересах централизованной политики шах стремился

ограничить влияние военной знати кызылбашских и других тюркских племен и усилить влияние гражданской бюрократии и шиитского духовенства, кадры которых вербовались, главным образом, из иранцев. Иначе говоря, снизилось значение тюркского элемента в государстве, а влияние персидского элемента выросло (85, с. 282; 146, с. 81).

Следующим шагом по пути усиления персидского этнического элемента в Сефевидском государстве явилось перенесение столицы из Казвина в Исфахан (156, с. 38). Начиная с этого периода влияние персов возрастает и персидский язык снова становится государственным языком, хотя азербайджанский язык продолжал занимать доминирующее положение в армии и при шахском дворе. Начиная с этого периода влияние персидского языка широко чувствуется и в эпиграфических текстах.

Иногда встречается стихотворный текст на смешанном - арабском и персидском языках.

В надписях № 7, 83 встречается стихотворный текст. В эпитафии № 70 читаем следующие полустихия: “Смерть - чаша и каждый из людей выпьет из нее”.

Надписи подобного содержания встречаются на памятниках в селе Хазра Кугкашенского района (134, с. 55), в городе Нуха Азербайджанской ССР (131, с. 30), селе Кумух (103, с. 148, 159), Кала-Корейш (192, с. 77) Дахадаевского района Дагестанской АССР. Но в указанных надписях стих завершается следующим: «Могила дверь и каждый человек войдет в нее».

В.А.Красковская, опираясь на исследования академика И.Ю. Крачковского и ряда западных арабистов, полагает, что сравнение смерти с чашей и дверью (воротами) можно встретить и в докоранической арабской поэзии.

В 1933 году близ Рея, в гробнице, была обнаружена шелковая ткань, датируемая 388/998 г. с вышитой куфической

надписью и изображениями животных. Надпись состоит из стиха: “Могила дверь, и каждый человек войдет в нее”.

Этот стих принадлежит Абул Атахию (99, с. 54), другу музыканта Ибрахима ал-Мавсили. Дворцовый поэт Абул Атахия (VIII-IX вв.) был известен своими стихами и песнями не только при дворе халифов, но и среди народных масс (134, с. 56). Он был основоположником философской поэзии в арабской литературе. Старческая поэзия Абул Атахи времен Харун ар-Рашида и его сыновей-халифов проникнута просто унылой тоской, пессимизмом, печалью о беспечности жизни человеческой и о тщете мира (101, с. 360).

По мнению В.А.Крачковской, стих талантливого поэта из Багдада попал в Рей, а затем в эпоху сельджукидов, перешел в Малую Азию, а оттуда распространился на северо-восток и северо-запад (134, с. 56) Поэтому стих встречается на памятниках Ближнего Востока и Малой Азии. В.А.Гордлевский пишет, что услышав стих придворного поэта Абул Атахия о бренности мира Харун ар-Рашид плакал (64, с. 273).

В надписи № 75 встречается персидский вариант этого полустишья. Видимо, каллиграф знал арабский текст этого стиха и исполнил его на персидском языке.

Содержание стиха вошло в литературу Азербайджана. Основоположник Азербайджанской советской драматургии Дж. Джабарлы в стихах, посвященных своему брату Хусайн Кули, написал:

Смерть - мост, все пройдут через этот мост,

Смерть есть чаша - все из нее будут пить (117, с. 241).

В двух надписях (№ 23, 24) имеются стихи, посвященные третьему шиитскому имаму Хусайну.

Стихотворные тексты и рифмованная проза, сохранившиеся на памятниках Нахчыванской АР, ярко отражают не только высокое мастерство азербайджанских умельцев, но

свидетельствуют о знакомстве их с тонкостями восточной поэзии. Эти стихи, в которых также чувствуется сильное влияние ислама, еще раз подтверждает, что мастера, творившие эти уникальные образцы памятников, были близко знакомы и хорошо владели арабским и персидским языками.

Стихотворные тексты свидетельствуют о культурной связи Азербайджана со странами Востока. Несмотря на влияние ислама на содержание стихотворных текстов надписей, они являются оригинальными и ценными источниками для изучения общественной мысли в Азербайджане. В них отражено мировоззрение общества, каллиграфов-резчиков и других мастеров художественной резьбы по камню.

д) Рельефные изображения на мемориальных памятниках и их значение, как исторического источника

Из исследуемых памятников, в особенности на мемориальных, часто встречаются различные изображения, растительные и геометрические мотивы, которые помогают проследить этапы развития художественной резьбы по камню. Среди этих мотивов особое место занимают геометрический и растительный орнамент, сложной и простой композиции. Несмотря на твердость материала, народные мастера так тонко и умело высекали, что по своему художественному оформлению, технике исполнения и стилю они нисколько не уступали другим видам прикладного искусства (203, с. 17).

Эти орнаменты в основном использовались с целью украшения и заполнения пустоты на фоне надписи. Кроме того, узорами растительных и геометрических мотивов пользовались для украшения эпитафий в виде обрамления, на линиях между строками на тимпанах и соффите арок.

Г.М.Ализаде (28), И.С.Джафарзаде, С.К.Джафарзаде (72), Н. Аскерова(31, 32), М.С.Нейматова (132, 135) неоднократно в своих исследованиях указывали на их место в

истории прикладного искусства и истории Азербайджана.

Исследуя эти изображения мы не ставим перед собой цель дать всесторонний искусствоведческий анализ. Исследованные изображения до сих пор не были объектами специального изучения. Они могут быть важным источником для изучения этнографии и искусства нашего народа.

В средние века ортодоксальный ислам, считающий бога создателем всего живого, запрещал изображение бога и не одобрял изображение людей и животных (76, с. 68). Называли гяурами тех, кто рисовал такие изображения. В самом Коране нет ясно выраженного запрета изображений живого, предлагается искать ортодоксально-религиозное выражение запрета в толкованиях Корана, пышно расцветших после смерти пророка хадисах, представляющих своеобразную оправу к Корану (207, с. 198). В комментариях к Корану говорится, что несчастье тому, кто будет изображать живые существа. В день последнего суда лица, которых художник представил, сойдут с картин и придут к нему с требованием дать им душу. Тогда этот человек, не могущий дать своим созданием души, будет сожжен в вечном пламени (184, с. 9). В результате этого, в тех зонах Азербайджана, где было существенное влияние ислама на культуру, прослеживается распространение стилизованных растительных и геометрических мотивов, искусственно компонованных с ними эпиграфических надписей. Именно поэтому мало отведено места изображениям живых существ. Но законы шариата не смогли остановить развитие изобразительного искусства. Народные мастера, выступая против законов шариата, продолжали свое дело (72, с. 106).

Мастера художественной резьбы по камню использовали различные почерки арабского письма, как декоративный элемент. Говоря словами известного турецкого ученого Октяя Аслан Апы, так как изображение запрещалось религией, то

место изображения заняла надпись. Эпиграфические мотивы являлись самыми богатыми, искусно исполненными декоративными мотивами в украшении архитектурных сооружений (210, с. 136). Результатом этого является высокое развитие искусства каллиграфии в Нахчывани. Нахчыванские каллиграфы, оформители книг (музаххибы), переписывая труды средневековых авторов и сохранившихся до наших дней памятников того периода, являются свидетельством развития каллиграфии (109, с. 152). Большие орнаментальные возможности принятой во всех странах Ближнего Востока арабской письменности, использовались максимально. Различные почерки применялись мастерами для составления надписей, украшавших архитектурные памятники различного назначения (162, с. 140).

Надписи на надгробных камнях, строительные надписи позволяют судить о ремесленном производстве в городах и ремесленниках, к которым относились резчики по камню, гравёры, каллиграфы и др. (35, с. 208).

На территории Нахчыванской АР зафиксировано много надписей, вызывающих интерес с точки зрения каллиграфии, а также много мемориальных памятников украшенных красивыми узорами, выполненных с большим мастерством.

Наши наблюдения показывают, что в прошлом на могилы погребённых в основном ставились стелы из простого камня. Могилы богатых отличались от могил бедных. В начале XIX века, побывавший, на территории Нахчывани И.Шопен писал, что татары (азербайджанцы) богатых людей хоронят в святых местах. Наиболее привлекающие внимание надгробные памятники составляют меньшинство (193, с. 717).

Наряду с надписями на надгробных памятниках высекались изображения, отражающие общественное положение, пол, профессию, возраст и другие приметы. Зафиксированы изображения щита, лука, стрелы, саза, купола, ножниц и

т.п. Высекались также фигуры человека, животного, сцены быта, инструменты, связанные с профессией умершей. Подобные изображения на мемориальных памятниках мы встречаем у других народов. Например, чеченцы вырезают на могильных памятниках изображения хозяйственных орудий, которыми покойный пользовался при жизни. На памятниках женщин вырезаются ножницы, иглы и прочее, на памятниках мужчин - оружие, на памятниках духовных лиц - кувшинчик, четки и подстилка, на которую становятся во время молитвы (188, с. 175).

Наличие таких изображений на надгробных памятниках оценивается как продолжение традиций изобразительных форм в Азербайджанском изобразительном искусстве.

На одной группе исследуемых памятников имеется только надпись, на некоторых, наряду с надписями, орнаменты и изображения, а на других имеются только изображения.

Среди зафиксированных нами изображений, с территории Шахбузского района, основное место занимают изображения человека, животного и бытовые сцены. Много изображений зафиксировано на памятниках Ордубадского района и города Ордубада. На памятниках города Ордубада широко использовался геометрический и растительный мотив. Среди этих орнаментов встречаются характерные для памятников Ширвано-Апшеронской зоны изображения тюльпана и арабески. Изображение тюльпана в основном высекалось на вершине арок, иногда на оборотной стороне стелы. С арабесками украшались обрамления памятников. Такие лентообразные мотивы, схему которых составляют волнистые линии, характерные для Нухинских надгробий (31, с. 149).

Изображения на памятниках можно группировать следующим образом: - изображение живых существ; - изображения, связанные с ремеслом; - бытовые и другие изображения.

Изображения живых существ. На нескольких исследованных памятниках имеется изображение человека и животного. В основном, эти памятники зафиксированы в Шахбузском, Джулфинском и Шарурском районах. В Шахбузском районе, на Мазринском сельском кладбище, много сундукообразных памятников и каменных фигур барана, на которых имеются изображения.

На правой стороне фигуры барана, изготовленного из красного камня (130x30x48 см), изображен леопард, пытавшийся напасть на быка, который, в свою очередь, защищается, нагнув голову и подав вперед свои рога (рис. 103). В Нахчыванских горах и сейчас можно встретить леопарда. Это изображение дает нам представление о животном мире и олицетворяется с победой сил добра над силами зла. На левой стороне изображены фигуры двух людей. Изображенный слева первый человек более крупных размеров, правую руку положил на бок, а в левой руке он держит что-то наподобие книги, подняв ее вверх. Стоящий правее от него человек правой рукой уперся в бок и смотрит на первого. В левой руке держит трость (рис. 104). На другом сундукообразном надгробном памятнике (108x39x43 см), изготовленном из серого камня, на одной из сторон изображен человек верхом на осле; левой рукой он держит животное за узду, а правой рукой подгоняет его. Впереди изображено маленькое животное с длинным хвостом, поднятым кверху, и горный козел (рис. 105).

Этнографические наблюдения показывает, что на надмогильном камне высекались изображения, соответствующие профессии погребенного. Если покойный был хорошим всадником, то изображалась лошадь, если он был пастухом, то изображалось стадо овец, коз, ножницы для стрижки шерсти (51, с. 47).

Зафиксированный в селении Кюлус сундукообразный

памятник (136х36х60 см) изготовлен из красноватого камня, имеет форму трапеции (рис. 106). На одной стороне памятника изображено два животных: одно из них стоит приподняв хвост кверху, а другое подав вперед рога, нападает на него. Изображен бык, защищающийся от нападения леопарда. Это изображение очень похоже на изображение каменной фигуры барана, зафиксированной в селе Мазра. Такие изображения встречаются также на кладбище села Уруд Сисианского района, Армянской ССР (135, рис. 35 б). На другой стороне памятника изображена оседланная лошадь, перед которой два человека, кувшин, лепёшка хлеба.

В селении Кечили данного района также зафиксирована сцена нападения леопарда на быка. Но здесь на шее леопарда изображен орёл (рис. 107).

В селении Кенд Шахбуз (Шахбузкенд) этого района зафиксирован ряд сундуко-образных памятников, на которых имеется изображение всадника, пешего и животного (неизвестного). На зафиксированном там сундукообразном памятнике из красноватого камня на одной стороне изображен всадник, а на другой – лошадь.

В городе Нахчывани в “Открытом музее”, на фигуре каменного барана есть изображение лошади и кинжала. Можно заключить, что, по-видимому, покойник был воином.

На исследованных памятниках мы часто встречаем изображение лошади. В древности вместе с покойным в могилу клали и труп лошади. Это доказывают и имеющиеся археологические материалы. А.Алекперов в селе Шахтагты, Кенгерлинского района, во время раскопок обнаружил скелет лошади. Кроме того, в Северном Азербайджане также во время археологических работ были обнаружены скелеты лошадей в могилах (152, с. 115).

Арабский путешественник Ибн-Фадлун во время путе-

шествия по Волге наблюдал обряд погребения тюркских племен и отметил, что во время погребения было убито несколько лошадей (153, с. 63). Этот обычай в последующем был изменен и заменен изображением, высеченным на надгробных памятниках. По мнению исследователей, “после запрета ислама класть в могилу с погребёнными предметами домашнего обихода, стали изображать эти предметы на надмогильном камне” (66, с. 81).

Наряду с подобными изображениями встречаются и фигуры лошадей на могилах. Например, в Келбаджаре, Лачине, Казахе, Гяндже зафиксированы надгробные памятники в виде каменного изваяния лошади (202, с. 71). В свое время и в Нахчывани зафиксированы каменные фигуры лошадей. Р.Эфендиев опубликовал одну фигуру лошади с надписью (зафиксированную в Нахчывани), которой в настоящее время уже нет (202, с. 93; рис. 93).

На территории Нахчывани издревле лошадей пользовались и ее считали символом мужества. О том, что лошадь играла огромную роль в быту народа, видно уже из того, что даже в историческом эпосе “Китаб-и Деде Коркуд” лошадь приравнивается к брату (92, с. 60).

На зафиксированном в городе Шарур каменном изваянии барана изображены два верблюда (рис. 108). По-видимому, покойный при жизни был погонщиком верблюдов. Эти изображения позволяют нам выдвинуть мысль о том, что в Нахчывани разводили верблюдов и, учитывая выносливость этих животных, пользовались ими во время дальних переходов. Этот памятник является очень интересным с точки зрения изучения истории верблюдоводства в Нахчывани.

В селении Хошкешин Джулфинского района зафиксировано несколько сундукообразных надгробных памятников, на которых изображен человек, скрестивший руки на груди (рис. 109). С подобным изображением мы встречаемся и на

каменном изваянии барана в Эрзрумском музее (212, рис. 41).

Все эти изображения, о которых мы говорили, показывают, что несмотря на старания исламских религиозных деятелей, в средние века им не удалось приостановить развитие изобразительного искусства. Невзирая на трудности, с которыми встречались мастера, жившие и творившие в средние века, им удалось создать прекрасные произведения искусства.

Фигуры животных в домусульманском Сасанидском Иране, согласно господствующей зороастрийской религии, являлись инкорнациями (олицетворениями) различных божеств и поэтому получили самое широкое распространение в изобразительном искусстве как самого Ирана, так и культурно связанных с ним регионов в эпоху раннего средневековья (96, с. 59-60). Ислам не смог до конца вытеснить домусульманскую традицию в искусстве и изображении животных, сцен охоты и терзания хищниками травоядных животных – есть, на наш взгляд, отзвук именно домусульманской художественной традиции, бережно сохраняемой и развиваемой дальше народными мастерами.

Изображения, связанные с ремеслом. На исследуемых памятниках встречаются и изображения, связанные с ремеслом. Эти изображения дают нам ценные сведения о видах ремесла и ремесленниках в средневековой Нахчывани.

Такого рода изображения, в основном, зафиксированы на территории Ордубадского района и в городе Ордубаде. На памятнике № 37 имеется два хава (орудие, используемое для уплотнения вязки в ковроткачестве). В первом – зубцы и ручка начертаны четко. Во втором – зубцов нет (рис. 37). По-видимому, покойный при жизни был ковроткачом и он был искусным мастером своего дела, что нашло отражение на его надгробном памятнике.

Памятник является ценным потому, что позволяет изучить историю ковроткачества в Ордубаде, так и во всем Азербайджане в средние века. Это ремесло завоевало большую славу. После предоставления шахом Аббасом I налогового иммунитета Ордубаду, в начале XVII века город становится важным торгово-ремесленным центром. Особого развития в городе достигло ткацкое ремесло (60, с. 54; 62, с. 151). Среди восточных ковров азербайджанские ковры отличались своими красками, прочной техникой вязки. Исследователи определили в азербайджанских коврах 70 узоров (23, с. 32).

На некоторых из исследуемых памятниках имеется изображение ножниц и материи (рис. 79, 84, 88). Это показывает, что покойные были портными. Можно сказать, что эти мастера входили в ремесленные цеха, существовавшие в XVII веке в городе Ордубаде. Надпись на соборной мечети Ордубада, относящаяся к 1604 г., свидетельствует о том, что в городе существовали ремесленно-профессиональные организации - эснафы (60, с. 120). Эти объединения в городах Азербайджана назывались амкар или аснаф. Амкары Азербайджана, как и все ремесленные организации в странах Ближнего Востока, объединяли вокруг себя не только ремесленников в полном смысле этого слова, но и представителей любых профессий. Наряду с амкарами кузнецов, шапочников, портных существовали амкары лабазников, водовозов (тулухчи), борцов и т.д. (22, с. 131).

На двух памятниках есть изображение саза. На зафиксированном в селении Дуйлун, Ордубадского района, каменном изваянии барана есть изображение саза и меча (рис. 110). На основании этнографических данных можно констатировать, что покойный Гасан б. Хусайн Али, которому посвящен памятник, был ашугом. Т.Бунятов также предполагает, что могилы с изображениями на них сазов, являются могилами ашуггов (52, с. 147). Возможно он был мастером

по изготовлению указанного музыкального инструмента (сазбенд).

В селе Кечили (Шахбузский район) также обнаружен надгробный памятник с изображением саза и меча. Но в этом памятнике на правой стороне указанного изображения высечено изображение леопарда, быка и орла на быке (рис. 107). Эти памятники свидетельствуют, что в средневековом Нахчывани профессия ашугов - народных певцов и сказителей была довольно распространенной.

Бытовые и другие изображения. На мемориальных памятниках встречаются и бытовые изображения. Такого рода изображения мы встречаем в селении Бадамлы, Шахбузского района. С боковой стороны сундукообразного памятника, обнаруженного в данном селе, имеется изображение человека, который в правой руке держит шомпол с мясом над раскрытым лавашом, а в левой руке - кувшин (рис. 111).

На фигуре каменного изваяния барана красноватого цвета (135x38x55 см), зафиксированного в том же селении, имеется изображение человека с протянутой в сторону правой рукой, в которой он держит посоха, в левой - кувшин (рис. 112).

В одном сундукообразном памятнике (Шахбузский район, село Кечили) изображена сцена охоты. Всадник в левой руке держит лук, правой рукой берет стрелы из колчана, перед ним летает сокол. Как известно, охотой занимались ради развлечения и брали с собой на охоту прирученных соколов.

Все эти рельефы можно считать источником для изучения быта азербайджанцев.

Также на мемориальных памятниках обнаружены изображения религиозного, военного и другого характера, которые встречаются в различных районах республики.

В селении Джакри (Бабекский район), Тюркеш, Бадамлы,

Нурсу (Шахбузский район) зафиксировано несколько каменных изваяний барана с изображением меча. В селении Джамалдин, Джулфинского района, на сундукообразном надмогильном памятнике зафиксировано изображение щита и меча (рис. 50). На одной фигуре каменного барана изображена оседланная лошадь и меч (рис. 113). На зафиксированных надгробных памятниках в виде каменного изваяния барана на кладбищах “Кочари” (рис. 114) и села Баш Диза имеются изображения лук и стрел.

Все эти памятники с изображением средневекового оружия можно отнести к воинам.

На одной мраморной стеле (город Ордубад) изображены два михраба в уменьшенном размере (рис. 59). На одном надгробном памятнике изображена лампа (рис. 50), являющаяся символом светлого потустороннего мира. Эта мысль повторяется и в надгробных памятниках села Кирна (Джулфинский район). На боковых гранях этих памятников имеются углубления четырехугольной формы, в которых, по словам местных жителей, зажигали свечи (рис. 114 а). Подобные углубления встречаются на памятниках, расположенных вокруг мавзолея Халифа Али и Мухаммада Мумина в Бузовнах (203, с. 18).

На исследованных памятниках встречаются изображения символического характера - солнца. На тыльной стороне некоторых стел имеется ваза с букетом (рис. 115).

Все эти указанные изображения являются оригинальным и местным источником, показывающим высокое развитие художественной обработки камня, и о таких центрах, существующих в Нахчывани в изучаемый период. Являясь прекрасными образцами искусства каменной пластики, эти памятники показывают высокое художественное мастерство азербайджанских резчиков и их разностороннее, многогранное творчество.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе изученных надписей можно сделать следующие выводы:

1. Обследованные строительные, эпитафийные надписи и лапидарные копии государственных документов, сохранившиеся на территории Нахчывавской АР, свидетельствуют, что после образования в начале XVI века Азербайджанского государства Сефевидов, с повышением роли местной феодальной знати в государственном аппарате и в связи с экономическим и политическим развитием страны расширились строительные работы, создавались масштабные архитектурные комплексы общественно-политического, торгово-культурного, социально-экономического, культового и др. характера.

2. Определены и уточнены назначение, дата постройки некоторых сооружений (плотины “Ганлыгёл”, мост, перекинутого через реки Гилан-чай, и Вананд-чай), ряда историко-культурных памятников, средневековых некрополей и населенных пунктов (кладбище “Кочари”, Котам и др.). Выявлены в надписях имена квалифицированных мастеров, каллиграфов-резчиков, орнаменталистов, зодчих, в частности, Мухаммад Исмаил ал-Абд ан-Насири, Имамкули б. Назарали, Мухаммад Ризы, Мухаммад Таки, Абд-ал-Каффар Шекави, Таки, Абу-л-Касим, Мирза Сулейман, Мухаммад Салих, Зайн ал-Абидин и др.

3. В ряде эпитафий и строительных надписей имеются интересные сообщения о политических и экономических событиях. Данные надписей проливают свет на турецко-иранские отношения, на шиитскую и налоговую политику, проводимую сефевидскими шахами против турецких правителей, кровопролитные и разорительные войны между Ираном и Османской Турцией, которые проходили на террито-

рии Азербайджана, в частности, на пограничных зонах с Ираном в Ордубаде.

Надписи подтверждают, что во время продолжительной войны между соседними странами, рассматриваемая территория неоднократно становилась ареной опустошительных битв и подвергалась разрушению. Эти войны наносили большой ущерб всему хозяйству, экономике, торговле, культуре и пр., приносили разорение и опустошение краю. О тяжелом экономическом и политическом положении в Ордубаде и его окрестностях интересный и ценный материал дает Ванандская надпись, которая дополняет сведения других синхронных источников о том, что в 30-х годах XVIII века, в результате ожесточенных войн, по всему Азербайджану имели место голод и разруха.

Надпись на Ордубадской соборной мечети дает ценный материал о налоговой политике Сефевидов, разъясняет значение налоговых терминов и проливает свет на обострение общественно-политических отношений, тяжелое положение трудящихся масс, повествует о народных волнениях, направленных против феодального гнета в Азербайджане и в соседних странах.

Обнаружен эпиграфический факт о походе Надир шаха Афшар в Индию, свидетельствующий о том, что и ордубадуы участвовали в этом походе.

4. Надписи, приведенные в монографии, представляют немаловажное значение для изучения вопросов топонимики Азербайджана и малоизученных проблем средневековой исторической географии, выявляют средневековые названия нескольких населенных пунктов (например, Дастак, Туб Басар, Азад и др.).

Данные надписей дополняют сообщения других письменных источников о существовании в Нахчывани некоторых племен, в частности, племени Кенгерлу, активно участво-

вавшего в политико-экономической и культурной жизни страны. Главари этих племен имели воинские чины русской армии, о чем подтверждают надписи. Полковник Келбали хан сын генерал-майора русской армии Эхсан хана по общению надписей, активно участвовал в деле градостроительства и в других работах на территории Нахчывани. На его средства и при содействии были построены водохранилище в Шахбузском районе а также производились другие культурно-просветительные работы.

5. По титулатуре и чинам, встречающимся в надписях, можно проследить очень сложную структуру класса феодалов в Азербайджане. Зафиксированные титулы свидетельствуют о том, что в средневековом обществе в Нахчывани жили и работали ряд государственных деятелей, должностных лиц, выдающихся личностей: амид ал-Мульк, кази, имам, муджтахид, маулань, шейхи-наставники, ученые-богословы, устады, главы различных орденов и др. Анализ терминов в исследуемых надписях помогает изучению ряда вопросов социально-политической истории, административного деления, государственного строя и управления.

6. На основе данных надписей удалось проследить деятельность ряда общественно-политических течений, религиозных и культурных центров, обществ, высших учебных заведений - медресе, существовавших на территории Нахчывани.

Некоторые надписи дают сведения о существовании суфийских организаций и выявляют имена шейхов руководителей суфийского ордена, о которых нет указаний в известных нам нарративных письменных источниках. Исследование показывает, что в средневековье на территории Нахчывани существовали суфийские ордены, которые действовали продолжительное время и имея огромное общественно-политическое влияние, играли важную роль в жизни тру-

дящихся масс. Эти ордены возглавляли на местах народные волнения, возникавшие против местных властей. Члены этого общества, руководимые и поддерживаемые центральным сефевидским государством, при походе указанных шахов создавали социально-политическую базу для их нашествия.

О существовании суфийских орденов на исследованной территории свидетельствуют Ханака на реке Алинджа-чай, эпитафия Шейха Абу Саида (умер 759/1357 г. в городе Ордубаде), являющегося седьмым коленом в поколении одного из основателя суфизма в Передней Азии одноименного шейха - Шейха Абу Саида Абу-л-Хайра ал-Хорасани, два кашкула, сохранившиеся в Нахчыванском государственном историческом музее с надписью – “Взывай к Али”, надписи на стенах Ордубадской соборной мечети и “Имамзаде” в селе Неграм Бабекского района, представляющие собой вышеуказанную суфийскую молитву. Есть и другие эпиграфические данные, подтверждающие существование суфийских обществ.

Одним из социально-политических обществ, о которых сохранили сведения эпиграфические памятники, является орден “Бекташийя”, члены которого были тесно связаны с народными массами и сыгравшие важную роль в Сефевидско-турецких отношениях.

7. В исследованных надписях, особенно в эпитафиях, часто встречаются стихи из Корана, хадисы и другие тексты религиозного характера, имеющие глубокое психологическое и эмоциональное влияние людей. На основании этих данных можно правильно раскрыть реальные силы носителей идей ислама в деле усиления феодальной эксплуатации. В связи с шиитской политикой Сефевидов, начиная с XVI века, в текстах эпиграфики, вместе с каноническими изречениями из Корана, нашли отражение также формулы, догмы шиитских идей, имена 14 непорочных. Хотя по форме все религиозные

тексты различны, но по содержанию они почти одинаковы и дополняют друг друга и в известном пропагандируют силу господствующего класса.

Кроме религиозных текстов, в надписях встречаются также стихотворные тексты, в которых чувствуется сильное влияние идей ислама. В надписях могильных памятников приводились стихотворения или рифмованная проза в честь покойного, элегии и отрывки из образцов азербайджанского народного творчества. Превалируют отрывки восточной поэзии.

Из текстов стихотворных надписей выясняется, что каллиграфы и резчики, творившие эти уникальные образцы памятников, не только хорошо владели арабским и персидским языками, но были близко знакомы с тонкостями восточной поэзии. Эти надписи ярко свидетельствуют о существовании грамотных людей в области литературы. Они также демонстрируют культурные связи Азербайджана со странами Востока. Несмотря на влияние ислама на содержание стихотворений, они являются оригинальными и ценными источниками для изучения общественных и литературных мыслей в Азербайджане. В них отражено мировоззрение общества, передаваемое через творения мастеров художественной резьбы по камню.

8. Надписи дают оригинальные материалы по арабской палеографии. Исследования показывают, что надписи на архитектурных и мемориальных памятниках XVI по XIX вв. высекались, в основном, почерком насх, сулс и насх с элементами сулса. Начиная с XVIII века, в надписях применяется более свободная манера написания шрифта насталик, созданного в XV веке Тебризской школой каллиграфии.

Каллиграфы, пользовавшиеся разновидностями и эластичностью арабского шрифта в декоре сооружений, компоновали надписи геометрическим и растительным мотивами

и таким приемом создавали прекрасные образцы прикладного искусства. На исследуемых памятниках, в особенности на мемориальных, очень часто встречаются различные узоры растительных и геометрических мотивов сложной и простой композиции, изображения, которые помогают проследить этапы развития искусства художественной резьбы по камню.

Надгробные памятники донесли до нас ряд архитектурных форм. Среди исследуемых памятников стрелчатые, полукруглые, пятилопастные арки занимают основное место. Имеется также прямоугольное завершение стел. В декоре надгробий применены также схематические, призматические сталактиты, карнизы, ниши, колонны и др. архитектурные элементы.

9. Исследованные строительные надписи и надгробные памятники в виде стел, сундуков и каменных изваяний баранов являются не только важным источником в изучении истории и культуры края, но и показывают высокое развитие художественной скульптуры в эпоху средневековья. Эти памятники рассказывают нам о многогранном творчестве и высокохудожественном мастерстве азербайджанских резчиков и каллиграфов. Мастера, создавшие эти памятники, относились к своей работе с большой ответственностью, старались не копировать других, создавали отличающиеся друг от друга произведения искусства.

Многие изображения, орнаменты и надписи, выгравированные на рассмотренных памятниках разными почерками арабской письменности, служат ярким примером, отражающим высокое развитие художественной резьбы по камню, каллиграфии и скульптуры, и свидетельствуют о существовании Нахчыванской школы по каллиграфии и художественной резьбе по камню.

На исследованной территории, наряду с работами мест-

ных мастеров, также можно встретить, как свидетельствуют сами надписи, произведения, изготовленные мастерами Тебризской школы каллиграфии и искусства резьбы по камню. Если к этому добавить и тот факт, что ряд эпиграфических памятников, выявленных на территории Нахчыванской АР, нередко содержат и элементы Ширван-Апшеронской архитектурно-каллиграфической школы, то становится ясно, что местная Нахчыванская школа резьбы по камню, развиваясь, прежде всего, на основе своих многовековых традиций, вместе с тем не стояла в стороне от других архитектурных школ, имевшихся на территории Азербайджана. Она впитывала в себя элементы этих школ, синтезировала их, тем самым обогащая как непосредственно Нахчыванское искусство резьбы по камню и каллиграфии, так и в определённой мере, искусство Азербайджана в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., т. 7. М., 1956, с. 343-437.
2. Ленин В.И. Социализм и религия. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1960”, с. 142-147.
3. Ленин В.И. Об отношении рабочей партии и религии. Полн. собр. соч., т. 17. М., 1961, с. 415-426.
4. Ленин В.И. Статистика и социология. Полн. собр. соч., т. 30, М., 1962, с. 349-356.
5. ابو العباس القلقشندی. صبح الاعشى فى صناعة الانشاء . ۱۴ جزء، م تبعت فى سنة
6. اسکندر منشى. تاريخ عالم اراى عباسى، تهران 1314
7. حسن البلشا. الالقب الاسلاميه فى التاريخ و الوثائف و الاثار. القاهرة،
8. حسن روملو. احسن التواريخ، تهران،
9. عبد الرزاق السمرقندى. مطلع السعدين و مجمع البحرين. لاهور
10. Рукоп. Фонд АН Азерб. ССР, № 48
عبدى بك شيرازى . تكميلة الاخبار
11. Рукоп. Фонд АН Азерб. ССР, № 3583
غياس الدين خواندمير. نامه نامى،
12. غياس الدين خواندمير. تاريخ حبيب السير فى اخبار افراد بشر ، تهران، 1333 ش.
13. Аббасов А.С. Социально-политический строй государства Ширвана (по данным эпиграфических памятников XI-первой половины XVI вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1984, 23 с.
14. Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб талхис ал-асар ва аджа’иб ал-малик ал-Каххар (“Сокращение [книги о] “памятниках” и чудеса царя могучего”). Издание текста, перевод, предисловие, примечания и приложения З.М. Буниятова. М.: Наука, 1971, 162 с.

15. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. - Баку: Изд-во АН Азерб.ССР, 1965, 621 с.
16. Азимбеков И. Мусульманские надписи Тифлиса, Эривани и Нах.ССР. Известия “Азкомстарис”а, вып. 4 (тетрадь 2). Баку, 1929, с. 295-311.
17. Азерли М.И. О собственности вакф и её разновидностях. Известия АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1974, №1, с. 69-76.
18. Алекперов А.К. Поездка в Зангезур и Нахкрай. В кн.: Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку, 1960, с. 243-249.
19. Алескерзаде А.А. Надписи архитектурных памятников Азербайджана эпохи Низами. В кн.: Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами. Москва-Баку, 1947, с. 369-390.
20. Алескерзаде А.А. Надписи старинных архитектурных памятников Нахчыванского края. Изв. АН Азерб. ССР, 1949, №5, с. 151-168.
21. Алиев Ф. Мосты, караван-сарай и овданы на службе торговли во второй половине XVIII в. ДАН Азерб. ССР, 1957, №3, с. 349-354.
22. Алиев Ф. К вопросу о ремесленных организациях в Азербайджане во второй половине XVIII в. Изв. АН Азерб. ССР, 1957, №8, с. 129-142.
23. Алиев Ф.М. Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII века. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1960, 136 с. (на азерб.яз.).
24. Алиев Ф.М. Торговля Азербайджана в первой половине XVII века. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1964, 124 с. (на азерб.яз.).
25. Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против Турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку: Элм, 1975, 232 с.

26. Ализаде А. Некоторые сведения о природных богатствах и занятиях оседлого населения Азербайджана в XIII-XIV вв. Изв. АН Азерб.ССР. 1952, №7, с. 51-83 (на азерб.яз.).
27. Ализаде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1956, 420 с.
28. Ализаде Г.М. К изучению народного зодчества Азербайджана (надмогильные камни). Изв.АН Азерб.ССР, 1953, №4, с. 101-108.
29. Араслы Г. История литературы Азербайджана XVII-XVIII вв. Баку: Изд-во АГУ, 1956, 324 с. (на азерб.яз.).
30. Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир шаха Афшара. М.: Изд-во вост. лит., 1958, 284 с.
31. Аскерова Н.С. Орнамент надмогильных камней Нухи XIX в. Изв. АН Азерб.ССР. Серия обществ. наук, 1958, № 2, с. 125-150.
32. Аскерова Н.С. Архитектурный орнамент Азербайджана. Баку: Изд-во АН Азерб.ССР, 1961, 62 с.
33. Аширов Н. Мусульманская проповедь. М.: Изд-во полит. лит., 1978, 80 с.
34. Ашурбейли С.Б. Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья. В кн.: Труды МИ Аз., т. I. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1956, с. 61-109.
35. Ашурбейли С. Государство Ширваншахов. Баку: Элм, 1983, 344 с.
36. Ашурбейли С.Б. Ханака на реке Пирсагат и ширваншахи. В кн.: Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука, 1985, с. 32-36.
37. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Соч. т. II, ч. I. М.: Наука, 1963, с. 169-433.
38. Бартольд В.В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. Соч.т. IV. М.: Наука, 1966, с.313-338.

39. Бартольд В.В. Ислам. Соч. т. VI. М.: Наука, 1966, с. 81-139.
40. Бартольд В.В. Иран. Исторический обзор. Соч., т. VII. М.: Наука, 1971, с. 229-334.
41. Бекзади И.П. Произведение Раванди “Рахет-ус-судур вэ аьет-ус-сурур” как исторический источник. Баку: изд-во АН Азерб. ССР, 1963, 148 с. (на азерб. яз).
42. Берже А. Кавказ в археологическом отношении. Тифлис, 1875, 188 с.
43. Бертельс Б.Е. Суфизм и суфийская литература. Избр. труды, т.3, М.: Наука, 1965, 524 с.
44. Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XI вв. ЭВ, XVII. М.Л.: Наука, 1966, с. 54-62.
45. Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XII вв.- ЭВ, XIX. Л.:Наука, 1963, с. 42-50.
46. Бретаницкий Л.С, Саламзаде А.В. Профессиональные звания зодчих и мастеров архитектурного декора по данным строительной эпиграфики Азербайджана. ЭВ., XIII. М.Л.: Наука, 1960, с. 11-30.
47. Бродниковская В.П. Экономическая активность женщин в мусульманских странах (на примере Пакистана). В кн.: Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1982, с. 227-237.
48. Бунятов З.М. Государство Атабеков Азербайджана. Баку: Элм, 1978, 272 с.
49. Бунятов З.М. Насир ад-Дин ат-Туси: Новые биографические данные. Изв. АН Азерб. ССР. Сер. История, философия и право, 1982, № 2, с. 70-75.
50. Бунятов З.М. Попечительство мамлюкских султанов Египта над суфийскими обителями. В кн.: Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука, 1985, с. 64-68.

- 50 а. Бунятов З.М. Государство Хорезмшахов Ануштегинидов. М.: Наука, 1986, 248 с.
51. Бунятов Т. Из истории развития скотоводства в Азербайджане, Баку: Элм, 1969, 187 с. (на азерб.яз.).
52. Бунятов Т. Голоса минувших веков. Баку: Гянджлик, 1975, 142 с. (на азерб. яз.).
53. Варганесов И.Л. Жилые дома Ордубада XVIII и XIX веков. В кн.: Памятники архитектуры Азербайджана. Баку, 1950, с. 72-99.
54. Велиев М.Г. (Бахарлы). Азербайджан. Баку: Изд-во Азерб. Сов. Народноаго хоз-ва, 1921, 179 с.
55. Выдержки из “Записок о мусульманских надписях на Кавказе”. М.Н.Ханыкова, опубликованных в “Азиатском журнале”, август 1862 г. Пер. с франц. яз. Э.К.Спитницкой. НАИИ АН Азерб. ССР, № 1076.
56. Гасанов А.М. Борьба азербайджанских просветителей против ислама. Баку: Язычы, 1983, 224 с. (на азерб.яз.).
57. Гейбуллаев Г.А. Об иранских топонимах Азербайджана. Изв. АН Азерб. ССР, Серия история, философия и право, 1979, № 2, с. 91-99.
58. Гейдаров М.Х. К вопросу о ремесленных организациях в городах Азербайджана XVII в. Изв. АН Азерб. ССР, 1961, № 1, с. 35-46.
59. Гейдаров М.Х. О термине “Бониче” (К истории положения городских ремесленников Азербайджана XVII в.). ДАН Азерб. ССР, т. XVIII, 1962, № 3, с. 83-87.
60. Гейдаров М.Х. Ремесленное производство в городах Азербайджана в XVII в. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1967, 200 с.
61. Гейдаров М.Х. Ремесленное производство и торговля в городах Азербайджана в XVII в. Авгореф. дис. ... докт. ист. наук. Баку, 1971, 74 с.
62. Гейдаров М.Х. Города и городское ремесло Азербайджана XIII-XVII вв. Баку: Элм, 1982, 284 с.

63. Гордлевский В.А. Рождение ребенка и его воспитание (Материалы по Османской этнографии). Избр. соч. т. IV, М.: 1968, с. 128-130.
64. Гордлевский В.А. В Багдаде при Харуне ар-Рашиде. Избр. соч. т. IV. М.: Наука, 1968, с. 270-277.
65. Григорьев В. Статистическое описание Нахчыванской провинции. Санкт-Петербург, 1833, 264 с.
66. Гулиев Г., Бахтияров А. Древние религиозные культы в Азербайджане и их пережитки. Баку: Азернешр, 1968, 110 с. (на азерб. яз.).
67. Гусейнзаде А. Ярлык XIII века о Нахчыванских медресе. ДАН Азерб. ССР, XVI, 1960, № 12, с. 1269-1273 (на азерб. яз.).
68. Гюзальян Л.Т. Палеоэпиграфические материалы из раскопок Орен-Калы. В кн.: МИА СССР, №133. Средневековые памятники Азербайджана. Тр. Азерб. Оренкалинской археол. экспед. т. III, МЛ.: Наука, 1965, с. 56-89.
69. Далили Г.А. Азербайджанско-русские отношения в азербайджанских и персоязычных документах (1722). Баку: Элм, 1976, 112 с. (на азерб. яз.).
70. Далили Г. Присоединение Нахчыванского ханства с Россией. В кн.: Преподавание истории, обществоведения и географии. Приложение к журналу "Азербайджан мектеби". Баку, 1978, № 3, с. 56-60 (на азерб. яз.).
71. Далили Г.А. Южные ханства Азербайджана. Баку: Элм, 1979, 144 с. (на азерб. яз.).
72. Джафарзаде И.М., Джафарзаде С.К. Азербайджанские надгробные камни. СЭ, 1956, № 3, с. 104-109.
73. Джидди Г., Сейфеддини М. Исторические памятники и исторические личности. Эдебийят вэ инджесенет, 17 авг. 1984 г. (на азерб. яз.).
74. Додхудоева Л.Н. Погребальная эпиграфика Самарканда XII-XIV вв. как историко-культурный памятник, Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1983, 26 с.

75. Дорн Б. Отчет об учёном путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. Санкт-Петербург, 1861, 73 с.
76. Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в современном Иране. М.: Наука, 1985, 232 с.
77. Дугин Е., Карапетян Г. Академик Рыбаков. Г. Неделя, 1983, № 50.
78. Заманов Х.Д. Водный баланс озер и водохранилищ малого Кавказа. Баку: Элм, 1969, 156 с. (на азерб.яз.).
79. Зелинский С.П. Город Эриван. СМОМПК. Вып. I. Тифлис, 1881, с.1-54.
80. Ибрагимбейли Х. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. М.: Наука, 1969, 287 с.
81. Ибрагимов Б.И. Средневековый город Хараба-Гилан. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985, 25 с.
82. Ислам. Краткий справочник. М.: Наука, 1983, 159 с.
83. Исмаилов М. Об участии азербайджанцев в ряде русских войск в русско-иранских и русско-турецких войнах первой трети XIX в. Тр. Ин-та истории и философии, т. IV. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1954, с. 5-20.
84. Исмаилов М.А. Было ли кочеводство в Азербайджане в XIX- начале XX века. Тез. научн. семинара по истории Азербайджана Ин-та истории АН Азерб. ССР. Отдельный оттиск. Баку, 1971, 4 с. (на азерб.яз.).
85. История Азербайджана. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1958, 448 с. (на азерб. яз.).
86. Казвини Хамдаллах. Нузхат ал-кулуб. Перевод с английского З.М.Бунятова, перевод с персидского И.П.Петрушевекого. Баку: Элм 1983, с. 37-65
87. Касумов А.Г. Из надписей мемориальных памятников XV-XVII веков. Изв. АН Азерб. ССР, Серия история, философия и право, 1979, № 2, с. 100-108 (на азерб. яз.).

88. Керимзаде С. Неисследованные надписи мавзолея Момине-хатун. ДАН Азерб. ССР, XXIII, 1967, № 8, с. 83-88 (на азерб. яз.).
89. Керимзаде С.К вопросу о надписях Карабагларского мавзолея. Изв. АН Азерб. ССР. Серия: история, философия и право, 1969, № 2, с. 69-78 (на азерб.яз.).
90. Керимзаде С.Д. Надписи памятников архитектуры Азербайджана XI-XIV вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1970, 37 с.
91. Керимзаде С. Об азербайджанских надписях-розетках. Изв. АН Азерб. ССР. Серия история, философия и право, 1977, № 2, с. 64-73 (на азерб.яз.).
92. Китаби-Деде-Горгуд. Баку: Гянджлик, 1978, 184 с. (на азерб. яз.).
93. Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. ч. I. М.Л.: 1936, 463 с.
94. Колониальная политика Российского царизма, в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. ч. 2. МЛ.: 1937, 478 с.
95. Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963, 714 с.
96. Кошкарлы К.О. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку: Элм, 1985, 140 с
97. Крачковская В.А. Задачи арабской эпиграфики в СССР. Тр. I сессии арабистов. Отдельный оттиск. М.Л., 1935, с. 127-134.
98. Крачковская В.А. Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике. ЭВ, II. МЛ., 1948, с. 19-38.
99. Крачковская В.А. Новая арабская надпись из Молдавской ССР. ЭВ. XIII. М., 1960, с. 48-58.
100. Крачковский И.Ю. Арабистика в России. Избр. соч. т. V. М.Л. Изд-во АН СССР, 1958, с. 53-139.
101. Крымский А.Е. Низами и его современники. Баку: Элм, 1981, 488 с.

102. Куция К.К. Центральная власть и эволюция института садра в Сефевидском государстве. В кн.: БЧ. М.: 1982.
103. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. М.: Наука, 1966, 300 с.
104. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. II. М.: Наука, 1968, 248 с.
105. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. III. М.: Наука, 1980, 168 с.
106. Мамедов Р. Из истории города Нахчывани древнего и раннесредневекового периода. В кн.: МИА. Тр. МИАз., т.V. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1962, с. 40-67 (на азерб.яз.).
107. Мамедов Р. Из истории города Нахчывани X-XII вв. В кн.: МИА. Тр. МИАз. т. VI. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1963, с. 16-52 (на азерб.яз.).
108. Мамедов Р. Новые данные о средневековой истории крепости Алинджа. В кн.: МИА. Тр. МИАз. т. IX. - Баку: Элм. 1973, с. 8-17 (на азерб.яз.).
109. Мамедов Р. Очерк истории города Нахчывани (Средневековый период). Баку: Элм, 1977, 160 с. (на азерб.яз.).
110. Мамедов С .А, Исторические связи азербайджанского и армянского народов во второй половине XVII - первой трети XVIII вв. Баку: Элм, 1977, 263 с.
111. Мамедова Ш.К. Из истории социально-экономической, политической и культурной жизни Азербайджана в XVI веке (по сведениям “Хуласат ат-таварих” Кази Ахмеда). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1983, 24 с.
112. Марагалы Ахвади. Джами-джам. Баку: Азерб. гос. изд-во, 1970, 248 с. (на азерб.яз.).

113. Массон М.Е. Среднеазиатские намогильные кайраки. ЭВ, XI. М.Л., 1956, с. 3-13.
114. Массон М.Е. Фрагменты надписи Караханидского мавзолея с городища Афрасияб. ЭВ, XX. Л.: Наука, 1971, с. 77-84.
115. Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М.: Наука, 1977, 276 с.
116. Мец А. Мусульманский ренессанс. М.: Наука, 1973, 473 с.
117. Минуты из жизни азербайджанских писателей. Баку, 1979, 304 с. (на азерб.яз.).
118. Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-Катаба). Перевод с персидского, введение и комментарий Г.М.Курпалидиса. М.: Наука, 1985, 160 с.
119. Мусеви Т.М. Некоторые персоязычные документы по средневековой истории Азербайджана. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1965, 132 с. (на азерб.яз.).
120. Мусеви Т.М. Персоязычные документы по средневековой истории Азербайджана. Баку: Элм, 1977, 240 с. (на азерб.яз.).
121. Мухтаров А.М. Надгробные кайраки XIII-XVI вв. с упоминанием термина “дихкан”. ЭВ, XVIII. Л.: Наука, 1967, с. 80-93.
122. Мухтаров А.М. Намогильные кайраки с женскими именами (XIV-XVI вв.) В кн.: Древность и средневековье народов Средней Азии. История и культура. М.: Наука, 1978 с. 69-76.
123. Мухтаров А.Л. Эпиграфические памятники Кухистана. Кн. I. Душанбе: Дониш, 1978, 306 с.
124. Мухтаров А.М. Эпиграфические памятники Кухистана. Кн. II. Душанбе: Дониш, 1979, 152 с.
125. Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1901, 447 с.

126. Насиреддин Туси. Ахлаги Насири. Баку: Элм, 1980, 256 с. (на азерб.яз.).
127. Насирли М.Н. Преемник Насир ад-Дина Туси. Баку: Элм вэ хаят, 1968, № 4, с. 15 (на азерб.яз.).
128. Нахчыванские рукописные документы XVII-XIX вв. Передняя Азия в документах (серия памяти Ю.Н.Марра). Книга I. Пер. и комментарии К.Н.Смирнова и Дж. Гаибова. Тбилиси: Изд-во Грузинского ФАН СССР, 1936, 138 с.
129. Нейматова М.С. О некоторых эпитафических памятниках Кубинского, Хачмасского и Кусарского районов. В кн.: Тр. ИИАН Азерб. ССР, т. XIII. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1958, с. 305-343 (на азерб.яз.).
130. Нейматова М.С. К изучению истории Ширвана XIV-XVI вв. (на основе эпитафических памятников). Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1959, 142 с. (на азерб.яз.).
131. Нейматова М.С. О надгробных надписях на Нухинском Ханском кладбище. Изв. АН Азерб. ССР, 1961, № 6, с. 19-38 (на азерб. яз.).
132. Нейматова М.С. Эпитафические памятники Азербайджана. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1963, 157 с. (на азерб.яз.).
133. Нейматова М.С. Два указа шаха Аббаса I. ЭВ, XVIII. Л.: 1967, с. 105-110.
134. Нейматова М.С. Эпитафические памятники и их значение в изучении социально-экономической истории Азербайджана (XIV-XIX вв.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Баку, 1968, 96 с.
135. Нейматова М.С. Мемориальные памятники Азербайджана. Баку: Элм 1981, 76 с.
136. Нейматова М.С. Эпитафические памятники Азербайджана о должности “садр ал-азам” и “садр”. В кн.: ППВ. Историко-филологические исследования. Ежегодник, 1974. М., 1981, с. 70-77.

137. Нейматова М., Аллахвердиев С. По следам истории. Элм вэ хаят, 1981, № 11 (на азерб.яз.).
138. Новгородова Э.А. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР. В кн.: Тюркологический сборник, 1977. М.: Наука, 1981, с. 203-218.
139. Обозрение Российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. ч. IV. Санкт-Петербург, 1836, 401 с.
140. Онуллахи С.М. К некоторым вопросам государственного строя Азербайджана XV в. Изв. АН Азерб. ССР. Серия: история, философия и право, 1966, №4, с. 35-46 (на азерб.яз.).
141. Памятная книжка Эриванской губернии на 1904 год. Эривань, 1903.
142. Памятная книжка Эриванской губернии на 1910 год. Эривань, 1910.
143. Папазян А.Д. Персидские документы Матенадарана. Вып. 1. Ираван, 1956, 314 с.
144. Папазян А.Д. Персидские документы Матенадарана. Вып. 2. Ираван, 1959, 592 с.
145. Петрушевский И.П. Вакфные имения Ардебильского мазара в XVII веке. В кн.: Тр. ИИАН Азерб. ССР, т.I. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1947, с. 24-41.
146. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI - начале XIX вв. Л.: Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1949, 382 с.
147. Петрушевский И.П. Государства Азербайджана в XV в. В кн.: ССИА. Вып. 1. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1949, с. 153-213.
148. Петрушевский И.П. Восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1571-1573 гг. В кн.: ССИА. Вып. I. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1949, с. 214-224.

149. Петрушевский И.П. Азербайджан в XVI-XVII вв. В кн.: ССИА. Вып. I. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1949, с. 225-298.
150. Петрушевский И.П. Иранские источники по истории Азербайджана XVI-XVIII вв. В кн.: ССИА. Вып. I. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1949, с. 299-310.
151. Пириев В.З. Судебная система и судебный процесс в Азербайджане при хулагуидах и джелаиридах (статья II). Изв. АН Азерб. ССР. Серия: история, философия и право. 1986 № 2, с. 61-68. (на азерб.яз.).
152. Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977, 184 с.
153. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М. Л., 1939, 193 с.
154. Рахмани А.А. О жизни и творчестве Искендера Мунши. В кн.: Тр. ИИАН Азерб. ССР, XII. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1957, с.181-204 (на азерб .яз.).
155. Рахмани А.А. “Тарих-и алам арайи Аббаси” как источник по истории Азербайджана. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1960, 192 с.
156. Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI и в XVII вв. Баку: Элм. 1981, 238 с.
157. Рзаев Н. Голос веков. Баку: Азернешр, 1974, 86 с. (на азерб.яз.).
158. Рзаев Н.И. Искусство Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. Баку: Элм, 1976, 255 с.
159. Розенфельд А.З., Колесников А.И. Материалы по эпиграфике Памира. ЭВ, XXIII, Л.: Наука, 1985, с. 88-95.
160. Роузентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. Пер. с англ. С.А.Хомутова. М.: Наука, 1978, 372 с.
161. Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI-XIV вв. М.: Наука, 1964, 48 с.

162. Саламзаде А.В. Декоративные особенности надписей архитектурных памятников Азербайджана. В кн.: Памятники архитектуры Азербайджана. Баку: Азернешр, 1950, с. 140-145.
163. Саламзаде А.В. Аджеми Абубекр оглы и архитектурные памятники Нахчыванской АССР. Баку: Ишыг, 1976, 84 с. (на азерб.яз.)
164. Сафарли А.К., Юсифов Х.Г. Азербайджанская литература древних и средних веков. Баку: Маариф, 1982, 388 с. (на азерб. яз.).
165. Сафаров Ф. Эпиграфические памятники из Ханикаха на Алинджа-чай Нахчыванской АССР. АЭИА (1976). Баку: Элм, 1979, с. 57-59.
166. Сафаров Ф. Новые эпиграфические находки из Нахчыванской АССР. АЭИА (1977). Баку: Элм, 1980, с. 50-53.
167. Сафаров Ф.Я. Эпиграфические изыскания в Нахчыванской АССР. АЭИА (1978). Баку: Элм, 1982, с. 45-48.
168. Сафаров Ф.Я. Из эпиграфических памятников Ордубадского района (XVI - начало XX вв.). Изв.АН Азерб. ССР. Серия: история, философия и право, 1984, № 1, с. 49-55 (на азерб.яз.).
169. Сафаров Ф.Я. О некоторых эпиграфических памятниках на территории Ордубадского района. В кн.: Комплексные использования природных ресурсов Нахчыванекой АССР. Баку: Элм, 1984, с.125-130 (на азерб.яз.).
170. Сафаров Ф.Я. Нововьявленные эпиграфические памятники на территории Нахчыванекой АССР. Всес. археол. конф. "Достижения советской археологии в XI пятилетке". Тез. докл. Баку: Элм, 1985, с. 313-314.
171. Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Т. 5. Тифлис, 1888, 358 с.

172. Сейфеддини М.А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII-XV вв. Книга I. Баку: Элм, 1978, 268 с.
173. Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М.: 1965, 992 с.
174. Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М.: 1974, 1006 с.
175. Сулейманов Ф.И. О знаменах азербайджанских полков, участвовавших в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. В кн.: МИА Тр. МИАз т. V. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1962, с. 86-98 (на азерб.яз.).
176. Сысоев В.М. Нахчывань на Араксе и древности Нах. ССР (отчет о поездке летом 1926 г). Изв. "Азкомстарис"а, вып. 4 (тетрадь 2). Баку, 1929, с. 87-121.
177. Сысоев В.М. Нахчыванский край Нах. ССР (отчет о поездке летом 1927 года). Изв. "Азкомстарис"а, вып. 4 (тетрадь 2). Баку, 1929, с. 123-215.
178. Тер-Аветисян С.В. К археологическому обследованию Хараба-Гиляна. Изв. Кавказского историко-археологического ин-та, т. VI. Отдельный оттиск. Тифлис, 1927, с. 165-178.
179. Усейнов М, Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат, 1963, 396 с.
180. Утверждение русского владычества на Кавказе. т. IV, ч. 2. Тифлис, 1908, 455 с.
181. Фадеева И.Л. Об эволюции светских тенденций в социально политическом развитии Турции. К постановке вопроса. В кн.: Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1982, с.76-96.
182. Фарзалиев Ш.Ф. Азербайджан в XV-XVI вв. по произведению "Ахсанут-таварих" Хасанбека Румлу. Баку: Элм, 1983, 152 с. (на азерб.яз.).

183. Федорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982, 255 с.
184. Формозов А.А. К проблеме очагов первобытного искусства. СА. М.: Наука, 1983, №3, с. 5-13.
185. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М.: Наука, 1978, 206 с.
186. Хачатрян А.А. Арабские надписи Армении XI-XV вв. как историко-культурный памятник. Автореф.дис. ... канд. ист. наук. Ираван, 1984, 23 с.
187. Цветков П. Исламизм. Том третий. Практические обязанности исламизма. Ашхабад, 1913, 418 с.
188. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, 189 с.
189. Шарифли М.Х. Феодалные государства Азербайджана во второй половине IX-XI вв. Баку: Элм, 1978, 344 с. (на азерб.яз.).
190. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М. Л.: Наука, 1966, 139с.
191. Шихсаидов А.Р. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969, 120 с.
192. Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984, 464 с.
193. Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1852, 1231 с
194. Энциклопедический словарь. т. 19. С.Петербург: Типография И.А. Ефрона, 1896, 963 с.
195. Энциклопедический словарь. т. 29. С.Петербург: Типография Акционерного общ."Издательское дело" Брокгауз-Ефрон, 1900, 958 с.

196. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I. Тифлис, 1907, 622 с.
197. Эфендиев О.А. К некоторым вопросам внутренней и внешней политики шаха Исмаила I (1502-1524). В кн.: Тр. ИИ АН Азерб. ССР, XII. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1957, с. 150-180.
198. Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1961, 208 с.
199. Эфендиев О.А. О малоизвестном источнике XVI в. по истории Сефевидов. Изв. АН Азерб. ССР. Серия общ. наук, 1964, № 2, с. 61-68.
200. Эфендиев О.А. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Баку, 1968, 56 с.
201. Эфендиев О.А. Азербайджанское государство Сефевидов. Баку: Элм, 1981, 306 с.
202. Эфенди Р. Декоративно-прикладное искусство Азербайджана. Баку: Ишыг, 1976, 190 с. (на азерб.яз.).
203. Эфендиев Р. Говорят камни. Баку: Гянджлик, 1980, 31 с. (на азерб.яз.).
204. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.Л.: Изд-во АН СССР, 1960, 165 с.
205. Ягелло И.Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910, 1815 с.
206. Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Л.: Наука, 1985, 152 с.
207. Яковлев Е.Г. Искусство и мировые религии. М.: Высшая школа, 1985, 287 с.
208. Khanikoff M.N. Sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase. "Bull.de l'acad. Imp.des sc". t. VIII St.Pet., 1851.
209. Khanikoff M.N. Memoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. "Journal Asiatique", serie V. t. XX, Paris, 1862.

210. Aslanapa Qktay. Turk ve islam sanati. Istanbul, 1969.
211. Orkun Huseyin Namik. Eski turk yazitlari. IV. Istanbul, 1941
212. Çay Abdulhaluk. M. Anadoluda turk damgasi, koc-heykel-mezar taslari ve turklerde koç-koyun meselesi. Ankara, 1983.
213. Sahinoglu Metin. Anadolu Selcuklu mimarisinda yazinin dekoratif eleman olarak kullanilişi. Istanbul, mayıs 1977.
214. ۱۳۴۰ . بکتابشلیک و ادابیاتی، استانبول،

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗКОМСТАРИС	-Азербайджанский комитет охраны Памятников старины, искусства и природы
АЭИА	-Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане
БЧ	-Бартольдские чтения
ДАН Азерб.ССР	-Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
Изв.АН Азерб.ССР	-Известия Академии наук Азербайджанской ССР
МИА СССР	-Материалы и исследования по археологии СССР
МИА Тр.МИАз.	-Материалы по истории Азербайджана, Труды музея истории Азербайджанской ССР
НАИИ АН Азерб. ССР	-Научный архив Института истории Академии наук Азербайджанской ССР
ППВ	-Письменные памятники Востока
СА	-Советская археология
СМОМПК	-Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ССИА	-Сборник статей по истории Азербайджана
СЭ	-Советская этнография
Тр.ИИ АН Азерб. ССР	-Труды Института истории Академии наук Азербайджанской ССР
ЦГА Нах. АССР	- Центральный Государственный Архив Нахичеванской АССР
ЭВ	- Эпиграфика Востока

ОТЗЫВ

на диссертационную работу Сафарова Фахраддина Яхья оглы по теме “Арабо-персоязычные надписи Нахчыванской АССР (XVI-XIX вв.) как историко-культурные памятники”.

На архитектурных и других исторических памятниках Азербайджана, а также в музейных коллекциях республики сохранились многочисленные надписи IX-XX вв., являющиеся важным источником для изучения социально - экономической и политической жизни средневековья. Разные по содержанию (строительные, документальные, эпитафийные) эпиграфические памятники нередко дают возможность разъяснить исторические события, которые не отражены в известных нам рукописных сочинениях средневековых историографов. С другой стороны изучение эпиграфических текстов, в силу их лапидарности, требует обращения к другим источникам. Такое комплексное использование разных источников предоставило бы новые возможности для исследования ряда вопросов истории и культуры.

Имея огромное значение как исторический источник они, вследствие своей недоступности, почти не привлекали внимание историков, философов, литературоведов, архитекторов, искусствоведов, этнографов и др. ученых. Кроме того, уменьшаясь с каждым днем, они ломаются и портятся под воздействием природных явлений и бесследно исчезают, унося с собой редкие и ценные исторические сведения. В силу этого, представляет огромное значение исследование молодого специалиста Сафарова Ф.Я., ведущего в течение 10 лет регулярную самостоятельную работу по изучению и фиксации эпиграфических памятников Нахчыванской АССР.

Эпиграфические памятники автономной республики не являлись до сих пор объектом специального исследования, в связи с чем вопрос изучения арабо-персоязычных надписей как историко-культурный памятник Нахчыванского края указанного периода является весьма актуальным.

Основным источником исследования являлись впервые обнаруженные диссертантом эпиграфические памятники, произведения художественной резьбы по камню и скульптурно-надгробные памятники в виде каменных изваяний барана, сундука, стела.

Диссертант с 1977 года проводил самостоятельную работу по сбору эпиграфических материалов на территории Нахчыванекой АССР. За этот период им обследован целый ряд арабо-персоязычных надписей, расположенных почти в 150 селах автономной республики; зафиксированные памятники эстампированы, обмерены и сфотографированы.

В основу диссертации вошло 100 надписей, 90 из которых диссертантом выявлены и анализированы впервые. Чтение арабо-персоязычных надписей, переводы их текстов на русский язык выполнены диссертантом без ошибок.

При текстологическом анализе надписей диссертант, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, определил объективность изложения исторических фактов, отмеченных в надписях, сопоставляя их с данными синхронных источников.

Вызывает большой интерес то, что Сафаровым Ф.Я. при сопоставлении сведений, полученных при изучении арабо-персоязычных надписей, с данными синхронных источников впервые выявлены оригинальные факты, освещающие вопросы политической истории страны, а именно: обострение общественно-политических отношений, тяжёлое положение местного населения, народные волнения, направленные против феодального гнета в Азербайджане, а также

тяжелые последствия опустошительных и кровопролитных войн, происходивших между Сефевидским и Турецким государствами на территории Азербайджана и в том числе Нахчывани.

Представляют немаловажный интерес впервые прочитанные диссертантом надписи, констатирующие о том, его главари кенгерлинского племени генерал-майор русской армии Эхсан хан и Келбали хан участвовали в работах по градостроительству Нахчывани, на средства и содействие которых были построены церковь, плотина, водохранилище и производились другие культурно-просветительные работы в Нахичеванском крае.

Зафиксированный Сафаровым Ф.Я. ряд терминов в надписях и сопоставление их с данными синхронных источников проливает свет на социально-экономические и общественно - культурные вопросы исследуемого периода. Анализ этих терминов показывает роль и положение тех или иных исторических личностей в государственном аппарате, политической, экономической и культурной жизни страны.

Рассматривая социальную терминологию, диссертант проследил процесс развития мусульманской теологии в Нахчывани и сильное влияние духовенства на все сферы феодального общества.

По данным надписей диссертантом определены центры ряда социальных обществ, орденов, религиозных учреждений, установлены имена наставников, ученых-богословов этих организаций, а также хронологические рамки их деятельности, зоны влияния их учения и место их в общественной жизни страны. На основе эпиграфических памятников диссертант показал существование суфийских ханаки в Нахчывани и ход развития философской мысли в Азербайджане.

Анализируя сообщение надписей в сочетании с данными других видов первоисточников, диссертант пришел к выводу о

том, что в Нахчывани действовал суфийский дервишский орден «Бекташийя», который создавался начиная с XIV в. на территории враждебных Сефевидам государств Турции и Ширвана. Члены этого общества, руководимые и поддерживаемые центральным Сефевидским государством, создавали социально-политическую базу для нашествия сефевидских шахов.

Диссертантом на основе эпиграфических данных впервые уточнены даты строительства некоторых сооружений, ряда историко-культурных памятников, средневековых некрополей и населенных пунктов.

В надписях, приведенных в диссертации, сохранились имена ряде мастеров строителей, зодчих, каллиграфов, резчиков с высоким и профессиональными званиями, свидетельствующих о существовании на территории Нахчыванской АССР местных высококвалифицированных архитектурных школ и традиций художественной резьбы по камню, дереву, мрамору и т.п.

На впервые выявленных диссертантом надмогильных камнях в форме сундука, стелы, каменных изваяний барана отмечается наличие высеченных сцен охоты, пиршеств, а также различных мотивов, связанных с ремеслом, профессией и развлечением захороненных, что еще раз подчеркивает значение надгробных памятников как источник для изучения истории возникновения ремесла, быта, культуры Нахчыванского края.

В целом, диссертация тов. Сафарова Фахрадина Яхья оглы на “Арабо-персоязычные надписи Нахчыванской АССР (XVI-XIX вв) как историко-культурные памятники” является законченной научно-исследовательской работой, отвечающей современным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям и может быть рекомендована к защите.

Д.и.н.

Нейматова М.С.

11.09.1986 г

ОТЗЫВ

на диссертацию Сафарова Ф.Я. “Арабо-персоязычные надписи Нахчыванской АССР как историко-культурные памятники XVI-XIX вв” представленную в защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 - История СССР.

Диссертация состоит из Введения, в котором прослеживается история изучения эпиграфических памятников на территории Нахчыванской АССР, из трех глав, в которых исследуются строительные надписи, эпитафии и рассматриваются вопросы социально-политической истории, общественно-политические организации, идеология и культура Нахчыванского края в XVI-XIX вв. по эпиграфическим памятникам - существующим и уже исчезнувшим, сохранившимся только в эстампах.

На основании данных эпиграфических памятников Нахчыванской АССР диссертант делает определенный вклад в историю края, классифицирует надписи по содержанию, хронологии, типологии, старается дать точную датировку исторических и архитектурных памятников, устанавливает имена архитекторов, мастеров резчиков, орнаменталистов, строителей, каллиграфов и т.д. Автор диссертации подробно анализирует терминологию в надписях их оформление и классифицирует их. Эпиграфические памятники Нахчыванской АССР (а их более ста) дали возможность автору диссертации локализовать общественно-культурные центры края, выяснить хронологические рамки их деятельности, восстановить общественное положение исторических личностей, государст-

венных и общественных деятелей края.

Подобная работа выполняется впервые, автор показал себя грамотным и вдумчивым исследователем и есть все основания для представления работы Сафарова Ф.Я. к защите на соискание учёной степени кандидата исторических наук.

Академик АН Азерб.ССР

З.М.Буниятов
10 марта 1987 г

ОТЗЫВ

на работу САФАРОВА ФАХРАД-ДИНА ЯХЬЯ ОГЛЫ “Арабо-персоязычные надписи Нахчыванской АССР (XVI-XIX вв.) как историко-культурные памятники”, представленную к защите в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Эпиграфические надписи представляют собой особую группу памятников, которые восстанавливают события прошлого, уточняют даты, подтверждают иногда весьма серьезные исторические факты, дают историкам важные источники информации и помогают реконструировать историческое прошлое на родов. Любая, даже очень маленькая надпись будь она строительная, оборонная, хроникальная, эпитафийная и пр., иногда может повлечь за собой открытие, которое заставляет пересмотреть уже сложившуюся точку зрения на тот или иной исторический факт или событие.

Эпиграфикой занимались многие выдающиеся ученые, независимо от их основной специальности. Среди них мы можем назвать академиков Б.Дорна, Н.Ханыкова, В.Бартольда, И.Орбели, проф. В.А.Крачковскую, Л.И.Лаврова. У нас, в Азербайджане, эпиграфикой занимались И.Азимбеков, А.Алескерзаде, И.Джафарзаде, С.Керимзаде, продолжает трудиться в этой интересной области науки М.Х.Нейматова. Сегодня в отряд эпиграфистов вступает еще один энтузиаст и подвижник Сафаров Ф.Я., интересную работу которого мы обсуждаем.

Диссертация Сафарова Ф.Я. представляет собой плод его почти десятилетнего труда и изысканий в области эпи-

графики Нахчыванской АССР периода XVI-XIX вв., т.е. охватывает эпиграфические памятники примерно 300-летнего периода. Диссертант поставил перед собой задачу анализа эпиграфических памятников Нахчывана, через который он выявляет новые факты в историко-культурной жизни региона, уточняет даты многих памятников, локализует общественно-политические центры и дает хронологию их деятельности, устанавливает общественное положение и характер деятельности исторических личностей и определяет значимость этих памятников для истории Нахчыванского края периода XVI-XIX вв.

Работа эпиграфиста-историка важна, ответственна и оперативна, ибо памятники, с которыми он сталкивается, большей частью недолговечны и по той или иной причине исчезают. Поэтому своевременная фиксация памятника, его обработка и описание должны быть поставлены в заслугу и нашему диссертанту. Ведь некоторые из обследованных и обработанных им памятников уже пропали, а тенденция умыкания или порчи этого рода памятников продолжается. Поэтому проделанная диссертантом работа должна быть оценена еще и потому, что проделанное им уже становится документом.

Во введении к диссертационной работе, автор проанализировал состояние исследовательской деятельности по выявлению, обработке и изучению эпиграфических памятников Нахчывани XVI-XIX вв., отметил труд своих предшественников, на основании чего можно определить как проходило это изучение - последовательно или эпизодически. И получается, что, несмотря на наличие ряда работ и публикаций по эпиграфике Нахчывани, период XVI-XIX вв. не был исследован досконально и автор выявил ряд неизученных памятников, содержание надписей которых дополняет и расширяет наши познания в этой области, что, в свою очередь,

дает намновый исторический материал, который может быть использован при написании обобщающих работ по истории Нахчывани и Азербайджана.

В первой главе диссертации изучены и описаны 20 строительных надписей, которые позволили автору выявить новые исторические и культурные факты, в число которых входит выявление неизвестных имен архитекторов, резчиков, орнаменталистов и т.д. Автор уточняет дату строительства ряда объектов - мечети в селе Вананд, моста через реку Ги-лан-чай, устана вливает имена каллиграфов-резчиков, орнаменталистов.

Вторая глава диссертации посвящена изучению эпитафий на надгробных памятниках Нахчыванского края. Надписи эти (а их много), дали нам имена неизвестных ранее государственных деятелей, представителей духовенства, чиновников и т.д. Кроме этого, надписи-эпитафии дали автору диссертации возможность высказать свои соображения относительно палеографии, каллиграфии, техники резьбы по камню и предоставить исследователям обширную информацию для определения социальной структуры общества края в изучаемый период.

Вопросы социально-политической истории Нахчывани XVI-XIX вв., идеологии, культуры и структуры общественных и иных организаций края рассмотрены диссертантом в третьей главе. Здесь диссертант рассматривает изучаемые памятники в приложении их содержания к социальнополитической истории Нахчывани Автор работы подвергает анализу термины, встречающиеся в надписях (религиозные, гражданские, административные, профессиональные) и надо сказать, что диссертант показал себя в этом весьма профессиональным, ибо он подробно обработал каждый встречающийся в надписях термин. Диссертантам исследованы оформление надписей, их рельефы, раскрыты значения этих

рельефов для прикладного искусства, описаны изображения живых существ, предметов ремесла, бытовых сцен и тому подобное.

Социально-политическая история Нахчыванского края рассматривается диссертантом в преломлении к данным эпиграфики. Например, надписи в городе Ордубоде говорят о прямой заинтересованности правящих кругов Сефевидского Ирана в лояльном отношении ордубадцев к ним и особенно потомков знаменитого Наср ад-Дина ат-Туси, от которых зависело умонастроение ордубадцев. Заигрывание сефевидских властей перед Нахчыванцами ярко прослеживается также в их отношении к представителям крупного местного рода Кенгерли, которые, как известно, первыми в Нахчыванском крае стали придерживаться русской ориентации.

Автор диссертации выявил в надписях важный материал по исторической топонимике и географии Азербайджана и через надписи на мостах установил большую роль городов Нахчыванского края в местной и транзитной торговле изучаемого периода.

На основании анализа проходящих в надписях религиозных, административных, гражданских и профессиональных терминов, диссертант делает резонные выводы о классовой структуре феодального общества Азербайджана позднего средневековья. Весьма интересны и важны исследованные автором диссертации сведения об общественно-политических организациях, о которых говорится в ряде надписей.

В заключении диссертант делает обобщающие выводы по всей проделанной им в течение ряда лет работе по сбору, систематизации и анализу эпиграфических памятников Нахчывана.

Обширная номенклатура источников и литературы (214 названий), а также 115 рисунков и эстампов, приложенных к диссертации, свидетельствуют о вдумчивом и целенаправ-

ленном подходе диссертанта к избранной теме.

Содержание автореферата полностью соответствует содержанию диссертации, а научные публикации автора отражают ее положения и выводы.

Работа Сафарова Ф.Я. “Арабо-персоязычные надписи Нахчыванской АССР (XVI-XIX вв.) как историко-культурные памятники” полностью соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям и ее автор достоин присуждения ему искомой ученой степени кандидата исторических наук.

Академик АН Азерб.ССР

З.М.Буниятов
6 апреля 1987 г

ФОТО - АЛЬБОМ

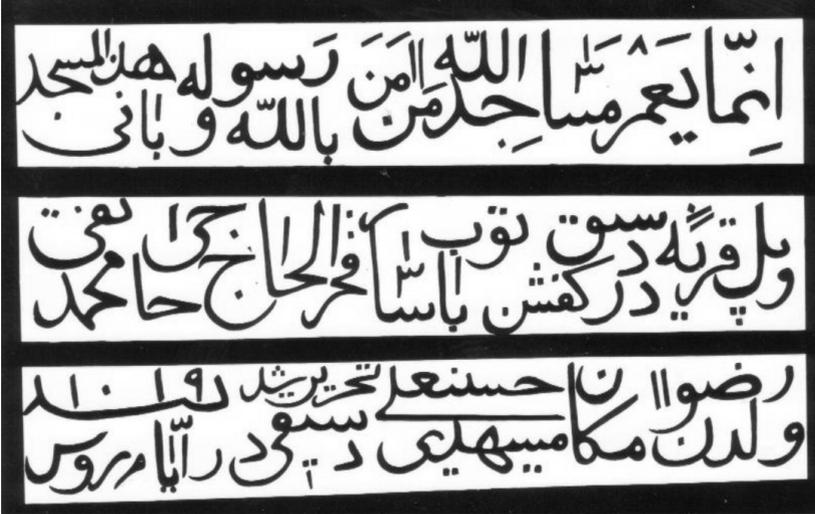

Рис.1

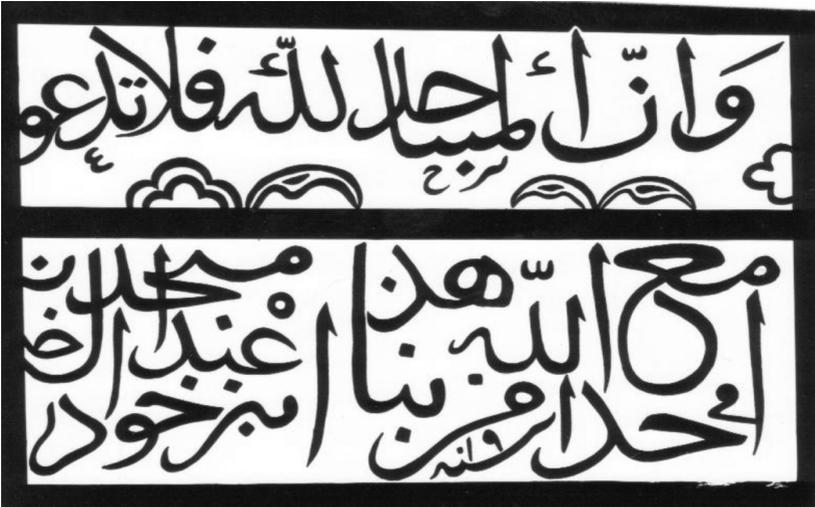

Рис.2

Рис.3

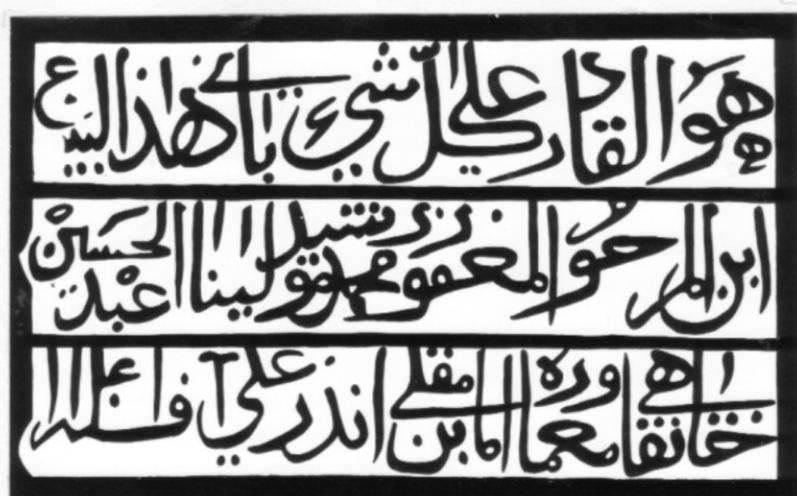

Рис. 4

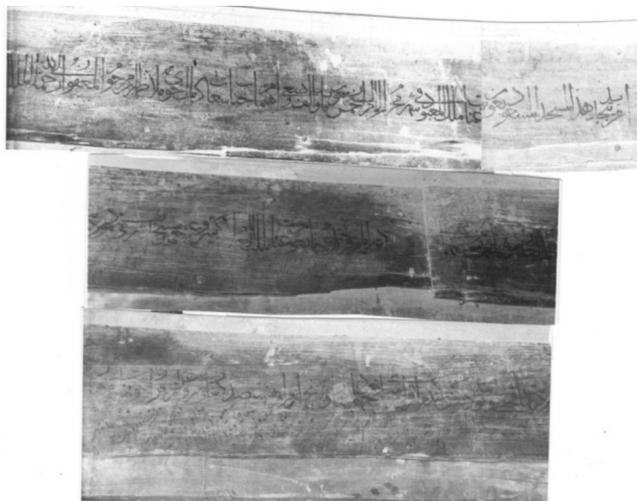

Рис. 5

Рис 5а

Рис.6

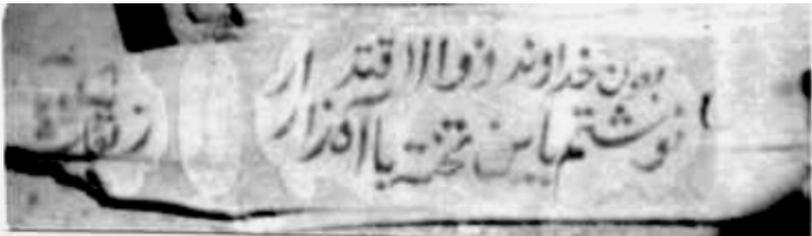

Рис7

Рис. 8

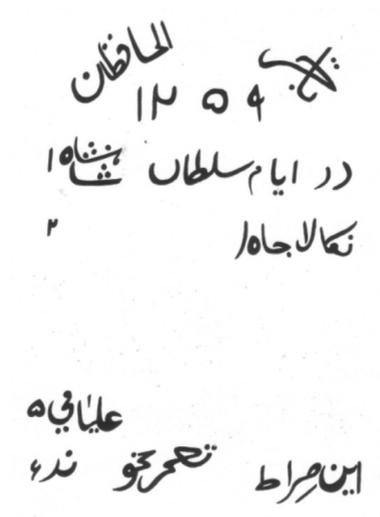

Рис.9

Рис.10

Рис.11

Рис.12

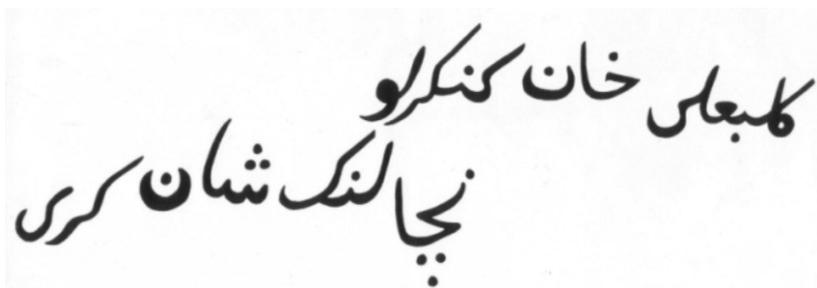

Рис.13

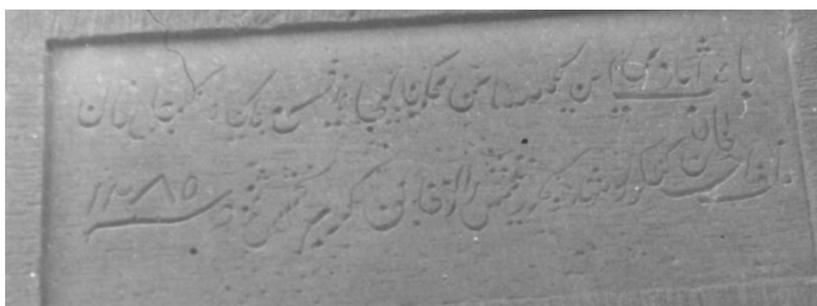

Рис. 14

Рис.15

Рис. 15 а

Рис.16

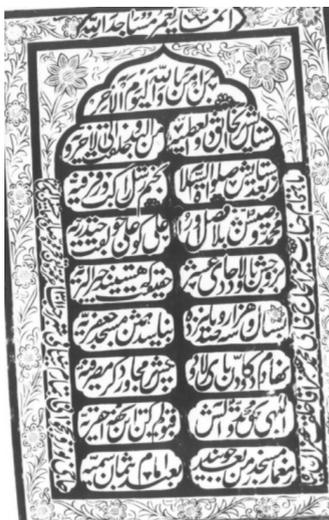

Рис. 17

Рис.18

لَنَا الْأَحْفَرُ
الْحَجَّ تَقَمُّ ١٣
الْحَجَّ مُحَمَّدُ ٩
الْحَجَّ مُحَمَّدُ ٩
ابْنُ الْحَجَّ مُحَمَّدُ ٩

Рис.19

كِبْلَانِي
زَيْنُ الْعَابِدِينَ تَقَاشِ
عَبْدُ اللَّهِ زَادَهُ

Рис.20

Рис.24

Рис. 25

Рис.26

Рис.27

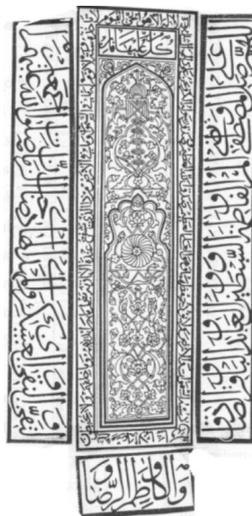

Рис.28

Рис.28 а

Рис.29

Рис.30

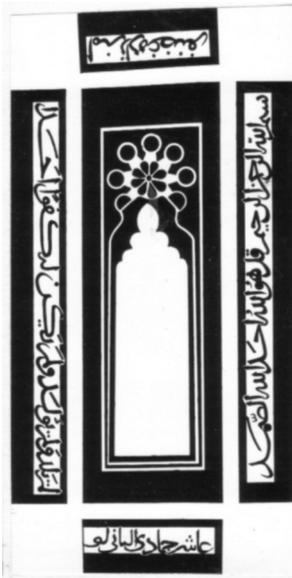

Рис. 31

Рис. 32

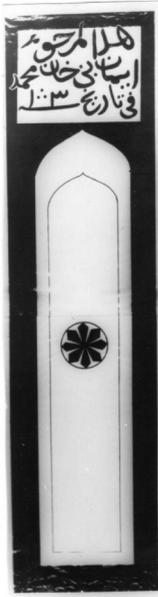

Рис.33

Рис.34

Рис.35

Рис. 36

Рис. 37

Рис.38

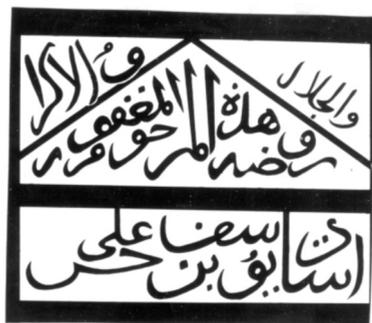

Рис.39

Рис.40

Рис.41

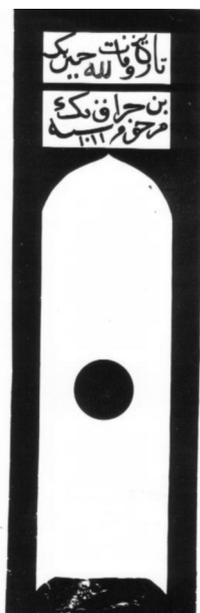

Рис.42

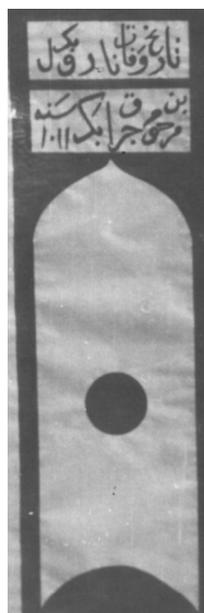

Рис.43

Рис.44

Рис.45

Рис.46

Рис.47

Рис.48

Рис.49

Рис.50

Рис.51

Рис.52

Рис.53

Рис.54

Рис.55

Рис.56

Рис.57

Рис.58

Рис.59

Рис.60

Рис.61

Рис.66

Рис.67

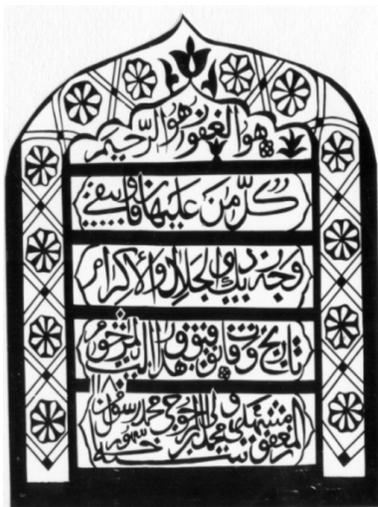

Рис.68

Рис.69

Рис.70

Рис.71

Рис.72

Рис.73

Рис.74

Рис.75

Рис.76

Рис.77

Рис.78

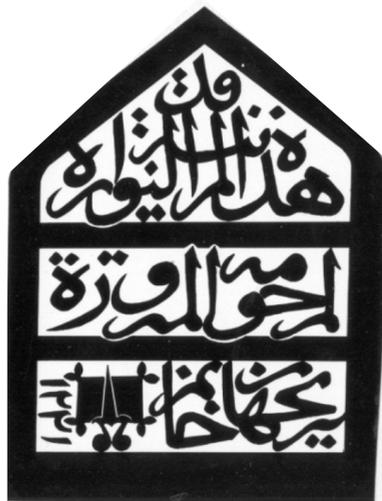

Рис.79

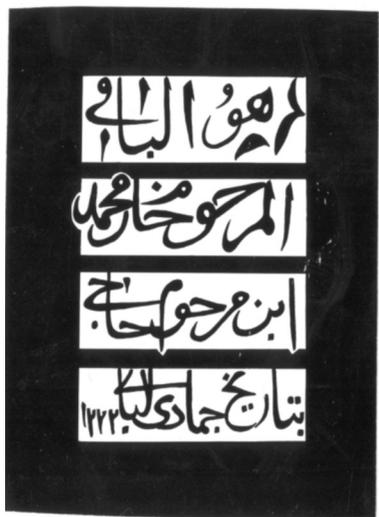

Рис.80

Рис.81

Рис.82

Рис.83

Рис.84

Рис.85

Рис.86

Рис.87

Рис.88

Рис.89

Рис.95

Рис.96

Рис.97

Рис.98

Рис.99

Рис.100

صاحب العالم الفاضل الكامل الكرام القهار الحاج الامير شيخ الطوائف الامير الشيخ
هلال الدين شيخ العالم الفاضل الكامل الكرام القهار الحاج الامير شيخ الطوائف الامير الشيخ
الرفيع كماله القوام الحبيب المعظم المكرم حواري حواري عظمها احاديث
العباد لله كماله القوام الحبيب المعظم المكرم حواري حواري عظمها احاديث

Рис.101

Рис.102

Рис.103

Рис.104

Рис.105

Рис.106

Рис.107

Рис.108

Рис.109

Рис.110

Рис.111

Рис.112

Рис.113

Рис.114

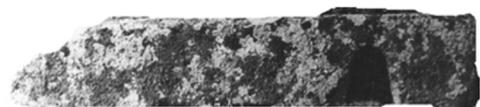

Рис. 114 а

Рис.115

Гаджифахраддин Сафарли

*Эпиграфические памятники
Нахчывана*

Сдано в набор 03.04.2016.

Подписано в печать 15.05.2017.

Формат 60X90 1/16. Гарнитур "Таймыс".

Офсетная печат. Офсетная бумага. Объем 12,5 п.л.

Заказ № 407. Тираж 200.

Город Нахчыван, улица Табриз 1.